

33
A72

ОСНОВАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

СОСТАВИЛЪ

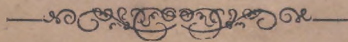
Магистръ политической экономии и статистики

А. АНТОНОВИЧЪ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

Пособіе для курса читаемаго въ Институтѣ Сельскаго Хозяйства
и Лѣсоводства въ Новой Александріи.

ВАРШАВА.

Типографія Н. Новалевскаго, ул. Королевская № 23.

1879.

ОСНОВАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

03

ОСНОВАНИЯ

33
A72

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

СОСТАВИЛЪ

Магистръ политической экономии и статистики

1885/2

А. АНТОНОВИЧЪ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

Пособіе для курса читаемаго въ Институтѣ Сельскаго Хозяйства
и Лѣсоводства въ Новой Александріи.

ВАРШАВА.

Типографія Н. Ковалевскаго, ул. Королевская № 23.
1879.

Київський інститут
народного господарства
БІБЛІОТЕКА

ВВЕДЕНИЕ.

Определение предмета политической экономии, ея методъ, значеніе и система.

§ 1. Въ сферѣ дѣятельности, имѣющей своею задачею удовлетвореніе разнообразныхъ потребностей человѣка, необходимо различать элементы физическій, этическій и общественный, между которыми существуетъ неразрывная связь, но которые въ то же время имѣютъ самотѣльное значеніе и служатъ источникомъ какъ возникновенія, такъ и развитія отдѣльныхъ, самостоятельныхъ наукъ.

Физическій элементъ представляетъ собою техническую сторону въ дѣятельности людей. Въ сельскомъ хозяйствѣ, на прим., элементъ этотъ состоитъ изъ совокупности техническихъ приемовъ, направленныхъ къ разчисткѣ и обработкѣ земли, къ воздѣлыванію насажденій, къ сбору, сохраненію и первоначальной переработкѣ ихъ. Въ обрабатывающей промышленности онъ состоитъ изъ такихъ же приемовъ, направленныхъ къ дальнѣйшей обработкѣ продуктовъ. Въ умственной дѣятельности онъ слагается изъ разнообразныхъ механическихъ усилій, состоитъ въ матеріальномъ трудѣ, необходимомъ для того, чтобы писать или диктовать, чертить фигуры, производить опыты, собирать матеріалы для изслѣдованій, устраивать модели и т. п. Во всѣхъ та-

ких работах человекъ имѣетъ дѣло съ матеріальнымъ міромъ, въ которомъ производить опредѣленные передвиженія между частями вещества. Физическій элементъ въ дѣятельности людей исключительно состоитъ „въ помѣщеніи вещей въ такое положеніе, что бы онѣ измѣнялись по нашей надобности своими внутренними силами и силами, лежащими въ другихъ предметахъ природы. Больше этого человекъ ничего не производитъ. Онъ только придвигаетъ одну вещь къ другой. Онъ вдвигаетъ зерно въ землю и естественныя растительныя силы постепенно производятъ корень, стебель, листья, цвѣты и плодъ. Онъ продвигаетъ топоръ черезъ дерево и оно падаетъ естественными силами тяжести. Онъ имѣетъ только одно средство дѣйствовать на матерію, это средство — двигать ее. Движеніе и сопротивленіе движенію — вотъ единственныя вещи, для которыхъ годятся его мускулы.“ (1).

Цѣлесообразное направленіе этого физическаго элемента въ дѣятельности обуславливается умственнымъ развитіемъ производителей, подъ вліяніемъ чего возникли и постоянно усовершенствуются такъ называемыя техническія знанія, къ которымъ относятся сельско - хозяйственныя, лѣсоводственныя, коммерческія и тому подобныя отрасли человѣческаго мышленія, направляемаго къ изученію какъ силъ и качествъ матеріаловъ, употребляемыхъ въ промышленности, такъ и средствъ наиболѣе цѣлесообразнаго ихъ употребленія.

Этическій элементъ состоитъ въ нравственно-юридическомъ порядкѣ, вліяющемъ на энергію и направленіе дѣятельности. Каждый человекъ, занимающійся опредѣленною отраслью промышленности, долженъ имѣть свѣдѣнія не только о технической стороне этой промышленности, но также и о томъ нравственно-юридическомъ порядкѣ, среди котораго ему приходится жить и дѣйствовать. Свойства его дѣятельности находятся въ безусловной зависимости отъ установившихся обычаевъ и положительныхъ законовъ, относящихся къ собственности, сношеніямъ между хозяевами и рабочими, нанимателями и нанимаемыми, къ разнымъ видамъ наймовъ имущества и разнообразнымъ обязанностямъ арендаторовъ и т. п. Вотъ почему общественная власть, заботясь о распространеніи техническихъ знаній, заботится также

о разумной организаціи нравственно-юридическаго порядка, о надлежащемъ осуществленіи въ дѣйствительности идей правды и справедливости, заключающихся въ природѣ челоуѣка и постепенно развивающихся подъ вліяніемъ благопріятныхъ этому развитію условій. По этому же, наравнѣ съ техническими знаніями, дѣятельность людей требуетъ возникновенія и развитія нравственно-юридическихъ наукъ, направленныхъ къ изученію законовъ нравственности и права и тѣмъ самымъ способствующихъ лучшей организаціи нашей дѣятельности.

Третій элементъ дѣятельности людей, называемый общественнымъ или политическимъ, состоитъ изъ естественныхъ законовъ и фактовъ борьбы и союзности въ отношеніяхъ между людьми. Элементъ этотъ представляетъ собою такую же органическую часть челоуѣческой дѣятельности, соединенъ съ нею также неразрывно, какъ и первые два элемента. Одиночество также разрушительно вліяетъ на хозяйство людей, на ихъ духовный и матеріальный трудъ, какъ отсутствіе техническихъ знаній и нравственно-юридическаго порядка, гарантирующаго для производителей ихъ личную и имущественную свободу. Одиночество и хозяйство, справедливо замѣчаютъ одинъ изъ нашихъ экономистовъ, являются въ быту челоуѣческомъ прямыми противоположностями, эти два понятія вполне несовмѣстимы, они другъ друга исключаютъ (*). Большая часть животныхъ для удовлетворенія своихъ потребностей довольствуется своими одиночными усиліями; незначительная лишь часть ихъ ассоціируетъ свои усилія съ другими экземплярами породы, но такое соединеніе усилій также незначительно, какъ незначительны и самыя потребности этихъ животныхъ. Одинъ челоуѣкъ одаренъ безгранично развивающимися потребностями, удовлетвореніе которыхъ не мыслимо въ одиночествѣ, невозможно при единичныхъ усиліяхъ трудящагося, но легко можетъ быть достигнуемо въ обществѣ, при совмѣстномъ трудѣ многихъ людей. Вотъ почему уже въ глубокой древности, въ тѣ варварскіе періоды жизни челоуѣчества, о какихъ только мы имѣемъ свѣдѣнія, челоуѣкъ жилъ не изолированно, но въ средѣ тѣхъ или иныхъ союзовъ, благодаря которымъ онъ имѣлъ возможность защищать свою жизнь и находить

удовлетвореніе своихъ непрехотливыхъ потребностей. Потребности эти постепенно развиваются, а вмѣстѣ съ ними постепенно развиваются и сношенія между людьми, въ свою очередь вліяющія на размноженіе и развитіе потребностей. Въ настоящее время общества представляютъ собою такіе организмы, въ которыхъ отдѣльныя части находятся въ неразрывной взаимной связи, приводящей къ тому, что каждая часть, взятая въ отдѣльности, не можетъ существовать, какъ отторгнутая отъ своего цѣлаго. Въ одиночномъ состояніи для производства продуктовъ, потребляемыхъ каждымъ изъ насъ въ продолженіи одного дня, необходимо было бы употребить цѣлыя столѣтія; другими словами, въ этомъ состояніи каждый изъ насъ никогда не могъ бы имѣть того, что въ настоящее время имѣеть, или можетъ имѣть, каждый день (3). Вполнѣ вѣрно замѣчаніе Г. Кэри, что въ совершенно изолированномъ положеніи человѣкъ перестаетъ быть человѣкомъ, какъ существомъ, отличающимся отъ животныхъ высшими потребностями и въ особенности потребностями умственными. Изолируйте человѣка, говоритъ Кэри, и въ этомъ состояніи, потерявши даръ слова, онъ лишится своихъ мыслительныхъ способностей, вмѣстѣ съ которыми теряетъ и свои характеристическія человѣческія свойства. Возвращенный въ общество, этотъ человѣкъ получаетъ возможность говорить и опять становится разумнымъ существомъ (4). Та жизнь вѣкъ общественной, о которой мечтали нѣкоторые изъ мыслителей прошлаго столѣтія и которую они изображали такими увлекательными картинами, въ дѣйствительности возможна не иначе, какъ при уничтоженіи въ человѣкѣ его человѣческаго достоинства, при низведеніи человѣка на степень неразумнаго животнаго, живущаго изолированными усиліями и одареннаго ничтожными потребностями. Возможность удовлетворенія въ настоящее время высоко развитыхъ потребностей человѣка, принадлежащаго къ образованнымъ обществамъ, безъ всякаго сомнѣнія, обуславливается развитіемъ техническихъ знаній и нравственно-юридическаго порядка, но ни то, ни другое не мыслимо вѣкъ общества, не возможно въ той вѣкъ общественной средѣ, въ которой человѣкъ низводится на степень неразумнаго животнаго.

Очевидно, что общественный элементъ въ дѣятельности людей, предназначенной къ достиженію удовлетворенія потребностей, представляетъ собою въ высшей степени важную сторону, безъ надлежащаго развитія которой не мыслимо надлежащее развитіе остальныхъ сторонъ, безъ надлежащаго развитія которой не мыслимо также сохраненіе и развитіе отличительныхъ свойствъ человѣка, какъ разумнаго существа.

Этотъ общественный элементъ въ дѣятельности людей, направленной къ удовлетворенію какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ потребностей, и составляетъ предметъ науки, называемой политической экономіею.

Названіе этой науки — греческое; политическій значить — общественный, экономія — домоустройство, домоуправленіе или вообще домовитость. Такимъ образомъ названіе экономической науки можетъ быть переведено словами: общественное домоустройство или общественная домовитость. Такое названіе науки безусловно соотвѣтствуетъ ея предмету. Политическая экономія есть наука общественной домовитости. Она имѣетъ свою задачу изученіе тѣхъ естественныхъ законовъ домовитости, которые заключаются въ общественности, въ той массѣ разнообразныхъ сношеній между людьми, необходимость коихъ проистекаетъ изъ необходимости удовлетворенія потребностей. Домовитость въ дѣятельности человѣка зависитъ отъ разумной организаціи или техники, или нравственно-юридическаго порядка, или общественности. Она можетъ быть, такимъ образомъ, или технической, или нравственно-юридическою, или общественною. Политическая экономія ограничиваетъ сферу своихъ изслѣдованій исключительно явленіями и законами послѣдней домовитости. Она не касается технической стороны въ дѣятельности людей; не изучаетъ, на прим. устройства земледѣльческихъ машинъ, ихъ вліянія на обработку почвы и т. п., но изучаетъ общественное значеніе машинной обработки земли, вліяніе машиннаго производства на положеніе рабочихъ и хозяевъ, изучаетъ явленія борьбы и союзности между людьми, образующіяся при такомъ производствѣ. Она не касается и нравственно-юридической стороны въ дѣятельности людей; не изучаетъ на прим. обычныхъ и положи-

тельныхъ законовъ, регулирующихъ право собственности, но останавливается на общественныхъ явленіяхъ, образующихся при различныхъ формахъ и размѣрахъ собственности, изучаетъ вліяніе послѣднихъ на хозяйственное развитіе общества, на его богатство или бѣдность, изучаетъ механизмъ обмѣна, натуральные, денежные и кредитные способы перехода собственности изъ однихъ хозяйствъ въ другія.

Точно также и при изученіи явленій духовной дѣятельности политическая экономія, оставляя въ сторонѣ физическій и этический элементы этой дѣятельности, сосредоточиваетъ свое вниманіе на общественномъ ея элементѣ, правильная организація котораго приводитъ къ сохраненію духовныхъ силъ человѣка, къ болѣе легкому и всестороннему удовлетворенію его духовныхъ потребностей. Она обращаетъ вниманіе не на внутреннее достоинство различныхъ продуктовъ духовнаго труда, не на полезность ихъ, но на цѣнность и цѣну, на тѣ связи между людьми, которыя образуются между ними въ цѣляхъ лучшаго удовлетворенія духовныхъ нуждъ. Политическая экономія въ этомъ случаѣ подводитъ къ одному знаменателю дѣятельность духовную съ матеріальною дѣятельностью. Такимъ общимъ знаменателемъ является общественность, какъ совокупность разнообразныхъ сношеній между людьми, изученіе естественныхъ законовъ которыхъ и составляетъ предметъ этой науки.

(1) Д. С. Милль. Основ. полит. экономіи, т. 1-й, стр. 35—36.

(2) Э. Вреденъ. Строй экономическ. предприятий, стр. 8.

(3) F. Bastiat. Harmonies économiques, стр. 27. (4) H. C. Сегеу. Principes de la science sociale, т. 1-й, стр. 40.

§ 2. Приведенное нами опредѣленіе политической экономіи представляетъ собою обобщеніе фактическихъ воззрѣній наиболѣе авторитетныхъ экономистовъ, *словесно* въ этомъ случаѣ чрезвычайно далеко расходящихся.

По справедливому замѣчанію Г. Маглеода, хотя во многихъ наукахъ опредѣленіе предмета — задача не легкая, „но ни

въ одной наукѣ она не представляетъ столько трудностей, какъ въ политической экономіи; ни въ одной наукѣ извѣстные писатели не выражали такихъ разнообразныхъ и разностороннихъ мнѣній на счетъ свойства и пространства избраннаго предмета; ни въ одной наукѣ они не расходились до такой степени на счетъ того, что должно быть включено въ ея область и не расходились такъ въ изложеніи¹⁾. Въ доказательство этого приводимъ сводъ важнѣйшихъ возрѣній на предметъ экономической науки.

По ученію основателя политической экономіи, А. С м и т а, предметъ этой науки состоитъ въ изученіи природы и источниковъ народнаго и государственнаго богатства²⁾.

Точнаго опредѣленія того, что такое богатство, А. С м и т а не даетъ, но изъ его изслѣдованій видно, что подъ богатствомъ онъ разумѣетъ совокупность вещественныхъ продуктовъ или результаты того труда, который овеществляется въ произведеніяхъ. Невещественный трудъ, по его возрѣвію, не имѣетъ производительнаго значенія, вслѣдствіе чего продукты такого труда не могутъ считаться въ реестръ народнаго богатства. И такъ, по ученію С м и т а, политическая экономія ограничивается изученіемъ природы и источниковъ матеріальнаго богатства народовъ и государствъ.

Ближайшій изъ учениковъ А. С м и т а, Ж. Б. С э., называетъ политическую экономію наукой о производствѣ, распредѣленіи и потребленіи богатствъ; но, въ противоположность ученію С м и т а, въ понятіе богатства онъ включаетъ и невещественную дѣятельность человѣка. Невещественныя богатства, говоритъ онъ, могутъ приносить такой же доходъ, какъ и богатства матеріальныя. Изъ двухъ лицъ, одинаково лишившихся имущества, тотъ, кто владѣетъ лучшими способностями, долженъ быть признанъ болѣе богатымъ, чѣмъ другой, не владѣющій такими способностями. Человѣкъ, на воспитаніе котораго затрачены извѣстныя издержки, можетъ быть разсматриваемъ какъ накопленный капиталъ, потому что затраченныя такимъ образомъ издержки приносятъ доходъ, подобно всякому другому капиталу³⁾.

Д. Рикардо не даетъ опредѣленія политической экономіи; но уже изъ даннаго имъ названія своей книгѣ: „Начала политической экономіи и налоги“ можно заключить, что изученіе источниковъ государственнаго богатства (теорія налоговъ), по его мнѣнію, не входитъ въ составъ политической экономіи.

Шторхъ дѣлаетъ попытку вполне самостоятельнаго включенія въ сферу экономическихъ изслѣдованій законовъ невещественной дѣятельности. Политическая экономія, говоритъ онъ, имѣетъ своимъ предметомъ изученіе тѣхъ естественныхъ законовъ, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе человѣческаго рода. Она указываетъ, какимъ образомъ человѣкъ, живя въ обществѣ, можетъ удовлетворять свои потребности какъ физическія, такъ и нравственныя, какъ природныя, такъ и приобрѣтенныя, указываетъ при какихъ условіяхъ развиваются богатство, искусство, образованіе, товарищества; однимъ словомъ, наука эта изучаетъ тотъ естественный механизмъ, которымъ обусловливается цѣлесообразность человѣческой дѣятельности. Она раздѣляется на двѣ самостоятельныя части, на теорію народнаго богатства и теорію цивилизаціи. Богатствомъ Шторхъ называетъ совокупность матеріальныхъ имуществъ, составляющихъ собственность извѣстнаго народа, а цивилизаціей — совокупность имуществъ нематеріальныхъ ⁽¹⁾. Такимъ образомъ Шторхъ совершенно по инымъ основаніямъ, нежели Ж. Б. Сэ, включаетъ въ сферу политико-экономическихъ изслѣдованій невещественную дѣятельность. Сэ отождествляетъ эту дѣятельность съ вещественною, включаетъ ее въ сферу экономическихъ изслѣдованій единственно потому, что она приноситъ доходъ, подобно труду, направленному къ производству вещественныхъ продуктовъ. По Шторху, политическая экономія занимается изученіемъ законовъ народнаго благосостоянія, состоящаго въ удовлетвореніи всѣхъ законныхъ потребностей человѣка. Невещественная дѣятельность имѣетъ въ виду удовлетвореніе духовныхъ потребностей человѣка, безъ какого удовлетворенія человѣкъ не можетъ чувствовать себя счастливымъ, благосостояніе его не возможно. Невещественная дѣятельность, по этому, и должна входить въ кругъ изслѣдованій науки, изучающей законы народна-

го благосостояніи. Но такъ какъ дѣятельность эта не тождественна съ вещественною, то изученіе ея должно составить особый отдѣлъ политической экономіи, названный теоріей цивилизаціи.

По взгляду Кэри, политическая экономія есть практическая часть социальной науки. Социальная наука занимается изученіемъ законовъ, регулирующихъ стремленія людей къ развитію индивидуальности и ассоціаціи; политическая экономія изучаетъ средства согласованія этихъ стремленій такимъ образомъ, чтобы социальные законы могли вполнѣ осуществляться въ дѣйствительности (³).

Маклеодъ называетъ политическую экономію наукою обмѣна. Потребности являются двигателями производства. Когда продукты произведены, то распредѣленіе ихъ можетъ быть основано на двухъ противоположныхъ законахъ; или на законѣ, по которому никто не имѣетъ исключительнаго права собственности на произведенное имъ, при чемъ все произведенія поступаютъ въ общій капиталъ и за тѣмъ распредѣляются сообразно установленнымъ для этого правиламъ; или на совершенно противоположномъ законѣ, на признаніи принципа собственности, по которому распредѣленіе произведеній совершается посредствомъ обмѣна, причемъ количество, отдаваемое въ обмѣнѣ, опредѣляется частнымъ соглашеніемъ договаривающихся сторонъ. Все разнообразныя планы распредѣленія произведеній, основанные на первомъ законѣ, извѣстны подъ общимъ названіемъ социализма. Все эти планы — печальное заблужденіе, неосуществимая мечта, которая всегда приводила и будетъ приводить къ неудачамъ. Человѣкъ имѣетъ ненарушимое право удерживать за собою продукты своей дѣятельности и обмѣнивать ихъ на чужія произведенія по своему усмотрѣнію. „Этимн-то обмѣнами и различными размѣрами, въ которыхъ предметы обмѣниваются одни на другіе, наука политической экономіи и должна ограничиться. Предметъ чистой науки политической экономіи заключается въ томъ, чтобы изучить законы, опредѣляющіе отношенія обмѣниваемыхъ количествъ. Мѣновныя отношенія каждаго количества къ другому называются его цѣнностью. Такимъ образомъ, истинная задача науки политической

экономіи заключается въ томъ, чтобы изучить законы, опредѣляющіе цѣнность количествъ“ (8).

По Д. С. Миллю, политическая экономія есть наука о богатствѣ. „Экономисты, говорить онъ, ставятъ цѣлю своей науки изслѣдованію о сущности богатства, законахъ его производства и распредѣленія. Прямо или косвенно, въ этотъ кругъ входитъ изложеніе всѣхъ причинъ, отъ которыхъ зависить хорошее или дурное состояніе человѣчества вообще или извѣстнаго человѣческаго общества по отношенію къ предмету всеобщаго желанія людей, богатству.“ Богатствомъ Милль называетъ сумму необходимыхъ, полезныхъ и пріятныхъ вещей, имѣющихъ мѣновую цѣнность, то есть годныхъ къ обмѣну и продажѣ (9).

По ученію Молинару, политическая экономія занимается описаніемъ общественнаго организма, условій богатства или бѣдности населенія, факторовъ производства продуктовъ, необходимыхъ для удовлетворенія разнообразныхъ потребностей, способовъ пріобрѣтенія этихъ продуктовъ отдѣльными членами общества и законами распредѣленія доходовъ между участниками въ производствѣ. Эта наука имѣетъ своимъ предметомъ изученіе всего общественнаго механизма, она есть ни что иное, какъ анатомія и физиологія общества (10).

По Рощеру, политическая экономія занимается главнымъ образомъ матеріальнымъ бытомъ народовъ; она есть наука о законахъ хозяйственныхъ явленій народной жизни. Такъ какъ хозяйственный бытъ находится въ тѣсной связи со всѣми сторонами народной жизни, то политическая экономія косвеннымъ образомъ касается и сторонъ, прямо не относящихся къ хозяйственнымъ явленіямъ, но имѣющихъ на послѣднія жизненное вліяніе (11).

По опредѣленію Коклена, политическая экономія имѣетъ своимъ предметомъ промышленность, но не техническую ея сторону, но общественныя отношенія, которымъ она подчиняется въ своемъ развитіи (12).

По ученію Бастіа, предметъ этой науки — взаимныя между людьми услуги, направленныя къ удовлетворенію потребностей (13).

Не меньшее разногласіе по вопросу о предметѣ политической экономіи существуетъ и въ нашей экономической литературѣ.

По ученію Т. С т е п а н о в а, эта наука „разгадываетъ физическую жизнь государствъ, какъ политическихъ обществъ; каждый человѣкъ живетъ двойною жизнью, физическою и нравственною. Человѣкъ, какъ простое животное, долженъ ѣсть, пить, одѣваться, сберегать себя отъ холода. Отсюда развиваются тысячи физическихъ или животныхъ нуждъ, потому что пища, питье, одежда, жилища облакаются человѣкомъ въ разнообразныя виды и всякій стремится удовлетворить этимъ нуждамъ по мѣрѣ своихъ силъ. Кромѣ этихъ потребностей нашей физической природы, находятся еще другія нужды, нравственныя, относящіяся до нашей нравственной природы. Эти нужды равно многочисленны. Что мы сказали о частномъ человѣкѣ, то же идетъ къ цѣлымъ обществамъ, состоящимъ изъ частныхъ людей, заключающимъ въ своемъ кругу всѣ ихъ нужды физическія и нравственныя. Мы можемъ представлять себѣ общества, какъ индивидуальныя лица, имѣющія жизнь физическую и нравственную. Предметы первой извѣстны подъ именемъ богатства, предметы второй составляютъ образованность, понимаемую въ обширномъ смыслѣ. Какъ богатства въ обществѣ пріобрѣтаются—вотъ задача, рѣшаемая политической экономіею“ (12).

По опредѣленію И. Г о р л о в а, политическая экономія разсматриваетъ хозяйственныя условія народнаго благосостоянія, на сколько они заключаются въ нравственной природѣ человѣка и въ общественности (13).

По опредѣленію Н. Б у н г е, „задача политической экономіи состоитъ въ изученіи общественной стороны хозяйственныхъ явленій, и законовъ, которымъ подчинены эти явленія“ (14).

По опредѣленію М. В о л ь с к а г о, наука эта опредѣляетъ общіе законы общественнаго организма и стремится къ достиженію благосостоянія отдѣльныхъ лицъ и обществъ (15).

По опредѣленію Э. В р е д е н а, политическая экономія есть наука человѣческаго хозяйства (16).

Изъ приведенныхъ опредѣленій видно, что вопросъ о предметѣ политической экономіи до настоящаго времени не можетъ считаться рѣшеннымъ точно и бесспорно. Между тѣмъ истинная констатировка предмета науки имѣетъ жизненное значеніе; политическая экономія не заслуживала бы имени науки, если бы предметъ ея изслѣдованій не могъ быть точно и бесспорно указанъ. Опредѣленіе предмета имѣетъ такое же значеніе въ наукѣ, какъ сознаніе для индивидуума; человѣкъ перестаетъ быть разумнымъ существомъ, коль-скоро лишается сознанія, наука не можетъ быть истинной наукой, коль-скоро остается неопредѣленнымъ, неизвѣстнымъ поле ея изслѣдованій. Всякая совокупность знаній, въ числѣ другихъ условій необходимыхъ для того, чтобы быть наукой, должна быть органическимъ цѣлымъ. Но органической цѣлости не можетъ быть тамъ, гдѣ приходится бродить ощупью, гдѣ не установилась почва. Органическая цѣлость науки предполагаетъ ея индивидуальность или самобытность въ семьѣ другихъ наукъ, но это не мыслимо, такъ сказать, безъ самосознанія науки, то есть безъ точнаго опредѣленія ея предмета, сферы и предѣловъ ея изслѣдованій, подобно тому, какъ не мыслима индивидуальность человѣка внѣ самосознанія.

Къ счастью, относительно предмета своей науки экономисты фактически далеко не такъ расходятся, какъ это можно бы предполагать на основаніи предложенныхъ ими опредѣленій. Эта однородность фактическихъ воззрѣній ихъ и даетъ намъ возможность точно формулировать задачу политической экономіи.

Анализируя фактическія воззрѣнія экономистовъ о предметѣ политической экономіи, мы находимъ въ этихъ воззрѣніяхъ двѣ стороны, въ большей или меньшей степени общія всѣмъ имъ.

Съ одной стороны нельзя не признать такую общую сторону этихъ воззрѣній то, что экономисты, предлагая самыя разнообразныя опредѣленія своей науки, въ то же время всѣ одинаково или почти одинаково исключаютъ изъ сферы своихъ изслѣдованій физическій и этический элементы, сосредоточивая свое вниманіе на элементѣ общественномъ въ дѣятельности людей. А. С м и т ѣ въ своемъ гениальномъ трудѣ о богатствѣ народовъ изучаетъ природу и источники богатства не съ технической и нравственно-

юридической сторонѣ, но исключительно со стороны общественной, изучаетъ общественныя свойства и условія благосостоянія. Онъ занимается изслѣдованіемъ общественныхъ условій успѣшности труда, говоритъ о раздѣленіи его, о распредѣленіи продуктовъ, о цѣнности, деньгахъ, заработной платѣ, капиталистической прибыли, рентѣ, накопленіи и употребленіи капиталовъ, о естественномъ и историческомъ развитіи благосостоянія народовъ, о системахъ меркантилистовъ и физиократовъ, о государственныхъ налогахъ и расходахъ. Уже одинъ этотъ перечень предмета изслѣдованій достаточно ясно указываетъ, что А. С м и т ѣ въ своемъ изслѣдованіи занимается исключительно общественною стороною богатства народовъ. То же самое необходимо сказать и о всѣхъ другихъ экономистахъ. Никто изъ извѣстныхъ представителей политической экономіи не считаетъ дѣломъ экономиста изученіе ни техники, ни этики человѣческой дѣятельности и ея результатовъ, народнаго богатства. Всѣ экономисты, если не въ опредѣленіяхъ предмета своей науки, то непосредственно въ своихъ изслѣдованіяхъ обращаютъ вниманіе свое на общественный элементъ въ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію потребностей, исключительно этотъ элементъ считаютъ предметомъ политико-экономическаго изслѣдованія.

Съ другой стороны, занимаясь изученіемъ общественности въ человѣческой дѣятельности, экономисты большою частью односторонне ея занимаются, обращаютъ вниманіе на одну ея сторону, игнорируя другую. Экономисты большою частью занимаются мѣловыми сношеніями между людьми, изучаютъ законы борьбы и союзности тѣхъ явленій общественности, которыя имѣютъ своимъ источникомъ существованіе различій въ свойствахъ и стремленіяхъ людей. Это лучше всего можетъ быть доказано сравненіемъ таковыхъ, по видимому, противоположныхъ воззрѣній на предметъ политической экономіи, какъ воззрѣнія М а к л е о д а и К э р и. По господствующему мнѣнію, одинъ изъ нихъ сужаетъ, между тѣмъ какъ другой, напротивъ того, расширяетъ предѣлы экономическаго науки. Какъ мы видѣли, свое опредѣленіе предмета политической экономіи К э р и ставитъ въ зависимость отъ опредѣленія соціальной науки; политическая экономія,

но его ученію, составляетъ прикладную часть соціологін; чѣмъ занимается въ теоріи соціологія, тѣмъ съ практической точки зрѣнія занимается политическая экономія. Такимъ образомъ легко можетъ показаться, что Кэри расширяетъ предметъ политической экономіи, почти отождествляя сферу изслѣдованій этой науки съ сферой изслѣдованій соціальной науки вообще. На основаніи этого многіе и заключаютъ, что Кэри отождествляетъ политическую экономію съ соціальною наукою и такимъ образомъ вводитъ въ экономическую науку то, что должно бы входить въ сферу соціологін. Совершенно на оборотъ относительно Маклеода; большинство ученыхъ вооружается противъ крайняго суженія имъ сферы экономическихъ изслѣдованій.

Но противоположныя воззрѣнія Маклеода и Кэри имѣютъ много тождественнаго. Общество, по опредѣленію Кэри, есть ничто иное, какъ сумма соединеній, происходящихъ отъ существованія различій между людьми. Оно возникло тогда, когда къ Робинзону Крузэ присоединился Пятница и когда между ними появился обмѣнъ мыслей и услугъ. Общество и сношенія между людьми — это понятія тождественныя. Но сношеніе возможно лишь тогда, когда существуетъ различіе между людьми. Если бы Робинзонъ и Пятница имѣли однѣ и тѣ же способности, то общенія между ними не были бы подобно тому, какъ нѣтъ химическаго соединенія между двумя атомами кислорода или водорода. Химическое соединеніе возникаетъ лишь тогда, когда производится соприкосновеніе между разнородными элементами. То же самое и въ мірѣ человѣческомъ. Общество не существовало бы, если бы не было различій между людьми. Чѣмъ значительнѣе различія, тѣмъ сильнѣе стремленія къ сношеніямъ, тѣмъ сильнѣе развивается общественность. Между обществами, исключительно занимающимися земледѣліемъ, ассоціація едва замѣтна; но она въ высшей степени развита въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ фермеръ, юристъ, торговецъ, плотникъ, кузнецъ, каменщикъ, мельникъ, прядильщикъ, ткачъ, архитекторъ, производители машинъ и добыватели желѣза входятъ въ общество, какъ составныя его части. Въ обществѣ, подобно тому, какъ и въ мі-

рѣ неорганическомъ, стремленіе къ ассоціаціи увеличивается вмѣстѣ съ увеличеніемъ различій и уменьшается вмѣстѣ съ уменьшеніемъ ихъ (17). Очевидно, что, по ученію Кэри, общество есть мѣновая ассоціація.

Одинъ изъ послѣдователей Кэри прямо говоритъ, что общество есть ничто иное, какъ сумма обмѣновъ (18). Такимъ образомъ соціальная наука Кэри въ сущности мало отличается отъ политической экономіи Маклеода, та и другая занимаются изученіемъ сношеній, происходящихъ отъ существованія различій, то есть явленій и законовъ обмѣна услугъ (19).

Епископъ Уатли, предложивъ назвать политическую экономію каталактикою, какъ наукою о мѣновыхъ сношеніяхъ, не сказалъ ничего новаго, онъ только ясно формулировалъ то, что de facto признавалось большинствомъ другихъ экономистовъ. Всякій вопросъ экономисты разсматривали сквозь призму обмѣна; на самое общество нѣкоторые изъ нихъ, какъ видимъ, смотрѣли какъ на сумму обмѣновъ. Они слабо замѣчаютъ или даже игнорируютъ другую сторону общественности, совершенно противоположную мѣновой, а именно ту сторону, которая имѣетъ своимъ прямымъ источникомъ не различія, но сходства между людьми. Сношенія между людьми происходятъ не только отъ существованія различій, но также отъ существованія сходствъ. Я имѣю хлѣбъ, но желаю приобрести строительный матеріалъ, другой человѣкъ имѣетъ строительный матеріалъ и желаетъ приобрести хлѣбъ; между нами происходитъ обмѣнъ, появляется мѣновое сношеніе, имѣющее своимъ источникомъ существованіе различій. Десять человѣкъ, работая вмѣстѣ, могутъ общими усиліями поднять извѣстную тяжесть, между тѣмъ какъ усилія каждаго изъ нихъ не приносятъ никакой пользы, если каждый изъ нихъ будетъ работать отдѣльно. Здѣсь мы видимъ фактъ сношенія, источникъ котораго заключается въ существованіи сходствъ въ средствахъ и цѣли. Элементъ сходствъ лежитъ въ основаніи безконечнаго множества разнообразныхъ союзовъ, начиная союзами родственными, племенными, и кончая союзомъ, обнимающимъ собою все другіе—государствомъ. Соединенію мелкихъ капиталовъ мы обязаны всеми

великими предпріятіями, которыми горди тся настоящее время, между тѣмъ какъ тѣ же самые капиталы, взятые въ отдѣльности, не приносили бы обществу никакой пользы, или, если бы и приносили, то самую ничтожную. Промышленность въ большихъ размѣрахъ возможна не иначе, какъ при разнообразныхъ соединеніяхъ труда съ капиталомъ. Наконецъ, одно простое соединеніе труда многихъ людей образуетъ множество разнообразныхъ производительныхъ союзовъ, называемыхъ артелями, производительными товариществами и т. п. Игнорировать закономъ единенія сходствъ, утверждать, что общество есть сумма сношеній, происходящихъ отъ существованія различій, значитъ повторять ошибку Гегеля, отрицавшаго существованіе звѣзднаго міра.

И такъ, представители экономической науки, не смотря на все свои словесныя разногласія въ опредѣленіи предмета ея, сходятся между собою въ томъ, что ни физическій, ни этический элементы дѣятельности не входятъ въ сферу политической экономіи; они въ своихъ изслѣдованіяхъ занимаются исключительно общественнымъ элементомъ дѣятельности.

Вполнѣ соглашаясь съ этимъ фактическимъ воззрѣніемъ, намъ въ то же время нельзя согласиться съ тѣми воззрѣніями, по которымъ общественность состоитъ лишь изъ мѣновныхъ сношеній, которыми исключительно и должна заниматься политическая экономія. Истинная задача послѣдней состоитъ въ полномъ и всестороннемъ изученіи законовъ общественности въ дѣятельности людей, въ изученіи законовъ сношеній, происходящихъ отъ существованія различій и сходствъ между людьми.

Считая предметомъ политической экономіи законы общественности въ дѣятельности, необходимо признать, что эта наука не можетъ ограничивать своихъ предѣловъ однимъ матеріальнымъ трудомъ, подобно тому, какъ она не можетъ ограничиться изученіемъ одной стороны общественности, игнорируя другую. Для полного представленія законовъ явленій общественности въ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію потребностей, политическая экономія должна уяснить законы разнообразныхъ сношеній между людьми, возникающихъ по поводу удовлетворенія потребностей какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ. Исключать

изъ сферы политико-экономическихъ изслѣдованій категорію дѣятельности, направленной къ удовлетворенію духовныхъ потребностей, также не основательно, какъ не основательно ограниченіе ея лишь одной стороною явленій общественности. Необходимо сказать, что и въ вопросѣ о включеніи въ область политической экономіи общественныхъ законовъ духовной дѣятельности фактически разногласіе также не далеко простирается.

Дѣло въ томъ, что экономисты, требовавшіе исключенія духовной дѣятельности изъ политической экономіи, не могли обойти ее совершеннымъ молчаніемъ. Такъ, они говорятъ о цѣнности труда артистовъ, художниковъ, ученыхъ, говорятъ о различныхъ союзахъ, образующихся между людьми при удовлетвореніи духовныхъ потребностей. Не могли они обойти молчаніемъ эту дѣятельность потому, что законы общественности, въ своемъ основаніи, тождественны во всѣхъ видахъ человѣческой дѣятельности, таковы на прим. законы цѣнности, законы возникновенія и развитія союзовъ, называемыхъ товариществами, учрежденіями, заведеніями и т. п.

Нѣтъ надобности поэтому въ раздѣленіи политической экономіи на тѣ два отдѣла, о которыхъ говоритъ Шторхъ. Эта наука не имѣетъ такого двойственнаго содержанія, по которому является то „теоріей богатства“, то „теоріей цивилизаціи.“ Она представляетъ собою науку о законахъ развитія человѣческой цивилизаціи, такъ какъ въ развитіи общественности и состоитъ развитіе цивилизаціи какъ матеріальной, такъ и духовной.

(1) Основ. полит. экон. стр. 1. (2) Richesse des Nations, т. 2, стр. 176. (3) Traité d'écon. pol. стр. 33. (4) Cours d'écon. pol. см. discours prélim. (5) Principes de la science soc. т. 3, стр. 411—412. (6) Основ. стр. 11. (7) Осн. пол. эк. предв. замѣчанія. (8) Cours d'écon. pol. т. 1, стр. 19: L'écon. politique est la science qui décrit l'organisation de la société. — C'est la description du mécanisme de la société, en deux mots, une anatomie et une physiologie sociales. (9) Die Grundlagen der Nationalökonomie, стр. 33—34. (10) Dictionnaire de l'écon. pol. см. écon. politique. (11) Harm. écon. стр. 58—59. (12) Записки о пол. экономіи, т. 1, стр. 17—18. (13) Начала пол. экон. т. 1, стр. 17. (14) Осн. пол. экон. стр. 11. (15) Задача

пол. экон. стр. 13. ⁽¹⁶⁾ Курь пол. экон. стр. 51. ⁽¹⁷⁾ Principes, т. 1, стр. 224 — 225. ⁽¹⁸⁾ Т. Bastiat, Harm. économ. стр. 141. ⁽¹⁹⁾ Даже понятие объ обществѣ, высказанное Маклеодомъ, почти тождественно съ опредѣленіемъ Кэри-Бастіа. „Чтобы получить для себя необходимое, говоритъ онъ, человекъ долженъ изучать и наблюдать, въ чемъ нуждаются другіе люди; на оборотъ, если другіе нуждаются въ томъ, что онъ производитъ, они должны узнавать, въ чемъ онъ самъ нуждается, что бы предложить ему этотъ нужный предметъ, въ обменъ на его произведеніе. При такихъ условіяхъ, общество состоитъ изъ членовъ, связанныхъ другъ съ другомъ и принужденныхъ изучать потребности и желанія каждаго изъ своей среды.“ стр. 10. Осн. пол. экономіи.

§ 3. Политическая экономія есть наука, изучающая законы общественной въ дѣятельности людей, направленной къ удовлетворенію потребностей. Но возможно ли строго научное изученіе явленій общественности? Предметомъ науки, въ строгомъ смыслѣ этого слова, могутъ быть только всеобщіе и неизмѣнные законы, которымъ подчинены тѣ или иные явленія, въ противоположность предмету искусства, или такъ называемыхъ прикладныхъ знаній, изучающихъ средства и условія достиженія извѣстныхъ результатовъ. Законы, констатируемые наукою, не зависятъ отъ воли людей, мы ихъ не можемъ измѣнять или уничтожать; между тѣмъ какъ средства и условія достиженія опредѣленныхъ результатовъ, констатируемыя прикладными знаніями, вѣчно измѣняются (¹). Можно ли сказать, что явленія общественности заключаютъ въ себѣ всеобщіе и неизмѣнные законы, изученіе которыхъ было бы задачей политической экономіи? Не видимъ ли мы, что въ сферѣ общественныхъ явленій царствуетъ та сила, которая носитъ названіе свободной воли? Тамъ, гдѣ все зависитъ отъ воли, прихоти, каприза людей, можетъ ли существовать естественная законоподчиненность?

Все, что по собственной свободной волѣ устроено человекомъ, можетъ быть также свободно разрушено имъ, измѣнено

и пересоздано. Дѣло рукъ человѣка, общественные факты, должны состоять въ безусловной отъ него зависяности; но его волѣ могутъ быть измѣняемы, разрушаемы, организуемы.

Нѣкоторые и утверждаютъ это. Общежитіе, говорятъ намъ, есть дѣло рукъ человѣка, который по своему произволу можетъ такъ или иначе организовать общественные процессы, можетъ свободно распоряжаться ими, давать то или другое направленіе, то или другое устройство. Тѣ начала, которыя лежатъ въ основаніи организациі современныхъ обществъ, могутъ быть по нашему произволу измѣняемы и уничтожаемы. Мало того; по ученію нѣкоторыхъ, эти начала и должны быть уничтожены, такъ какъ они приняты человѣчествомъ во времена варварскія, почему и не проникнуты духомъ разума. Это послѣднее воззрѣніе лежитъ въ основаніи всѣхъ системъ, носящихъ общее названіе социализма. Если нѣтъ никакихъ естественныхъ законовъ, которымъ подчинялись бы общественныя явленія, то, очевидно, политическая экономія не можетъ быть наукой; она въ этомъ случаѣ была бы искусствомъ, какъ сборникомъ правилъ или рецептовъ для наилучшаго устройства отношеній между людьми. Всякій экономистъ былъ бы „организаторомъ“, вся дѣятельность его состояла бы въ составленіи проектовъ для достиженія всеобщаго счастья. Составленіе этихъ проектовъ и легко и, для многихъ, очень пріятно. Составленіе ихъ удовлетворяетъ самолюбію тѣхъ честолюбивыхъ мечтателей, которымъ самоувѣренность позволяетъ казаться всеобщими преобразователями, создателями порядка тамъ, гдѣ порядокъ, по ихъ мнѣнію, не данъ самимъ Провидѣніемъ. Идея естественной законоподчиненности общественныхъ явленій еще не получила надлежащаго распространенія. Неудивительно, поэтому, что всеобщіе организаторы и преобразователи еще могутъ находить аудиторію и пользоваться въ ней авторитетомъ. Для людей же науки эти утописты представляются не только безъ всякаго авторитета, но даже сумасшедшими (*). Въ дѣйствительности это не сумасшедшіе, но плохіе мыслители, это люди, не знакомые съ самими обыденными приѣмами научнаго изслѣдованія общественныхъ явленій. По справедливому замѣчанію

Руссо, необходимъ философскій умъ, для надлежащаго изученія окружающихъ насъ на каждомъ шагѣ явленій. Точнѣе говоря, для этого изученія необходимы научные приемы.

Утописты, отрицающіе естественную законоподчиненность общественныхъ явленій, совершенно были бы правы, если бы для научныхъ изслѣдованій можно было довольствоваться поверхностнымъ обзорѣніемъ окружающихъ насъ фактовъ. И въ самомъ дѣлѣ, врядь ли можно представить себѣ что нибудь болѣе хаотическое какъ то, что каждый изъ насъ видитъ при поверхностномъ обзорѣніи этихъ фактовъ. Здѣсь все кажется такимъ-то страннымъ хаосомъ, все, по видимому, зависитъ отъ слѣпаго случая, отъ каприза тѣхъ или иныхъ дѣятелей, отъ свободной воли каждаго изъ насъ. О законоподчиненности въ средѣ этихъ фактовъ, по видимому, не можетъ быть и рѣчи. И наблюдатель, разсуждающій такимъ образомъ, безусловно правъ съ своей точки зрѣнія. Наблюдая отрывочно окружающіе насъ общественные факты, никто изъ насъ не замѣтитъ естественной ихъ законоподчиненности. При такихъ условіяхъ идея законоподчиненности никогда не можетъ возникнуть, подобно тому, какъ при наблюденіи отраженія свѣта въ незначительныхъ капляхъ воды, по замѣчанію А. Кетле, не возможно дойти до пониманія явленія радуги, при чемъ мысль о связи между этимъ явленіемъ и отраженіемъ свѣта не возникнетъ въ умѣ наблюдателя, если онъ не измѣнитъ условій наблюденія⁽³⁾. Законоподчиненность общественныхъ явленій можетъ быть открыта лишь тогда, когда мы возвысимся надъ обыденнымъ, узкимъ кругозоромъ и станемъ изучать факты въ ихъ цѣлостности, взявъ для наблюденія значительныя ихъ количества достаточныя для возможно полнаго обнаруженія ихъ естественной связи и преемственности въ пространствѣ и времени. Въ статистикѣ этотъ методъ, состоящій въ выводѣ заключеній изъ значительнаго количества фактовъ, впервые былъ научно уясненъ геніальнымъ пасторомъ П. Зюсьмилхомъ, высказавшимъ и фактически доказавшимъ знаменитое положеніе: „чѣмъ болѣе численность сравниваемыхъ количествъ, тѣмъ болѣе исчезаетъ беспорядокъ, замѣчаемый въ небольшихъ количествахъ фактовъ“⁽⁴⁾. На этомъ положеніи основана вся система обществен-

ной физики А. Кетле. Это же положеніе, односторонне развитое, привело нѣкоторыхъ мыслителей къ полному отождествленію явленій общественныхъ съ физическими, то есть къ полному отрицанію свободы воли въ человѣческихъ дѣйствіяхъ. Особенно рѣзко выражено послѣднее воззрѣніе у Бокля. Сторонники свободы воли, говоритъ онъ, обыкновенно ссылаются на то, что мы сознаемъ себя свободными. Но сознание не можетъ быть верховнымъ критеріемъ истины. Сознаніе не непогрѣшимо. Исторія представляетъ намъ множество предразсудковъ, а эти продукты сознанія ясно доказываютъ, что сознаніе можетъ ошибаться. Доказательства его ошибочности можно найти и въ обыденной жизни. Развѣ въ извѣстныхъ случаяхъ не сознаемъ мы существованія призраковъ и привидѣній, а между тѣмъ развѣ не всеми признано, что они существовать не могутъ? Если бы кто попытался опровергнуть это разсужденіе, сказавъ, что такое сознаніе есть кажущееся, а не дѣйствительное, то я спросилъ бы, кто можетъ разсудить, когда сознаніе истинно и когда оно ложно? Если эта способность обманываетъ насъ въ одномъ, то чѣмъ мы обезпечены, что она не обманываетъ насъ въ другомъ? Если же нѣтъ обезпеченія, то на эту способность нельзя положиться. Нельзя, такимъ образомъ, признать себя свободнымъ только потому, что я сознаю себя таковымъ. Между тѣмъ факты убѣждаютъ въ томъ, что свободы нѣтъ. Изъ статистики преступленій оказывается, что, при неизмѣненій условій, преступленія повторяются съ такимъ постоянствомъ, что можно предсказывать изъ года въ годъ количество лицъ, которыя должны сдѣлаться преступниками. Особенно эта законоподчиненность поразительна въ такомъ преступленій, какъ самоубійство. Самоубійство есть дѣйствіе вполне изолированное; свободное отъ всякаго посторонняго вмѣшательства, оно болѣе, чѣмъ какое либо другое преступленіе, кажется произведеніемъ чистой воли. Между тѣмъ оказывается, что оно есть продуктъ всего состоянія общества, что отдѣльный преступникъ приводитъ въ исполненіе то, что является необходимымъ слѣдствіемъ предшествующихъ обстоятельствъ. При данномъ состояніи общества извѣстное число лицъ должно непременно наложить на себя руку. Вопросъ, кто будутъ эти частныя лица, лишающія

себя жизни, зависеть отъ частныхъ законовъ. Сила общаго закона такъ велика, что ни любовь къ жизни, ни страхъ наказанія въ иномъ мѣрѣ не могутъ ничего сдѣлать даже для стѣненія его дѣйствій. Даже число браковъ, ежегодно совершающихся, опредѣляется не характерами и желаніями частныхъ лицъ, но общими законами, надъ которыми частныя лица не имѣютъ никакой власти. Это число находится въ постоянномъ и опредѣленномъ отношеніи къ цѣнамъ на хлѣбъ.

Даже отсутствіе памяти отличается общимъ характеромъ необходимости и неизмѣннаго порядка.

Парижскій и Лондонскій почтамты обнародовали свои отчеты за нѣсколько лѣтъ о числѣ писемъ, на которыхъ писавшіе забыли выставить адресъ, число этихъ писемъ, если взять въ соображеніе различіе обстоятельствъ, почти одно и тоже ежегодно. Такимъ образомъ почти одно и тоже число лицъ забываютъ эту простую формальность, такъ что за каждый извѣстный періодъ можно заранѣе предсказать приблизительно, у сколькихъ чело-вѣкъ не достанетъ памяти въ этомъ пустомъ, и, по видимому, случайномъ дѣлѣ (°).

Положительная наука отрицаетъ это безусловное подведеніе къ одному знаменателю явленій общественныхъ съ физическими. Признавая въ сферѣ общественныхъ явленій существованіе естественныхъ законовъ, эта наука въ тоже время проводитъ мысль, что, изучивъ эти законы, мы можемъ руководить ими сообразно съ нашими цѣлями.

При однѣхъ и тѣхъ же условіяхъ статистическія данныя показываютъ намъ одинаковую смертность, одинаковое число людей умираетъ въ этомъ случаѣ точно также, какъ при равномъ вѣтрѣ волны на берегахъ моря разбиваются въ равномъ числѣ. Но изучивъ эти условія, мы можемъ измѣнять ихъ и такимъ образомъ вліять на законъ смертности. Человѣкъ, какъ членъ общества, говоритъ А. Кетле, подчиняется опредѣленнымъ общественнымъ законамъ; но, благодаря своимъ уметвеннымъ дарованіямъ, онъ можетъ управлять общественными законами (°). Знаніе даетъ чело-вѣку истинную свободу. Общество представляетъ собой ор-

анизмъ, имѣющій свои законы, осознаніе коихъ даетъ возможность руководить ими, давать имъ направленіе, соотвѣтствующее нашимъ цѣлямъ. Политическая экономія занимается изученіемъ законовъ, имѣющихъ этотъ, а не какой либо другой характеръ.

Отличительная черта экономическихъ, то есть общественныхъ законовъ въ дѣятельности людей, направленной къ удовлетворенію потребностей, состоитъ въ томъ, что эти законы развиваются и не имѣютъ, подобно законамъ физическимъ, фаталистическаго характера. Во всякомъ же развитіи необходимо отличать два элемента: внутренний и внѣшній. Вопли вѣрна мысль, что развитіе есть ничто иное, какъ постепенное осуществленіе возможности, содержащейся уже въ зародышѣ развивающагося даннаго; но при этомъ необходимо не забывать, что такое или иное осуществленіе возможности въ развитіи обусловливается средой, въ которой происходитъ процессъ развитія. Безъ всякаго сомнѣнія, развитіе каждаго отдѣльнаго человѣка есть ничто иное, какъ постепенное осуществленіе той возможности, которая содержится уже въ зародышѣ нашего я; но, тѣмъ не менѣе, на это осуществленіе такое большое вліяніе оказываетъ внѣшній элементъ, что развитіе многихъ людей представляется скорѣе всего воплощеніемъ въ личности совокупности условій, при которыхъ пришлось развиваться и жить этимъ людямъ.

Внутренній элементъ въ развитіи, очевидно, подъ вліяніемъ внѣшняго можетъ быть низводимъ до едва замѣтнаго минимума.

Это никогда не должно быть забываемо при политико-экономическихъ изслѣдованіяхъ. Не обращая вниманія на ростъ экономическихъ принциповъ, экономистъ очень легко можетъ принять временное и относительное за постоянное и безусловное, очень легко можетъ впасть то въ оптимизмъ, то въ пессимизмъ, смотря по тому, какой періодъ развитія экономическихъ принциповъ ему придется наблюдать. Если бы на лунѣ были жители, говоритъ Р о ш е р ь, и если бы кто нибудь изъ нихъ увидѣлъ нашего ребенка, то, не зная закона развитія, не принялъ ли бы онъ это дитя, хотя бы оно было вопли прекрасное, за урода съ несоразмѣрно большою головою, шикуда непригодными руками,

ногами и т. д. (7). А между тѣмъ подобнаго рода сужденія встрѣчаются весьма часто. Между изслѣдователями общественныхъ явленій, забывающими необходимость исторической индукціи въ изслѣдованіяхъ этихъ явленій.

Съ другой стороны, не менѣе часто забывается также необходимость пользованія при такихъ изслѣдованіяхъ дедукціей, состоящей въ изолированіи изучаемаго явленія отъ его мѣстныхъ, временныхъ и частныхъ осложненій. Экономическіе законы можно раздѣлять на двѣ категоріи, на законы родовые и видовые. Первые прорастаютъ изъ самой природы экономическихъ отношеній и представляютъ собою ту идею возможности въ развитіи, которая содержится въ самой природѣ развивающагося даннаго и которая въ дѣйствительности постепенно осуществляется. Въ своемъ осуществленіи родовый законъ дифференцируется подъ вліяніемъ законовъ видовыхъ, какъ условій мѣстныхъ, временныхъ и частныхъ. Для отысканія родового закона необходимо устранить его осложненія, изолировать изучаемое явленіе отъ вліянія на него видовыхъ законовъ. На этомъ основаніи дедукція политической экономіи должна быть выводима изъ среднихъ величинъ. Въ статистическихъ изслѣдованіяхъ методъ этотъ состоитъ въ наблюденіи надъ массами явленій и заключеній отъ среднихъ данныхъ, выводимыхъ посредствомъ суммированія изучаемыхъ явленій и дѣленія суммы на число ея составныхъ частей, при чемъ частныя, временныя и мѣстныя условія сглаживаются и получается рядъ общихъ или родовыхъ условій, отъ которыхъ зависить общественная жизнь (8).

Вообще говоря, подъ выводомъ среднихъ величинъ въ статистикѣ подразумѣвается методъ устраненія въ изучаемыхъ явленіяхъ условій частныхъ, временныхъ и мѣстныхъ въ цѣляхъ открытія общаго или родового закона. Но суммированіе данныхъ и дѣленіе полученной суммы на число ея составныхъ частей представляетъ собою только одинъ изъ видовъ изолированія явленія отъ его осложненій видовыхъ, причемъ этотъ видъ метода не приложимъ къ цѣлой массѣ явленій, ускользающихъ отъ подведенія ихъ подъ числовой знаменатель. Кромѣ статистическаго, существуетъ логическій выводъ среднихъ величинъ, на которыхъ

также можетъ быть основана политико-экономическая дедукція. Сущность его состоитъ въ различеніи общественнаго хозяйства отъ частнаго и въ выборѣ для наблюденій средняго времени и средняго мѣста, посредствомъ какихъ приѣмовъ дѣйствительно устраняются отъ изучаемаго явленія его видовыя осложненія, какъ условія частныя, временныя и мѣстныя (*).

Благодаря несоблюденію этихъ особенностей методовъ изслѣдованія, до настоящаго времени въ политической экономіи идетъ споръ между пессимистическими и оптимистическими воззрѣніями. Нѣкоторые экономисты и всѣ „организаторы“ утверждаютъ, что современный строй экономическихъ отношеній несправедливъ, безусловно основанъ на животной борьбѣ взаимно противоположныхъ интересовъ, что человѣкъ въ отношеніи къ человѣку является волкомъ. Изъ послѣдователей этого экономического пессимизма, одни проникнуты фатализмомъ, считаютъ существующее зло неизбѣжнымъ и необходимымъ; другіе требуютъ радикальнаго переустройства всѣхъ отношеній и составляютъ проекты новыхъ организацій, о которыхъ мы выше говорили. Оптимисты, напротивъ того, утверждаютъ, что существующій строй безусловно разуменъ и справедливъ, что люди, предоставленные самимъ себѣ, безъ всякихъ теорій наилучшимъ образомъ устраиваютъ свой бытъ; всякое вмѣшательство въ этотъ бытъ было бы только нарушеніемъ человѣческой свободы, нарушеніемъ вполне естественнаго порядка экономическихъ отношеній. Между сторонниками этихъ противоположныхъ направленій происходитъ ожесточенная борьба, весьма часто переходящая изъ кабинетной и идейной въ уличную и кровавую.

Выходъ изъ этихъ односторонностей указывается правильнымъ методомъ экономическихъ изслѣдованій.

Одинаково не научно, какъ возведеніе явленій въ принципъ, такъ и отрицаніе ихъ законоподчиненности. Необходимо только не забывать, что общественная законоподчиненность не тождественна съ физическою. Въ самой природѣ экономическихъ отношеній лежитъ упорядочивающій ихъ принципъ, тѣ естественные законы, которымъ человѣкъ долженъ повиноваться,

Но эти законы въ своемъ развитіи видоизмѣняются средой, весьма часто подавляются ею, низводятся до едва замѣтнаго мнимума. Задача истинной науки политической экономіи — осознать природу экономическихъ отношеній, осознать ту идею возможности въ развитіи, которая представляетъ собою постепенно осуществляющійся законъ, и посредствомъ такого осознанія способствовать болѣе полному его осуществленію, руководить экономической дѣятельностью, какъ общественною, такъ и частною, на сколько дѣятельность человѣка зависитъ отъ его сознанія. Истинная экономическая наука, указавъ на высокое значеніе принципа раздѣленія труда, въ тоже время указываетъ и на темныя стороны, сопровождающія осуществленіе этого принципа въ дѣйствительности. Изученіемъ сущности этого принципа и причинъ его темныхъ сторонъ она даетъ возможность направлять осуществленіе его такимъ образомъ, что бы это осуществленіе не сопровождалось темными явленіями. Точно также, указывая на законы союзности интересовъ между людьми, политическая экономія указываетъ и на явленія борьбы взаимно противоположныхъ интересовъ, изучаетъ причины ея и естественныя условія ея уничтоженія. Политическая экономія, какъ наука, должна быть чужда и пессимистическихъ и оптимистическихъ увлеченій; не возводя явленій въ законъ лишь на основаніи ихъ существованія, она въ то же время и не должна отрицать законоподчиненности только потому, что то или иное частное, временное или мѣстное явленіе противорѣчитъ существованію общаго закона.

Такая система политической экономіи вполне справедливо на своемъ знамени можетъ имѣть великія слова мыслителя: *homo sum et nihil humani mihi alienum puto*. Политическая экономія проводитъ мысль о разумной союзности всѣхъ общечеловѣческихъ интересовъ, о томъ, что отъ такого или иного состоянія этой союзности зависитъ уровень удовлетворенія потребностей.

Она освѣщаетъ уже существующее согласіе интересовъ и указываетъ на естественные законы развитія возможно полнаго ихъ соглашенія. Видя же свои интересы въ такой или иной мѣрѣ солидарными съ интересами другихъ, человѣкъ постепенно приучается къ этой солидарности, такъ что для него, наконецъ, ста-

новится чѣмъ-то патологическимъ отдѣленіе индивидуальныхъ интересовъ отъ общественныхъ. Для такого человѣка становится вполне понятнымъ положеніе: я человѣкъ и ничто человѣческое не чуждо мнѣ.

Вотъ та завѣтная идея въ развитіи человѣчества, осознаніе и осуществленіе которой въ жизни составляетъ основную задачу политической экономіи.

Законы политической экономіи получаютъ возможно полное значеніе въ жизни только тогда, когда они будутъ осознаны обществомъ. До той же поры они дѣйствуютъ чисто механически, хотя въ то же время естественно развиваются и, какъ бы насильно, входятъ въ сознаніе людей. Но только *вполнѣ осознанные обществомъ, они получаютъ надлежащее значеніе. Въ этомъ отношеніи много правды въ кажущемся парадоксомъ положеніи Ж. Б. Сэ, что человѣкъ, написавшій популярное сочиненіе по политической экономіи, приноситъ несравненно большую пользу человѣчеству, чѣмъ написавшій вполнѣ ученое сочиненіе по этому предмету, но мало доступное за запорами ученыхъ терминовъ, хотя бы въ немъ были проводимы и новыя мысли.*

Такое значеніе политической экономіи вполнѣ ясно уяснилъ *Маклеодъ*. „Когда всѣ выводы нашей науки, говоритъ онъ, будутъ ясно поняты и всѣ доктрины ея получатъ доступъ въ сознаніе большинства людей, она приведетъ къ тому, что весь міръ изъ бойни и мясной лавки превратится въ садъ изобилія и благосостоянія. Когда вполнѣ убѣдятся люди, что интересы всего человѣчества тѣсно связаны съ поддержаніемъ міра и что каждый народъ заинтересованъ въ благосостояніи своихъ сосѣдей, что несчастье каждаго народа вредно отражается на интересахъ другихъ народовъ, тогда только тучи войны перестанутъ висѣть на горизонтѣ“ (10). Такимъ образомъ, политическая экономія окажетъ свое полное и желаемое вліяніе на междучеловѣческія отношенія тогда, когда всѣ доктрины ея получатъ доступъ въ сознаніе народовъ. *Маклеодъ* представляетъ и примѣръ вліянія изученія экономическихъ принциповъ на общежитіе. „Знаменитый ученый, говоритъ онъ, открывшій ту знаменитую истину, что въ торговлѣ

обѣ стороны должны выигрывать, произведъ переворотъ въ общественномъ мнѣніи и политикѣ народовъ, переворотъ, который доставилъ человѣчеству больше существенныхъ благъ, чѣмъ открытія всѣхъ другихъ наукъ, вмѣстѣ взятыхъ“ (11).

Политическая экономія, доктрины которой имѣютъ такое жизненное значеніе, тѣмъ не менѣе остается наукою въ строгомъ смыслѣ этого слова, исключая изъ своей сферы элементы искусства и ремесла. Она имѣетъ своимъ предметомъ изученіе постоянныхъ и неизмѣнныхъ законовъ общественности въ дѣятельности людей, предоставляя изученіе наиболѣе цѣлесообразныхъ средствъ и условій организациі ея, сообразно съ вѣчно измѣняющимися обстоятельствами, такъ называемымъ прикладнымъ наукамъ. Каждая отдѣльная отрасль дѣятельности, основываясь на общихъ экономическихъ законахъ, для своей цѣлесообразности требуетъ отдѣльныхъ, лишь ей свойственныхъ средствъ и условій, постоянно измѣняющихся во времени и пространствѣ.

Дѣятельность людей, направленная къ удовлетворенію потребностей государственнаго организма, основываясь на общихъ экономическихъ законахъ, въ то же время должна быть сообразуема съ постоянно измѣняющимися разнообразными элементами, наприм. съ положительными и обычными законами страны, уровнемъ развитія образованія, путей сообщенія, народнаго благосостоянія и т. п. Дѣятельность сельскаго хозяина, подчиненная общимъ экономическимъ законамъ, въ то же время безусловно подчинена измѣняющимся обстоятельствамъ мѣста и времени, вслѣдствіе чего не можетъ быть одинаково какъ въ различныхъ странахъ, такъ и въ различное время. Тѣ интенсивныя системы хозяйства, которыя приносятъ большой доходъ вблизи такихъ большихъ городовъ, какъ Лондонъ и Парижъ, въ мѣстностяхъ слабо населенныхъ не только не дали бы сельскому хозяину никакого дохода, но разорили бы его. Каждая отдѣльная отрасль человѣческой дѣятельности такимъ же образомъ, основываясь на постоянныхъ и неизмѣнныхъ законахъ, изучаемыхъ политическою экономіею, въ то же время подчиняется измѣняющимся условіямъ среды, вслѣдствіе чего средства и условія ея цѣлесообразности не могутъ быть всегда одинаковы. Изученіе наиболѣе цѣлесооб-

разныхъ средствъ и условій успѣшности каждой отдѣльной отрасли дѣятельности составляетъ предметъ прикладныхъ частей политической экономіи, которыхъ можетъ быть столько же, сколько существуетъ такихъ отдѣльныхъ отраслей. Таковы, наприм., прикладныя науки политической экономіи: государственная экономія, которая также называется теоріей финансовъ, финансовымъ хозяйствомъ, сельскохозяйственная экономія, коммерческая экономія и т. п.

(1) Курсель-Сенель прекрасно опредѣляетъ различіе между наукой и искусствомъ въ слѣд. словахъ: *Quel est le propre de la science? C'est, sans contredit, l'étude des lois constantes et universelles qui régissent les phénomènes, des lois indépendantes des caprices humains et que nous appelons naturelles. L'art, au contraire, étudie les meilleurs moyens d'obtenir un résultat déterminé, d'établir les constructions imaginées et voulues par les hommes. Il en résulte, que les lois qu'étudie la science ont un caractère de fixité qui manque aux préceptes de l'art, lesquels varient et se transforment par les progrès de la science et de la civilisation,* см. *Journ. des économistes.* 1877, м. Сент. стр. 323—324. (2) *M. de Molinari, Cours d'écon. pol. т. 1. стр. 30.* (3) *Physique sociale,* 1869. т. 1, стр. 94—95. (4) *Die Göttliche Ordnung* и т. д. 1788. т. 1, стр. 78, 240—243 и др. (5) *Исторія цивилиз. въ Англиц,* ч. 1, гл. 1. (6) *Phys. sociale,* 1, 99. (7) *Die Grundlagen d. N.-ökonomie,* стр. 43—44. (8) *Phys. soc.* 1, стр. 98. (9) Въ нашей литературѣ значеніе этихъ приемовъ прекрасно уяснено г. З и б е р о м ъ въ первой главѣ его диссертациі: *Теорія цѣнности и капитала Д. Р и к а р д о.* См. также изслѣдованіе А. А н т о н о в и ч а. *Теорія цѣнности,* гл. 1. (10) (11) *Основ пол. экономіи,* стр. 18—20.

§ 4. Экономическая жизнь слагается изъ трехъ отправленій, изъ производства, распредѣленія и потребленія. Между этими отправленіями существуетъ неразрывная связь, по которой каждое изъ нихъ является условіемъ существованія и развитія остальныхъ. Необходимость удовлетворенія потребностей вызываетъ производство, специализирующихся по качествамъ производительныхъ силъ, что въ свою очередь вызываетъ необходи-

мость правильного распределенія производимыхъ благъ между производителями, безъ чего не мыслима подлежащая специализація занятій и, слѣдовательно, разумная उपयोगность производства. Производительная дѣятельность завершается потребленіемъ, нормальность котораго является необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго производства и распределенія, такъ какъ потребляемая пища при обыкновенномъ положеніи дѣлъ не исчезаетъ, но, по выраженію К э р и, принимаетъ высшую форму физической и умственной силы, обнаруживающейся въ дальнѣйшемъ созданіи средствъ удовлетворенія потребностей. Экономическая жизнь представляетъ собою постоянный кругъ, въ которомъ производство, распределеніе и потребленіе, какъ отдѣльныя отправленія, перестаютъ существовать независимо, не могутъ быть противопоставляемы другъ другу, сливаясь въ одно цѣлое, называемое дѣятельностью людей. Но политическая экономія, изучающая общественный элементъ въ этой дѣятельности, указывая на взаимную связь между отдѣльными функциями дѣятельности, не можетъ отождествлять ихъ. При всей неразрывной взаимной связи, каждая изъ этихъ функций имѣетъ свои общественныя особенности, требующія самостоятельнаго изученія. Политическая экономія, по этому, изучаетъ отдѣльно законы общественности въ сферѣ производства, въ сферѣ распределенія и въ сферѣ потребленія.

ПРОИЗВОДСТВО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Элементы производства.

Производствомъ называется совокупность дѣйствій, имѣющихъ цѣлю приспособленіе предметовъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей. Человѣкъ не можетъ создавать новаго вещества, не можетъ увеличить количества существующей въ мірѣ матеріи ни на одинъ атомъ; производство, поэтому, не можетъ состоять въ созданіи новаго вещества. Производитель создаетъ лишь годность или полезность, по которой опредѣленный предметъ становится средствомъ удовлетворенія нашихъ потребностей.

Производство слгаается изъ трехъ факторовъ, изъ силъ природы, труда и капитала.

І. Силы природы.

§ 1. Силы природы съ экономической точки зрѣнія могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: на общедоступныя и необщедоступныя. Относительно первыхъ не соблюдается хозяйственный принципъ бережливости, проявляющійся въ стремленіи получить возможно большій результатъ съ возможно меньшими усѣ-

ліями; подобной бережливости, на примѣръ, никто не соблюдаетъ при вдыханіи и выдыханіи воздуха. Такія общедоступныя силы не подлежатъ экономическому анализу, не имѣютъ значенія экономическихъ величинъ; такія силы обладаютъ химическими, физическими и тому подобными свойствами, но не имѣютъ свойствъ экономическихъ. Въ составъ экономическихъ явленій входятъ только тѣ силы, которыя, вслѣдствіе своей ограниченности и необщедоступности, должны быть утилизируемы хозяйственнымъ образомъ и по поводу утилизированія которыхъ необходимо возникаютъ между людьми опредѣленныя сношенія.

Силы природы послѣдней категоріи въ свою очередь раздѣляются на соединенныя или съ движимыми, или съ недвижимыми вмѣстителями. Различіе это имѣетъ весьма существенное значеніе.

Силы природы, соединенныя съ недвижимыми вмѣстителями, подчинены закону, по которому при данной Technikѣ удвоенный трудъ не даетъ удвоеннаго продукта. Тюненъ вычисляетъ на основаніи опытныхъ данныхъ, что нанесеніе навоза толщиной на $\frac{1}{2}$ дюйма увеличиваетъ плодородіе земли на $\frac{1}{2}$ зерна, но дальнѣйшее увеличеніе навоза не сопровождается пропорціональнымъ увеличеніемъ плодородія. Если прибавить навоза снова на $\frac{1}{2}$ дюйма, то плодородіе возрастаетъ лишь на $\frac{3}{8}$ зерна; при дальнѣйшей такой же прибавкѣ оно увеличится только на $\frac{1}{4}$ зерна.

Такимъ образомъ, увеличеніе навоза на $1\frac{1}{2}$ дюйма вмѣсто того, чтобы увеличить плодородіе земли въ $1\frac{1}{2}$ раза, увеличиваетъ всего на $1\frac{1}{8}$ зерна, то есть на $\frac{3}{8}$ менѣе, нежели могло бы получиться въ томъ случаѣ, еслибы увеличеніе издержекъ производства сопровождалось пропорціональнымъ увеличеніемъ продукта (1).

Полученный результатъ не прямо пропорціоналенъ увеличенію издержекъ. Нельзя отрицать, что въ земледѣліи существуетъ тотъ предѣлъ, далѣе котораго увеличеніе издержекъ производства влечетъ за собою относительное уменьшеніе дохода, вслѣдствіе чего каждый новый продуктъ получается съ относительно большими усиліями. Если бы въ земледѣліи не существовало такого предѣла, то увеличеніемъ издержекъ на одной десятинѣ

можно было бы прокормить населеніе всей Европы (Р о ш е р ь). „Лишь только земледѣліе достигаетъ извѣстной не очень высокой степени развитія, говоритъ М и л л ь, лишь только люди начинаютъ заниматься воздѣлываніемъ земли съ нѣкоторою энергіею, лишь только явились у нихъ порядочныя орудія, земледѣльческое производство подчиняется дѣйствию закона, что, при данномъ положеніи земледѣльческаго искусства и знанія, увеличеніе труда не дастъ пропорціональнаго увеличенія въ продуктѣ, удвоеніе труда не удвоиваетъ продукта, или, выражая тоже самое иными словами, каждое возрастаніе продукта получается болѣе, чѣмъ пропорціональнымъ возрастаніемъ въ приложеніи труда къ землѣ“ (2) (3). Всякое сосредоточеніе силъ въ неподвижномъ вмѣстителѣ сопровождается относительнымъ уменьшеніемъ дѣйствія каждой изъ нихъ. И это вѣрно не только въ отношеніи естественно неподвижныхъ вмѣстителей, но также и относительно вмѣстителей экономически неподвижныхъ въ данное время.

Если машина вполнѣ удовлетворительно при 10 рабочихъ, то удвоеніе количества рабочихъ не будетъ сопровождаться пропорціональнымъ увеличеніемъ дѣйствія машины и удвоеніемъ продукта. Точно также, если сила воды въ данной мѣстности приводитъ въ дѣйствіе мельницу съ десятью колесами, то, очевидно, что увеличеніе колесъ не дастъ пропорціональнаго увеличенія дѣйствія силы.

Силы природы, соединенныя съ движимыми вмѣстителями, подчиняются совершенно иному закону. Увеличеніе вмѣстителей здѣсь сопровождается пропорціональнымъ увеличеніемъ силъ; умножая тѣла, съ которыми соединены силы, мы вмѣстѣ съ тѣмъ въ одинаковой степени умножаемъ и самыя силы. Увеличивая, на прим., количество каменнаго угля, мы вмѣстѣ съ тѣмъ получаемъ и пропорціонально большее количество теплоты. Возможность увеличенія такихъ движимыхъ вмѣстителей опредѣленныхъ силъ обусловливается естественнымъ положеніемъ страны. Особенно большое значеніе въ этомъ случаѣ имѣютъ запасы горючихъ матеріаловъ и удовлетворительныя средства сообщеній. По

справедливому замѣчанію Франклина, Англія обязана своимъ богатствомъ каменному углю и каналамъ.

Нѣкоторые изъ экономистовъ поднимали вопросъ о сравнительномъ участіи силъ природы въ различныхъ отрасляхъ производства. Такъ, по мнѣнію А. Смита, природа помогаетъ человѣку только въ земледѣліи, въ другихъ же отрасляхъ промышленности все производится руками человѣка, безъ всякаго участія силъ природы (4). По мнѣнію другихъ экономистовъ, природа не участвуетъ въ производствѣ того, что имѣетъ цѣнность, что составляетъ предметъ купли-продажи; все, производимое природой, не имѣетъ цѣнности (5).

А. Смитъ не замѣтилъ того, что природа — необходимый дѣятель во всѣхъ отрасляхъ промышленности. „Матерія, находящаяся на земномъ шарѣ, говоритъ Милль, бездѣятельно принимаетъ формы и качества, придаваемые ей человѣческими руками. Она имѣетъ сама дѣятельныя силы, которыя участвуютъ въ трудѣ и могутъ быть употребляемы на замѣну его. Силы и вещества природы участвуютъ въ трудѣ дѣятельнымъ, а не пассивнымъ образомъ. Работникъ беретъ стебель льна или пеньки, раздѣляетъ его на волокна, свиваетъ пальцами нѣсколько такихъ волоконъ при помощи простаго орудія, называемаго веретенемъ. Надѣлавъ такимъ образомъ нитокъ, онъ кладетъ рядомъ множество ихъ и свиваетъ поперекъ ихъ другія такія же нитки, такъ чтобы каждая поперечная шла поочередно сверху одной и снизу другой продольной, эта часть дѣла облегчается орудіемъ, которое называется челнокомъ. Вотъ работникъ произвелъ ткань, льняную или пеньковую, смотря по матеріалу. Говорятъ, что онъ выдѣлалъ ее руками, и предполагается, что никакая сила природы не содѣйствовала ему. Но какая же сила дѣлала возможнымъ каждый процессъ этой выдѣлки и сдерживаетъ сдѣланную ткань въ цѣлости? Это дѣлается крѣпостью волоконъ, то есть силою сцѣпленія ихъ частицъ, а это одна изъ силъ природы и мы можемъ въ точности измѣрить ея энергію сравнительно съ другими механическими силами, чтобы узнать, какое количество каждой изъ нихъ нужно для нейтрализованія или уравновѣшенія этой силы сцѣпленія“ (6).

Съ другой стороны, необходимо также признать участіе силъ природы въ производствѣ цѣнностей. Самъ же Милль, отрицающій это участіе, въ то же время говоритъ: „Участіе природы въ каждой человѣческой работѣ неизмѣримо и несоизмѣримо. Если два элемента равно необходимы для произведенія результата, то нельзя говорить, что такая-то часть его произведена однимъ элементомъ, а такая-то другимъ; это все равно, что попытаться рѣшить, которая изъ двухъ половинокъ ножницъ болѣе участвуетъ въ разрѣзываніи, или который изъ двухъ факторовъ, 5 и 6, болѣе участвуетъ въ произведеніи числа 30“ (1).

(1) Изолированное государство, пер. Болкова, 1, 179.

(2) Основанія полит. экономіи 1, 222. (3) Теоретическое объясненіе сказаннаго, по мнѣнію А. Людоговскаго, одного изъ лучшихъ у насъ специалистовъ по сельско-хозяйственной экономіи, заключается въ томъ, что „расходъ на большую часть отдѣльныхъ работъ въ хозяйствѣ пропорціоналенъ или пространству, или количеству обрабатываемаго продукта, почему при повтореніи каждой данной работы стоимость ея каждый разъ остается одинаковою, между тѣмъ какъ дѣйствіе на увеличеніе урожая зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ достигнута цѣль предыдущими работами, предшествовавшими повторенію, при этомъ въ большинствѣ случаевъ оказывается, что для каждаго новаго повторенія работы остается меньшее поприще для дѣйствій, а слѣдовательно она оказываетъ и менѣе сильное дѣйствіе на увеличеніе урожая. Такъ на прим., если бы для истребленія сорныхъ травъ употреблены были 4 вепашки экстирпаторами, то можно положительно утверждать что первая вепашка была наиболѣе производительна, потому что уничтожила большее число сорныхъ травъ, чѣмъ остальные, а четвертая повліяла наименѣе, потому что предыдущими обработками уже достигнута была большая часть цѣли. Между тѣмъ, расходъ на каждую обработку остался равнымъ, будучи пропорціоналенъ пространству. При сортировкѣ хлѣба — пропускъ его черезъ машину въ первый разъ отдѣлать болѣе негодныхъ зеренъ, нежели пропускъ во 2-й, а это болѣе, нежели въ 3-й разъ и т. д.“ Основ. сельскохозяйственной экономіи, стр. 50. (4) Rich. des Nations, 2, 117. (5) T. V astat. Harm écon. гл. V. (6) Основанія, т. 1, стр. 34. (7) Ibid. стр. 37.

§ 2. На низшихъ ступеняхъ развитія общественности человѣкъ всецѣло зависитъ отъ силъ природы. Особенно громадное вліяніе на человѣка оказываютъ въ это время климатъ и почва.

Климатъ принадлежитъ къ числу дѣятелей, хотя и не способныхъ къ присвоенію отдѣльными лицами, но находящихся въ неразрывной связи съ тою или иною страной, и въ этомъ отношеніи принадлежитъ къ числу дѣятелей непосредственно необщедоступныхъ въ международныхъ мѣнновхъ сношеніяхъ. Свойствами климата опредѣляется плодородіе земли, ея годность къ производству тѣхъ или иныхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, что въ свою очередь вліяетъ на характеръ и направленіе другихъ хозяйственныхъ предпріятій. Въ странахъ съ теплымъ климатомъ многія сельскохозяйственныя работы могутъ быть распределены на большее количество времени, вслѣдствіе чего одна и та же работа исполняется меньшимъ количествомъ рабочихъ рукъ, скота, орудій и машинъ. Вотъ почему, даже при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условий, въ странахъ съ продолжительными зимними холодами сельское хозяйство не можетъ быть такъ успѣшно, какъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ зимнее время не такъ продолжительно и менѣе сурово. Это никогда не должно быть забываемо при оцѣнкѣ состоянія и развитія сельскаго хозяйства во многихъ мѣстностяхъ нашего отечества. Еще А. Гаузенъ замѣтилъ тотъ фактъ, что къ Россіи не можетъ быть приложимъ сельскохозяйственный масштабъ, который привыкли употреблять при оцѣнкѣ состоянія и развитія сельскаго хозяйства въ западной Европѣ. Въ сѣверныхъ мѣстностяхъ, говоритъ онъ, земледѣліе при равныхъ затратахъ не можетъ быть такъ успѣшно, какъ въ мѣстностяхъ съ болѣе умѣреннымъ климатомъ и зимними холодами менѣе продолжительными. Обработка земли и сборъ продуктовъ съ полей въ послѣднихъ мѣстностяхъ могутъ быть совершаемы въ теченіи болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ въ первыхъ; такъ на прим., около Орлеана, или около Майнца эти работы продолжаются въ теченіи 7 мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ въ сѣверныхъ частяхъ Россіи онѣ должны быть окончены въ 4 мѣсяца, — короткость дѣта не позволяетъ долѣе работать на поляхъ. Изъ этого видно, что, при равенствѣ всѣхъ

остальныхъ условий, если около Орлеана или Майнца опредѣленный результатъ получается работой четырехъ людей и четырехъ лошадей, то на сѣверѣ отъ Волги для полученія того же результата необходимо семь человѣкъ и семь лошадей (1). Значительная часть нашихъ сельскихъ хозяевъ, поэтому, болѣе нуждается въ сокращающихъ трудъ сельскохозяйственныхъ орудіяхъ и машинахъ, чѣмъ сельскіе хозяева западной Европы, работающіе при болѣе благоприятныхъ климатическихъ условіяхъ (2). Продолжительность и суровость зимы ведетъ къ полному прекращенію сельскохозяйственныхъ полевыхъ занятій. Это ведетъ въ свою очередь къ тому, что сельское хозяйство такихъ мѣстностей не можетъ вполне специализироваться; сельскій хозяинъ не можетъ всецѣло предаться одному промыслу, онъ ищетъ для свободнаго зимняго времени работъ постороннихъ его главному промыслу. Сельскій хозяинъ, полевая работа котораго продолжаются не болѣе четырехъ или пяти мѣсяцевъ, не можетъ такъ специально заняться своимъ дѣломъ, какъ земледѣлецъ, находящійся при болѣе благоприятныхъ условіяхъ; весьма естественно, что дѣло перваго не можетъ быть такъ успѣшно, какъ дѣло послѣдняго. Наша кустарная промышленность представляетъ собою результатъ такого рода климатическихъ условій, мѣшающихъ крестьянину въ зимнее время заниматься сельскохозяйственными работами. Крестьянинъ не можетъ заниматься специально однимъ земледѣльческимъ промысломъ, онъ по необходимости ищетъ постороннихъ заработковъ и находитъ ихъ главнымъ образомъ въ разнаго рода кустарныхъ занятіяхъ. Вполнѣ справедливо, что въ настоящее время „это соединеніе разныхъ занятій, основанное на естественныхъ отношеніяхъ страны, отсутствіе строгаго раздѣленія промысловъ, составляетъ характерную черту хозяйственнаго быта Россіи и есть одна изъ причинъ, почему обработка полей не доведена у насъ до такого совершенства, и почему наши урожан не такъ изобильны“ (3). Но желать уничтоженія кустарной промышленности болѣе, чѣмъ странно; эта промышленность основывается „на естественныхъ отношеніяхъ страны.“ Нельзя сомнѣваться, что въ будущемъ она перестанетъ быть тормазомъ въ ростѣ нашего сельскохозяйственнаго дѣла, въ большей части

случаевъ обставленнаго такими неблагопріятными климатическими условіями. Освобожденный крестьянинъ, получившій возможность развиваться уметвенно, безъ всякаго сомнѣнія, съ теченіемъ времени организуетъ болѣе разумно свой кустарный трудъ, который станетъ приносить достаточный доходъ, что въ свою очередь отозвется и на развитіи земледѣлія, требующаго большихъ средствъ сравнительно съ болѣе благодатными мѣстностями.

Подобно климату и почва, особенно на низнихъ ступеняхъ развитія, оказываетъ громадное вліяніе на человѣка. Въ Азіи цивилизація всегда ограничивалась полосой наиболѣе плодородной, простирающейся съ небольшими перерывами отъ восточной части южнаго Китая до западныхъ береговъ Малой Азіи, Финикій и Палестины. Арабы въ своемъ отечествѣ, вслѣдствіе неплодія почвы, были грубымъ народомъ; но въ VII в. они завоевали Персію, въ VIII лучшую часть Испаніи, въ IX Пенджабъ, и грубые дикари едѣлались образованнѣйшими народами тогдашняго міра. По ученію Бокля, цивилизація Азіи и Африки произведена почвой, а цивилизація Европы—климатомъ. Отсюда происходитъ и различіе въ характерѣ этихъ цивилизацій. Вліяніе благодатной почвы проще, а потому и цивилизація, вызываемая ею, раннѣе. Но эта цивилизація не прочна, такъ какъ при благодатной почвѣ человѣческія силы усыпляются, подобно тому, какъ замораживаютъ ихъ холодныя пустыни полярныхъ странъ. Напротивъ того, умѣренный климатъ, поддерживая трудовую энергію, представилъ возможность большаго постоянства цивилизаціи. Вотъ почему цивилизація Европы показала способность къ развитію, неизвѣстную для цивилизацій, обусловливаемыхъ почвою (1).

Самое отношеніе между суней и водой оказываетъ значительное вліяніе на развитіе обществности.

Для уясненія этого вліянія достаточно припомнить, что на Европейскомъ материкѣ одна миля береговаго протяженія приходится на 40 кв. миль внутренняго пространства, а если считать береговую линію острововъ, то менѣе, чѣмъ на 30 кв. миль; между тѣмъ какъ въ южной Америкѣ на 97, въ Азіи на 105, въ Африкѣ на 152 кв. мили. Своимъ экономическимъ развитіемъ

Европа въ многихъ отношеніяхъ обязана достаточному развитію береговой линіи, морямъ Средиземному и Нѣмецкому съ Балтійскимъ, множеству заливовъ и острововъ, составляющихъ удобныя станціи для сношеній (⁵). Выгоды приморскаго положенія и большихъ внутреннихъ водныхъ путей весьма часто нейтрализуютъ печальныя послѣдствія безплодія почвы. Правда, какъ замѣчаетъ Милль, польза отъ моря и большихъ рѣкъ состоитъ исключительно въ томъ, что онѣ сберегаютъ расходы по перевозкѣ. Но люди, размышлявшіе объ этомъ предметѣ, понимаютъ, какая огромная экономическая выгода приносится такимъ сбереженіемъ. Эта выгода такъ важна, что часто съ избыткомъ вознаграждаетъ за безплодіе почвы и почти за всея другія естественныя невыгоды; въ особенности относится это къ тому раннему періоду промышленности, когда трудъ и наука еще не создали искусственныхъ средствъ сообщенія, могущихъ соперничать съ естественными. Въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка самыми цвѣтущими обществами были не тѣ, которыя имѣли наибольшую территорію, или плодороднѣйшую почву, а тѣ, которыя, какъ Аѳины, Тиръ, Марсель, Венеція, вольше города Балтійскаго моря, были принуждены безплодіемъ почвы обращаться къ извлеченію всей возможной пользы изъ своего удобнаго приморскаго положенія (⁶).

Но какъ ни сильно вліаніе природы на общественный бытъ, какъ ни значительно вліаніе естественныхъ выгодъ на экономическое развитіе народовъ, тѣмъ не менѣе мы не должны считать силы природы исключительнымъ факторомъ благосостоянія. Избытокъ естественныхъ выгодъ весьма часто скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ. Успѣшность въ производствѣ зависитъ отъ трудовой энергіи, которая развивается не отсутствіемъ препятствій, но затрудненіями. Избытокъ естественныхъ выгодъ также можетъ быть вреденъ, какъ и крайній недостатокъ ихъ; въ богатыхъ странахъ, гдѣ почти безъ всякаго труда человѣкъ можетъ имѣть средства къ существованію, его силы усыпляются и энергія ослабѣваетъ точно также, какъ суровыя полярныя страны, такъ сказать, замораживаютъ эти силы и энергію ихъ. Вотъ почему вполне справедливо замѣчаніе Милля, что качества и способности самаго общества еще важнѣе для него, чѣмъ естественныя выго-

ды, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ онѣ важнѣе богатства и знатности. Въ самомъ себѣ человѣкъ находитъ силу, которая даетъ ему возможность бороться съ самыми неблагоприятными естественными условіями, и исторія представляетъ намъ факты достойныхъ удивленія побѣдъ. Сила эта—его трудъ, его физическія и духовныя свойства, направленныя къ достиженію хозяйственныхъ цѣлей.

(1) Studien über die inneren Zustände Russlands, т. 1. стр. 173—174. По изчисленіямъ Гакстгаузена, въ имѣніи около Майнца, обнимающемъ собою 1000 моргеновъ пахатной земли и луговъ, необходимо имѣть четыре пары лошадей, восемь работниковъ, шесть работницъ и 1500 дней поденныхъ рабочихъ; такое имѣніе дастъ около 8500 талеровъ валового дохода, издержка обработки не простираются болѣе 3500 талеровъ, слѣдовательно чистаго дохода—5000 талеровъ. Въ соответствующемъ по величинѣ имѣніи на сѣверѣ отъ Волги, при равенствѣ остальныхъ условій, уже влѣдствіе климатическихъ невыгодъ необходимо имѣть семь паръ лошадей, четырнадцать рабочихъ мужчинъ, десять работницъ и 2100 дней поденныхъ работниковъ. Очевидно, что въ этомъ послѣднемъ имѣніи чистый доходъ не будетъ выше 2600 талеровъ, вмѣсто 5000, приносимыхъ имѣніемъ, лежащимъ около Майнца. Сверхъ того, въ майнцкомъ имѣніи зимою прокармливаются лишь $\frac{4}{7}$ того количества людей и скота, которое прокармливается сѣвернымъ русскимъ имѣніемъ; въ первомъ меньшее количество рабочихъ людей и скота зимой приходится прокармливать не болѣе 5 мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ во второмъ ихъ большее количество должно быть содержимо въ продолженіи 8 мѣсяцевъ. Въ Майнцкомъ имѣніи и въ зимнее время рабочіе и скотъ могутъ быть заняты дѣломъ, непосредственно относящимся къ сельскому хозяйству; между тѣмъ какъ въ русскомъ сѣверномъ имѣніи почти невозможно зимой никакія сельскохозяйственныя работы, не считая привоза древеснаго матеріала и отправки продуктовъ къ мѣстному рынку, для чего достаточно пары лошадей и одного рабочаго. Очевидно, что въ сѣверномъ имѣніи въ теченіи 8 зимнихъ мѣсяцевъ приходится почти даромъ содержать вдвое большее число рабочихъ и скота. На основаніи подобныхъ изчисленій Гакстгаузенъ приходитъ

къ заключенію, что если бы кому либо было подарено имѣніе на прим. въ Ярославльскій губерніи съ непрѣмѣннымъ условіемъ завести хозяйство по образцу лучшихъ хозяйствъ западной Европы, то одаренный не только бы не имѣлъ никакой прибыли, но въ непродолжительномъ времени раззорился бы. (2) Въ лѣтнее время періодъ, когда совершается весь кругъ земледѣльческихъ работъ, гов. Г о р л о в ъ, у насъ коротокъ. Кто жывалъ въ деревняхъ, тотъ конечно замѣчалъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи находится иногда нашъ сельскій житель отъ скопляющихся работъ; онъ не успѣлъ еще кончить покоса въ лугахъ, примыкающихъ къ ржаному полю, какъ уже поспѣла рожь, а тамъ подступаютъ, среди неоконченныхъ работъ хлѣбной уборки, озимая орѣба, сѣвъ озимаго хлѣба, жнитво яровое и окончательная косѣба луговъ въ яровомъ полѣ. Потому можно смѣло сказать, что именно у насъ полезно бы было устройство хорошихъ жатвенныхъ машинъ, заведеніе выгодныхъ орудій для подъема земли и пахоты, содержаніе сильныхъ лошадей, равно какъ введеніе приѣмовъ, сокращающихъ работу. Нач. пол. экон. т. 1, стр. 196—197. (3) Ibid. стр. 195. (4) Исторія цивил. въ Англіи, ч. 1. (5) Э. Вреденъ. Курсъ пол. экон. стр. 168—171. Европейскій материкъ представляетъ собою треугольникъ, который острымъ своимъ угломъ направленъ къ Западу, а основаніемъ, на Востокъ, прилегаетъ къ азіатскому матеріку, почему съ З. на В. въ Европѣ все болѣе и болѣе усиливается континентальный характеръ и уменьшаются выгоды отъ сосѣдства съ моремъ. (6) Осн. пол. экон. 1, 139—140.

II. Т р у д ъ.

§ 1. Въ обыденной рѣчи трудомъ называютъ „всякое физическое или умственное обремененіе или стѣсненіе, всѣ непріятныя ощущенія, соединенныя съ употребленіемъ мысли или мускуловъ на извѣстное занятіе“ (М и л л ъ). Одни изъ экономистовъ безусловно соглашаются съ этимъ обыденнымъ возрѣніемъ на трудъ, между тѣмъ какъ другіе рѣшительно возстаютъ про-

тивъ принципіальнаго соединенія понятій обремененія и непріятности съ понятіемъ о трудѣ. По мнѣнію первыхъ, трудъ „составляетъ для человѣка самоотверженіе, потому что кто ему предается, тотъ подвергается усталости и даже изнеможенію, лишаетъ себя спокойства и нѣкоторымъ образомъ свободы“ (1).

По мнѣнію вторыхъ, обремененіе или непріятность, которыми фактически сопровождается всякій трудъ, представляютъ результатъ не самаго труда, но внѣшней его обстановки; самъ по себѣ, какъ естественная потребность нашего организма, трудъ пріятенъ, онъ становится непріятнымъ лишь тогда, когда среда, въ которой происходитъ дѣятельность ей, не благопріятна (2). Последнее воззрѣніе послужило исходнымъ пунктомъ построенія многихъ утопическихъ проектовъ такой организаціи труда, при которой никакой трудъ не только не былъ бы непріятнымъ, но служилъ бы источникомъ постоянныхъ удовольствій. Такова, на прим., извѣстная утопія Карла Фурье, лучше всѣхъ другихъ утопій въ этомъ родѣ иллюстрирующая значеніе стремленія къ превращенію труда въ игру. Всеобщая цѣль всѣхъ стремленій человѣка, по ученію Фурье есть счастье. Счастье состоитъ не въ чемъ либо иномъ, какъ въ полномъ удовлетвореніи нашихъ страстей (3). Долгъ, обязанность, все это простая выдумка философовъ, не имѣющая никакихъ реальныхъ основаній. Человѣкъ долженъ подчиняться только своимъ страстямъ и въ этомъ подчиненіи онъ найдетъ свое истинное счастье. Если въ дѣйствительности страсти приводятъ къ печальнымъ послѣдствіямъ, то это происходитъ вслѣдствіе отсутствія надлежащей среды, въ которой бы страсти человѣка могли находить полное удовлетвореніе. Необходимо, по этому, организовать такую среду. Страсти раздѣляются на чувственные (p. sensuelles), сердечныя (p. affectives) и дистрибутивныя (p. distributives ou mécanisantes). Первые состоятъ въ стремленіяхъ къ удовлетворенію чувственныхъ потребностей и совпадаютъ съ пятью чувствами: зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, вкусомъ и осязаніемъ. Вторыя состоятъ въ стремленіяхъ къ единенію и образованію группъ между людьми; къ нимъ относятся: дружба, честолюбіе, любовь и семейныя чувства. Третьи слагаются: изъ кабалиста (la cabaliste), состоящаго въ стремле-

ніяхъ къ интригамъ и соперничеству; изъ напильона (la rapillonne), состоящаго въ стремленіяхъ къ переменамъ и разнообразію въ удовольствіяхъ, и изъ композита (la composite), возбуждающаго до энтузіазма. Чувственныя и сердечныя страсти находятъ примѣненіе и въ современныхъ обществахъ, но не приводятъ къ всеобщему счастью, такъ какъ ихъ проявленіе стѣсняется вслѣдствіе всеобщаго гоненія страстей дистрибутивныхъ. Для всеобщаго счастья необходимо гармоническое проявленіе всѣхъ страстей. Когда настанетъ господство такой гармоніи, исчезнетъ изъ лица земли всякое горе, не будетъ нищеты и пороковъ, трудъ будетъ не бременемъ, но истиннымъ удовольствіемъ. Такое блаженное время наступитъ тогда, когда люди раздѣлятся на производительныя группы и серіи, то есть когда они подѣлятся по видамъ и родамъ труда на опредѣленныя общественныя единицы. Тогда кабалистъ, побуждая къ соперничеству, будетъ причиною общаго увеличенія производительной дѣятельности; въ этомъ же направленіи будетъ дѣйствовать и композитъ, вызывающій энтузіазмъ между производителями, работающими не въ одиночку, но въ пріятномъ и постоянномъ сообществѣ; наконецъ напильонъ, побуждая къ разнообразію въ занятіяхъ, при чемъ однимъ дѣломъ производитель не долженъ заниматься болѣе двухъ часовъ, предупреждаетъ усталость и самое занятіе дѣломъ превращаетъ въ развлеченіе. При такой организаціи „физическія влеченія находятъ свое удовлетвореніе въ трудѣ и создаютъ въ то же время блага, служащія къ удовлетворенію духовныхъ потребностей“ (4).

Превращеніе труда въ игру, напряженнаго занятія въ развлеченіе — весьма заманчиво. Также заманчива была мысль о философскомъ камнѣ, который бы все превращалъ въ золото; а въ дѣтствѣ нашемъ также заманчива была для насъ шанка—невидимка, коверъ-самолетъ и тому подобные продукты сказочнаго мышленія. Въ странахъ, наполненныхъ волшебниками, живутъ безъ всякаго труда, все каждому туземцу тотчасъ же подается невидимыми силами, коль-скоро появится у него одно желаніе имѣть что-либо. Съ превращеніемъ труда въ игру и на землѣ будетъ тоже; труда, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, не будетъ; онъ превратится въ игру, въ развлеченіе, въ удовольствіе

служащее источником новыхъ удовольствій. Очевидно, что доктрина, отождествляющая трудъ съ игрою, должна быть признана продуктомъ сказочнаго мышленія, продуктомъ фантазій и дѣтства мысли человѣка. Недаромъ же Фурье не удовольствовался радикальнымъ измѣненіемъ общественнаго строя, но пророчествуетъ также измѣненіе и всей физической природы. Онъ не сомнѣвается въ томъ, что съ принятіемъ его доктрины климатъ измѣнится на всемъ земномъ шарѣ къ лучшему, морская вода превратится въ пріятную жидкость, со вкусомъ лимонада, вредные человѣку звѣри будутъ повсемѣстно уничтожены, полезные усовершенствуются и возникнутъ новые ихъ виды, такъ на прим. появится особаго рода китъ, съ помощью котораго будутъ передвигаться корабли. Въ сказкахъ все возможно. Прискорбно лишь то, что подобныя сказки слушаются взрослыми и принимаются ими за нѣчто серьезное.

Между трудомъ и игрою нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго; первый является средствомъ къ достиженію опредѣленной цѣли, между тѣмъ какъ вторая является и средствомъ и цѣлію въ одно и то же время. Когда плотникъ рубитъ дерево, необходимое для постройки дома, онъ трудится и никто, не одаренный всемогуществомъ, не обратитъ его ремесленнаго занятія въ игру, такъ какъ ремесло для ремесла, плотничество для плотничества при нормальномъ положеніи умственныхъ способностей дѣло не мыслимое. Когда тотъ же человѣкъ играетъ въ карты, когда онъ танцуетъ, когда онъ поетъ для собственнаго удовольствія или съ такою же цѣлію занимается музыкой, онъ перестаетъ трудиться, его занятіе не трудъ, но игра. Конечно, балетный танцоръ, театральныи хористъ и музыкантъ, подобно плотнику, рубящему дерево не для процесса рубки, но для полученія впоследствии извѣстнаго результата, не занимаются игрою въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; для нихъ это занятіе является трудомъ и весьма часто тяжелымъ трудомъ. Но точно также и рубка дровъ не плотникомъ - ремесленникомъ, но человѣкомъ, ищущимъ въ этомъ дѣлѣ пользы для своего здоровья, не можетъ быть названа трудомъ. Дѣло въ

томъ, что всякій трудъ, представляя собою средство къ полученію въ будущемъ извѣстнаго результата, предполагаетъ опредѣленную разницу во времени между производительнымъ процессомъ и предполагаемою цѣлію; между тѣмъ какъ въ игрѣ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, такой разницы во времени нѣтъ, здѣсь средство и цѣль совпадаютъ, являются величинами неразрывно связанными. Привлекательность игры и заключается въ этой связи средствъ съ цѣлями, благодаря чему игра привлекаетъ къ себѣ сама собою. Трудъ, какъ средство къ полученію въ будущемъ извѣстнаго результата, не самъ по себѣ привлекаетъ труженниковъ; привлекаютъ ихъ тѣ результаты, которые достигаются трудомъ. И такъ какъ никогда невозможно уничтоженіе того положенія дѣла, при которомъ трудъ представляетъ собою лишь средство къ полученію въ будущемъ извѣстныхъ результатовъ, то превращеніе труда въ игру, дѣло не мыслимое. Въ дѣйствительности существуетъ нѣкоторое различіе между разными видами труда по продолжительности времени, проходящаго между производительнымъ процессомъ и ожидаемымъ результатомъ. Въ сельскохозяйственномъ трудѣ этотъ промежутокъ времени больше, чѣмъ въ торговой промышленности; въ отвлеченныхъ умственныхъ занятіяхъ онъ несравненно короче, чѣмъ въ такъ называемыхъ позитивныхъ умственныхъ занятіяхъ, требующихъ предварительнаго собиранія матеріала изслѣдованій и кропотливаго, точнаго и почти всегда скучнаго анализированія его, опредѣленія научнаго достоинства, сортировки, сравненій и т. п. приемовъ. Вотъ почему, выражаясь не точно, можно сказать, что одни виды труда привлекательнѣе другихъ; торговля больше привлекаетъ къ себѣ многихъ людей чѣмъ сельскохозяйственное дѣло, философовъ больше, чѣмъ послѣдователей точныхъ наукъ. Говоря это, необходимо не забывать, что привлекательность различныхъ занятій обуславливается не трудомъ, какъ средствомъ, но цѣлію, достигаемою этимъ средствомъ. Конечно, во многихъ случаяхъ обременительность труда проистекаетъ отъ неблагоприятныхъ условій, среди которыхъ происходитъ наша дѣятельность, на прим. отъ излишней продолжительности занятія, отъ работы въ мастерскихъ, напол-

пенныхъ сыростью, спертымъ воздухомъ, вредною для здоровья минеральною пылью. Статистика указываетъ на многія ремесла, крайне вредно отражающіяся на здоровьи рабочихъ, сокращающія ихъ жизнь и увеличивающія заболѣваемость. Весьма часто, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій, „трудъ оплачивается цѣною жизни и является тайнымъ убійцей, скрывающимся за болѣзнями, которые считаются нами за ближайшія причины смерти“ (5). Устраненіе такихъ неблагопріятныхъ условій облегчить работу, но нѣтъ такой чудодѣйственной силы, которая превратила бы ее въ игру. Съ другой стороны, элементъ игры въ извѣстной степени можетъ входить въ сферу труда, подъ вліяніемъ чего ремесло возвышается на степень искусства; писецъ можетъ увлекаться самымъ процессомъ писанія, плотникъ—процессомъ хорошей постройки, писатель—художественностью своего умственного творчества и т. п. Во всѣхъ такихъ случаяхъ трудъ до извѣстной степени облегчается, но никогда не перестаетъ быть трудомъ, не превращается въ элементъ ему противоположный—въ игру.

Не будучи игрой, не будучи по сущности своей началомъ, доставляющимъ человѣку чувственное довольство, трудъ является нравственнымъ долгомъ каждаго, доставляющимъ нравственное довольство производителю. Безъ труда жизнь человѣческая не мыслима, всякій долженъ зарабатывать свой хлѣбъ въ потѣ лица своего (Бытія, 3 гл. стр. 19). И лишь такимъ образомъ, живя своимъ, а не чужимъ трудомъ, человѣкъ можетъ сознать себя существомъ нравственнымъ и самостоятельнымъ. Паразитъ между людьми, существо глубоко безнравственное, праздность всегда считалась въ числѣ пороковъ лучшими представителями человѣчества. Не даромъ Іисусъ, сынъ Сираховъ, уподоблялъ лѣность „камень нечистому, калу воловію“ (Сир. гл. 22 ст. 1 и 2). И чѣмъ выше развитіе обществѣности, тѣмъ болѣе трудъ становится почетнымъ и бездѣйствіе признается состояніемъ недостойнымъ человѣка, какъ нравственнаго существа. Только варварскіе народы могли считать работу принадлежностью рабовъ и раздѣлять правило, выраженное въ словахъ: *pigrum et iners*

videtur, sudore adquirere, quod possis sanguine parare. Развитие обществѣнности предполагаетъ развитіе взаимной зависимости между людьми, по которой благосостояніе каждаго члена общества обусловливается благосостояніемъ другихъ, преступный поступокъ одного посредствомъ или непосредственно вызываетъ страданія въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ общественнаго тѣла. При такомъ состояніи праздность и паразитизмъ вредно отражаются на благосостояніи всего общества; между тѣмъ какъ трудъ всякаго получаетъ общественное значеніе, становится условіемъ общаго благосостоянія, получаетъ характеръ лично-нравственнаго долга. Этотъ нравственный элементъ, съ развитіемъ обществѣнности все болѣе и болѣе присоединяющійся ко всѣмъ видамъ труда, доставляетъ труженнику нравственное довольство, вознаграждающее его за обремененія, за тотъ потъ, безъ котораго онъ не можетъ ѣсть свой хлѣбъ.

(1) И. Горловъ. Начала пол. экон. 1, 40. (2) По мнѣнію Дежерандо, считать трудъ обременительнымъ по природѣ—значитъ дѣлать ошибку столь же грубую, сколько и безчестную. *De la bienfaisance publique*, 11, гл. 5. По поводу этого мнѣнія И. Горловъ основательно замѣчаетъ, что „трудъ есть не униженіе, а честь и достоинство человѣка, это истина высокая и несомнѣнная. Но что трудъ не составляетъ жертвы и тягости, это противорѣчитъ опыту“ *Ibid.* стр. 40. (3) *Le vraie bonheur ne consiste qu'à satisfaire ses passions. Le bonheur sur lequel on a tant raisonné; ou plutôt tant déraisonné; consiste à avoir beaucoup des passions et beaucoup de moyens de les satisfaire.* *Diction. de l'écon. pol. cl. Fourier.* (4) Ф. Шефле. Каци-тализмъ и социализмъ, стр. 280. (5) *Haushofer. Lehr-und-Handbuch der Statistik.* § 115.

§ 2. При грубости нравовъ, характеристической чертѣ низшихъ ступеней общественнаго развитія, обременительность труда вызываетъ желаніе заставить другихъ работать на себя и мысль о томъ, что всякій трудъ, какъ средство къ приобрѣтенію полезностей, необходимыхъ для удовлетворенія потребностей, долженъ

быть принадлежностью людей низшей породы. Такъ возникаетъ борьба между людьми, возникаютъ тѣ враждебныя отношенія, въ результатѣ которыхъ одни становятся побѣдителями—другіе побѣжденными, одни господами—другіе рабами, одни богатыми—другіе нищими. Эта фактическая враждебность въ отношеніяхъ возводится въ принципъ и возникаютъ теоріи то оправдывающія рабство и санкціонирующія анархію интересовъ, то требующія радикальныхъ перестроекъ всего существующаго общественнаго строя. Въ древности такіе мыслители, какъ Платонъ и Аристотель, не сомнѣвались въ правомѣрности рабства, доказывали, что рабство неизбѣжно, что оно требуется самою природою. Впослѣдствіи такіе мыслители, какъ Монтань были увѣрены въ безспорности положенія: *le profit de l'un fait le dommage de l'autre*. Гоббесъ училъ, что человѣкъ—грубо эгоистическое существо, что люди—волки относительно другъ друга (*homo homini lupus est*), что естественное отношеніе человѣка къ человѣку—это война каждаго противъ всѣхъ и каждаго (*bellum omnium contra omnes*); Томасъ Морусъ и Кампанелла, провозглашали, что существующій общественный строй основанъ на порабощеніи слабыхъ болѣе сильными, на грабежѣ и обманѣ рабочихъ богатыми людьми, что необходимо разрушить этотъ строй и на его мѣстѣ создать новый, въ которомъ не должно быть мѣста эгоистическимъ стремленіямъ, не должно быть собственности, но все должно быть общимъ и поровну распределяемымъ между всѣми. Меркантилисты проповѣдывали, что мѣновныя отношенія какъ между частными лицами, такъ и между народами, это отношенія войны, отношенія борьбы изъ за того, на чью долю прійдется денежная прибыль, что продавецъ и покупатель—враги, каждый изъ нихъ старается побороть другаго, каждый изъ нихъ стремится къ тому, что бы основать собственное благополучіе на несчастьи другаго, что благосостояніе одного народа мыслимо не иначе, какъ при униженіи и несчастьи другихъ народовъ. Никто и не думалъ, чтобы трудъ въ обществѣ имѣлъ естественную и разумную организацію, естественный упорядочивающій принципъ. Всѣ думали, говоритъ Молинари, что общественный міръ предоставленъ Богомъ какому-то жесто-

кому случаю, благодаря которому общество представляет собою нечто въ родѣ галерѣ, гдѣ царствуетъ грабежъ и обманъ, если не замѣчается палка надсмотрщика; всё думали, что благосостояніе однихъ покупается цѣною страданія другихъ, видѣли въ обществѣ лишь побѣдителей и побѣжденныхъ, палачей и жертвъ (1).

Этотъ общественный пессимизмъ былъ пораженъ научными политико-экономическими изслѣдованіями, въ особенности же изслѣдованіями А. С м и т а, гениальнаго основателя политической экономіи, отрывшаго упорядочивающій принципъ отношеній въ самомъ корнѣ пессимистическихъ ученій. По его ученію, общественный организмъ имѣетъ естественную самосохраняющую силу, благодаря которой при полной свободѣ отношеній достигается благосостояніе и которая, подобно таинственному началу животной жизни, восстанавливаетъ здоровье и возвращаетъ силы организму, не смотря на всё препятствія. Эта самосохраняющая или упорядочивающая сила есть личный интересъ каждаго или своекорыстіе. Подчиняясь личному интересу, каждый человѣкъ заботится о своей пользѣ въ настоящемъ и будущемъ. Съ этою цѣлію онъ употребляетъ свой трудъ возможно цѣлесообразнѣе, старается производить то, въ чемъ наиболѣе нуждается общество; такимъ цѣлесообразнымъ употребленіемъ своего труда онъ извлекаетъ наибольшія выгоды для себя, принося въ то же время наибольшія выгоды другимъ, нуждающимся въ произведеніяхъ его труда. Имѣя въ виду лишь собственный интересъ, торговецъ способствуетъ общественнымъ выгодамъ болѣе, нежели въ то время, когда дѣйствительно заботится о послѣднихъ. Въ основаніи экономическаго общежитія лежитъ, поэтому, не принципъ борьбы, но законъ взаимности интересовъ. Человѣкъ—существо общежительное; ему врождено стремленіе къ общенію съ другими, развивающееся подъ вліяніемъ личнаго интереса. Между людьми даже противоположныя дарованія не только не ведутъ къ борьбѣ, но оказываютъ пользу всѣмъ, содѣйствуя развитію раздѣленія труда. Благодаря раздѣленію труда, продукты самыхъ разнообразныхъ трудовыхъ особенностей собираются какъ бы въ одну общую массу, изъ которой каждый можетъ получать произведенія, изготовленныя другими.

Личный интересъ долженъ быть не сдерживаемъ, но просвѣщаемъ; по самой сущности своей этотъ интересъ не противорѣчить, но содѣйствуетъ общественному благосостоянію. По мѣрѣ просвѣщенія личнаго интереса, по мѣрѣ того, какъ разумная природа человѣка беретъ перевѣсъ надъ неразумною борьба между людьми исчезаетъ. Всемирно-историческій опытъ несомнѣнно убѣждаетъ насъ въ томъ, что свободный трудъ производительнѣе и поэтому дешевле рабскаго труда; слѣдовательно рабство противорѣчить разумно понятому личному интересу. Увеличеніе вознагражденія за трудъ рабочихъ также не противорѣчить личному интересу хозяевъ, напротивъ того, разумно понятый интересъ послѣднихъ требуетъ не дешеваго, но хорошо оплачиваемаго труда. Трудъ человѣка поощряется хорошимъ вознагражденіемъ, производительность его увеличивается по мѣрѣ увеличенія вознагражденія. Во всѣхъ странахъ, въ которыхъ трудъ хорошо оплачивается, мы находимъ наиболѣе дѣятельныхъ рабочихъ. Высокая заработная плата не противорѣчить и общественному интересу. По видимому, увеличеніе ея должно бы сопровождаться увеличеніемъ цѣнъ продуктовъ, что невыгодно для потребителей. Въ дѣйствительности и это не всегда вѣрно. Увеличеніе производительной силы труда, происходящее въ слѣдствіе увеличенія заработной платы, ведетъ къ тому, что однимъ и тѣмъ же количествомъ рабочаго времени производится большее количество продуктовъ, и вмѣсто возвышенія цѣнъ возвышеніе заработной платы ведетъ къ уменьшенію ихъ ⁽²⁾.

Ученіе А. Смита о принципиальномъ согласіи всѣхъ разумно понятыхъ интересовъ, развитое въ подробностяхъ позднѣйшими изслѣдователями, составляетъ краеугольный камень политической экономіи. Необходимость въ потѣ лица своего добывать средства къ существованію порождаетъ въ междулическихъ отношеніяхъ не законъ животной борьбы за существованіе, но законъ союзности или взаимности въ дѣлахъ возможно лучшаго удовлетворенія потребностей. Борьба между людьми представляетъ собою фактъ постепенно исчезающій вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ люди становятся сознательно и разумно дѣйствующими существами, вмѣстѣ съ развитіемъ въ человѣкѣ его часто человѣ-

ческих свойств. Съ историческимъ развитіемъ въ междучеловѣческихъ отношеніяхъ все болѣе и болѣе начинаетъ господствовать союзность, приводящая къ разумной общности въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей. Основанія развитія этой союзности заключаются въ общежительныхъ свойствахъ человѣка, съ особенною ясностью описанныхъ американскимъ экономистомъ Кэри и его лучшими послѣдователями.

Человѣкъ, говоритъ Кэри, есть существо, стремящееся къ индивидуальности и ассоціаціи, существо ответственное въ своихъ дѣйствіяхъ и развивающееся. Такимъ образомъ, какъ членъ общества, человѣкъ заключаетъ въ себѣ четыре свойства: а) индивидуальность, б) ассоціацію, в) ответственность и г) прогрессивное развитіе.

а) Чѣмъ совершеннѣе существо, тѣмъ болѣе различій въ его частяхъ и тѣмъ болѣе особенностей, которыми оно отличается отъ другихъ видовъ. Это вѣрно и въ отношеніи къ людямъ. На низшихъ ступеняхъ развитія люди крайне схожи между собою, кто видѣлъ одного дикаря опредѣленнаго племени, тотъ видѣлъ ихъ всѣхъ. Ничего подобнаго нельзя сказать о людяхъ на высшихъ ступеняхъ развитія. Каждый изъ нихъ имѣетъ особенности, по которымъ существенно отличается отъ своихъ ближнихъ, имѣетъ индивидуальныя черты, по которымъ онъ не экземпляръ породы, на самобытная личность.

б) Индивидуальность представляетъ собою необходимое условіе развитія ассоціаціи, хотя и сама обуславливается въ своемъ развитіи послѣднимъ свойствомъ. „Индивидуальность является источникомъ разнообразія, безъ котораго не возможна ассоціація. Фермеръ не нуждается въ союзѣ съ сосѣднимъ фермеромъ, но ему нужны плотникъ, кузнецъ, мельникъ. Фабричный работникъ рѣдко обмѣнивается продуктами своего труда съ такимъ же фабричнымъ рабочимъ, но онъ нуждается въ продавцѣ хлѣба, въ строителѣ домовъ и т. п. Различія въ занятіяхъ необходимое условіе возникновенія ассоціаціи. Только различія производятъ соединенія; законъ молекулярнаго притяженія безусловно приложимъ къ міру человѣческому.“

в) Съ развитіемъ индивидуальности и ассоціаціи возникаетъ и развивается чувство отвѣтственности за свои дѣйствія предъ самимъ собою и предъ обществомъ. Дикій человекъ грабитъ и убиваетъ ближняго, гордится награбленнымъ имуществомъ и скальпомъ своей жертвы, какъ неопровержимыми свидѣтельствами храбрости. Съ развитіемъ общезитія эти дѣйствія перестаютъ быть предметомъ гордости; они получаютъ ихъ дѣйствительное названіе — грабежа и убійства. Нарушенія правъ ближнихъ всѣми признаются преступными дѣйствіями; каждый начинаетъ жить собственнымъ трудомъ, уважая неприкосновенность труда другихъ. Безъ существованія такой отвѣтственности каждаго за свои дѣйствія развитіе человѣческихъ обществъ не мыслимо.

г) Наконецъ послѣднее свойство человека — это способность къ прогрессу. Прогрессъ, говоритъ Кэри, есть результатъ ассоціаціи, состоящей въ неизбѣжной связи съ отвѣтственностью и индивидуальностью. Безъ разнообразія въ трудовыхъ особенностяхъ, безъ различія въ занятіяхъ прогрессъ невозможенъ. Истинность этого положенія очевидна для всякаго, кто наблюдалъ развитіе и распространеніе идей въ такихъ странахъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ земледѣліемъ существуетъ — мануфактурная промышленность и торговля (3).

Въ этомъ ученіи американскаго экономиста нельзя согласиться лишь съ тѣмъ, что индивидуальность или разнообразіе есть единственная и исключительная причина ассоціаціи. Фермеръ, говоритъ онъ, не нуждается въ другомъ фермерѣ, такъ какъ каждый изъ нихъ имѣетъ то, что имѣетъ и другой, влѣдствіе чего между ними не можетъ быть общенія. Дѣйствительно, между ними не можетъ быть общенія въ формѣ обмѣна; но обмѣнъ — не единственная форма ассоціаціи. Фермеръ можетъ вступить въ товарищество съ другимъ фермеромъ для того, чтобы пріобрѣсть изъ города средства удобренія земли, имѣя въ виду, что оптовое пріобрѣтеніе выгодише для каждаго изъ нихъ, чѣмъ пріобрѣтеніе розничное. Фермеръ можетъ вступить въ товарищество съ другимъ фермеромъ для сбыта произведеній, для отправки ихъ на мѣсто потребленія и т. п. Фабричные рабочіе образуютъ между собою потребительныя товарищества, могутъ содержать общее училище для своихъ дѣтей, общую больницу, имѣть

общія мѣста для развлеченія, бібліотеки, образуютъ между собою товарищества ссудосберегательныя, товарищества взаимной помощи въ несчастіяхъ, образуютъ промысловыя товарищества и т. д. Во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ случаяхъ мы видимъ, что ассоціація существуетъ внѣ разнообразія, что индивидуальность не можетъ быть признана единственнымъ источникомъ товариществъ. Бромѣ закона индивидуальности, т. е. разнообразія или различій въ трудовыхъ особенностяхъ, источникомъ ассоціаціи является также законъ сходствъ въ трудѣ и цѣляхъ людей.

Человѣкъ, какъ дѣятель въ средѣ другихъ людей, является съ указанными свойствами, представляющими собою источникъ всей совокупности междучеловѣческихъ союзовъ. Постепенно развиваясь, въ особенности подъ вліяніемъ распространенія знаній, эти свойства ведутъ къ взаимности между людьми, къ союзности между всѣми отдѣльными производителями и производствами. Подъ ихъ вліяніемъ борьба между людьми мало по малу исчезаетъ, интересы умиротворяются, люди союзно трудятся для общей цѣли удовлетворенія своихъ потребностей. Мрачный законъ борьбы за существованіе къ человѣческому міру не можетъ быть такъ безусловно приложимъ, какъ къ міру животному и растительному. Сфера всеобщаго господства его—міръ безсознательный; тамъ же, гдѣ царствуетъ сознаніе и разумъ, борьба за существованіе можетъ быть лишь временнымъ явленіемъ, продолжающимся до тѣхъ поръ, пока люди недостаточно возвысились надъ жизнью безсознательною, и окончивающимся вмѣстѣ съ переходомъ людей въ жизнь сознательную и разумную. Въ сферѣ мыслящихъ существъ регулирующимъ закономъ можетъ быть не борьба за существованіе, но союзность въ цѣляхъ разумнаго существованія.

(1) Cours d'écon. pol. m. 1., стр. 25. (2) Richesse des Nations, m. 1., стр. 104—107; 190—199; m. 3., стр. 13—15, 29 и др. (3) Principes de la science sociale, m. 1., стр. 39—64.

§ 3. Между трудомъ направленнымъ къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей, и трудомъ, направленнымъ къ удо-

влетворенію потребностейъ духовныхъ, существуетъ самая тѣсная связь. Направленіе и характеръ матеріальнаго труда человѣка обуславливаются направлениемъ и характеромъ духовной дѣятельности. Объ участіи умственнаго труда въ самой простой механической работѣ никто не можетъ сомнѣваться. „Самый тупой носильщикъ, изо дня въ день таскающій кирпичи по подмосткамъ, говоритъ Милль, исполняетъ отчасти дѣло умственное; самая понятливая собака не выучится этому. Самый тупоумный человѣкъ можетъ вертѣть рукоятку машины, а лошадь не можетъ вертѣть этого колеса, если кто нибудь не погоняетъ ее и не смотритъ за ней“ (1). Развитіе физическаго труда обуславливается знаніемъ свойствъ естественныхъ дѣателей, то есть обуславливается умственнымъ развитіемъ трудящихся. Вотъ почему народное благосостояніе находится въ тѣсной зависимости отъ умственнаго быта; тамъ, гдѣ встрѣчается невѣжество, въ то же время господствуетъ и нищета. Поднятіе уровня умственнаго состоянія массъ равносильно увеличенію ихъ экономическаго благосостоянія. Причина бѣдности заключается въ томъ, что физическій трудъ не оплодотворенъ умственнымъ развитіемъ. Въ этомъ отношеніи вполне вѣрно слѣдующее замѣчаніе одного изъ нашихъ экономистовъ: „Бѣдность народа есть ничто иное, какъ скрытое богатство. При благоприятныхъ условіяхъ этотъ скрытый теплородъ экономическаго міра освобождается и обнаруживаетъ сокровища, далеко превосходящія тѣ, сравнительно незначительныя богатства, которыя накаплиются по временамъ въ рукахъ руководителей промышленности и къ которымъ такъ неразумно возбуждается многими недальновидными писателями зависть народа, этого величайшаго изъ всѣхъ капиталистовъ“ (2). Благоприятныя условія, о которыхъ говоритъ нашъ экономистъ, это образованіе производителей, дающее имъ господство надъ силами природы и превращающее ихъ механическую въ сознательную дѣятельность.

Умственный трудъ, необходимый во всѣхъ родахъ и видахъ дѣятельности, для болѣецѣлесообразнаго регулированія послѣдней специализируется и такимъ образомъ подчиняется общему закону интенсивнаго пользованія, состоящему въ сосредоточеніи или централизациі силы, направленной къ достиженію опредѣленной цѣли.

Такъ возникаетъ такъ называемая конъектура или проэктъ предприятия, предварительное соображеніе его осуществимости и доходности. Никакой трудъ не можетъ существовать безъ такой конъектуры (°); всякая дѣятельность предполагаетъ предварительное осознаніе ея или осуществимости или доходности. Но многіе виды дѣятельности требуютъ спеціальной подготовки для составленія конъектуры; во многихъ случаяхъ для ея составленія необходимъ трудъ не одного, но многихъ спеціалистовъ; наконецъ могутъ быть случаи, когда дѣло составленія конъектуры не доступно средствамъ частныхъ лицъ и предпринимается правительствами,—таковы на прим. въ нѣкоторыхъ случаяхъ предварительныя изысканія о возможности проведенія желѣзно-дорожнаго пути, о существованіи каменноугольныхъ залежей и т. п. Представляя собою результатъ общаго закона интенсивности пользованія силами, отдѣленіе конъектуральнаго труда отъ исполнительнаго должно быть разсматриваемо также какъ неизбѣжный результатъ безконечнаго разнообразія между людьми въ ихъ трудовыхъ способностяхъ. Нѣкогда существовало воззрѣніе, теперь окончательно потерявшее свой кредитъ, что все люди равны по своимъ умственнымъ способностямъ. Воззрѣніе это на столько же истинно, какъ и аналогичная съ нимъ доктрина равенства по плодородію всехъ земель; доказывать равенство умственныхъ способностей людей все равно, что утверждать равенство плодородія различныхъ земельныхъ участковъ на всемъ земномъ шарѣ. На низшихъ ступеняхъ своего развитія люди дѣйствительно мало различаются между собою, но такое равенство и есть признакъ дикости. Не даромъ говорятъ, что разнообразіе есть источникъ жизни; гдѣ нѣтъ разнообразія, тамъ нѣтъ и жизни; въ безжизненной песчаной пустынѣ каждая отдѣльная часть есть какъ бы повтореніе другой. Однообразіе умственныхъ способностей, какъ отрицаніе разнообразія въ жизни, представляло бы собою превращеніе экономическаго обществѣ въ безжизненную песчаную пустыню. Если же умственныя способности людей разнообразны, то, очевидно, утилизація ихъ не можетъ быть одинаковою; никто же не требуетъ одинаковой обработки земли на всемъ земномъ шарѣ и производства на ней вездѣ одинаковыхъ растений. Разнообразныя

способности людей вызываютъ разнообразіе въ средствахъ ихъ утилизаціи, подъ вліяніемъ чего одни принимаютъ на себя исполнительный трудъ, другіе конъектуральный, одни являются самостоятельными предпринимателями, другіе наемными участниками въ предпріятіяхъ, одни хозяевами, другіе рабочими. Предпринимательство, по которому одинъ или нѣсколько человѣкъ, задумавъ извѣстное предпріятіе, осуществляютъ его при помощи наемнаго труда, представляетъ собою одинъ изъ видовъ конъектуральнаго труда, источникомъ котораго служитъ разнообразіе между людьми въ ихъ способностяхъ. Но всякій, на примѣръ, можетъ рѣшиться принять на себя рискъ какого либо новаго предпріятія; не всякій рѣшается на свой рискъ завести какое либо хозяйственное дѣло, въ результатъ котораго можно получить выигрышъ, но можно и потерять все свое состояніе, или часть его. Такіе люди и находятъ примѣненіе своему труду въ исполнительныхъ наемныхъ работахъ, предпринимаемыхъ другими. Предпринимательство, такимъ образомъ, представляетъ собою явленіе вполне естественное въ народной экономіи. Оно представляетъ собою продуктъ безконечнаго разнообразія способностей человѣческихъ. Подобно тому, какъ нелѣпа мысль о томъ, что бы на всемъ земномъ шарѣ люди сѣяли одну пшеницу или одну розу, такъ же нелѣпа и мысль о возможности превращенія всѣхъ людей въ предпринимателей и исполнителей въ одно и тоже время. „До однообразной сообразительности всѣхъ людей довести невозможно, справедливо говорить Э. Вр е д е н ъ, именно влѣдствіе различія индивидуальныхъ способностей разныхъ людей. Если задаваться водвореніемъ подобнаго неизбежнаго уровня, то это мыслимо не иначе, какъ притупивъ даровитыхъ лицъ до уровня наименѣе способныхъ. Не слѣдуетъ искать исхода изъ существующаго неравенства въ стремленіи довести всѣхъ до однообразной степени трудовой способности. Въ дѣйствительномъ быту существуетъ нерушимая постепенность, только ее и возможно повысить“ (1). Другими словами, необходимо искать не уничтоженія разнообразія въ трудовыхъ способностяхъ, не превращенія обществъ въ безжизненную пустыню, въ которой каждая часть была бы повтореніемъ другой; но необходимо заботиться о возможномъ

возвышеніи трудовыхъ способностей производителей, о поднятіи способностей каждаго до того уровня, который обуславливается индивидуальными силами. Вотъ почему вопросъ о народномъ образованіи имѣеть въ высшей степени важное значеніе съ точки зрѣнія народной экономіи. Это прямой вопросъ о поднятіи уровня народнаго благосостоянія.

Заботы о народномъ образованіи составляютъ почти вездѣ одну изъ функций государственной власти. Это требуется уже тѣмъ, что народное образованіе имѣеть общественное значеніе, вслѣдствіе чего не можетъ быть отдано на волю частныхъ дѣятелей. Государственные расходы на это образованіе имѣють высоко производительное значеніе для государствъ, благодаря тому, что трудъ народа, оплодотворенный знаніемъ, становится болѣе производительнымъ, что равносильно возвышенію податныхъ силъ населенія и средствъ, которыми располагаютъ государства. Съ другой стороны, эти расходы болѣе чѣмъ уравниваются уменьшеніемъ издержекъ по предупрежденію и пресѣченію преступленій, вызываемыхъ невѣжествомъ и слабостью трудовыхъ силъ, не укрѣпленныхъ умственнымъ развитіемъ. Безвозвратные расходы на охрану и преслѣдованіе, сыскную полицію и тюрьмы, исправленіе малолѣтнихъ осужденныхъ и т. п. сокращаются въ размѣрѣ ихъ полнѣйшей замѣны воспроизводительными затратами по воспитанію сообразительныхъ рабочихъ и добросовѣстныхъ податныхъ плательщиковъ (*).

Первоначальное народное образованіе можетъ быть или произвольнымъ, или обязательнымъ. Въ первомъ случаѣ отъ воли родителей или опекуновъ дѣтей зависитъ посѣщеніе дѣтьми народнаго училища. Предполагають, что вмѣшательство государства въ это дѣло было бы нарушеніемъ свободы, вмѣшательствомъ въ частную жизнь, въ семейные расчеты. Во имя этой свободы многіе и стоятъ за полную свободу первоначальнаго обученія. Но очевидно, что защищать безусловную свободу обученія, значить защищать право оставаться въ непроглядномъ невѣжествѣ, а такого права въ развитомъ обществѣ никто не имѣеть. Въ свободной странѣ для гражданъ свобода обязательна, такъ какъ, по закону, никто настолько не свободенъ, чтобы отказаться отъ своей

свободы и сдѣлаться рабомъ или крѣпостнымъ человѣкомъ. Эта обязательность свободы не только не нарушаетъ послѣдней, но является ея необходимымъ условіемъ, ея законной гарантіей. Точно также и обязательное первоначальное образованіе не можетъ нарушать свободы гражданъ, а, напротивъ того, представляетъ собою необходимое условіе ея, такъ какъ при отсутствіи образованія истинная свобода не мыслима.

Подобно уметвенному, и нравственный элементъ въ трудѣ имѣетъ высокое значеніе въ народной экономіи. Въ древнемъ мѣрѣ трудиться считали безчестнымъ, всякій матеріальный трудъ считался признакомъ низкаго происхожденія. Если бы каждый думалъ такъ, то экономическое обществѣ было бы не мыслимо. Съ развитіемъ общественности, образованія и въ особенности осознанія христіанскихъ истинъ нравственный элементъ во всякомъ трудѣ получаетъ все большую и большую силу, праздность признается порокомъ, житье здоровыхъ людей на чужой счетъ—преступленіемъ. Существованіе и развитіе трудового нравственного элемента гарантируется также общественною властью. Сюда относится дѣятельность солдата, полицейскаго сторожа, судьи, законодателя и т. д. О важности труда этихъ лицъ такъ выражается Милль: „трудъ ихъ составляетъ часть издержекъ производства, если бы количество продуктовъ не было достаточно на содержаніе этого труда, то производство не было бы возможно, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ теперь. Если бы правительство не давало охраненія дѣлу производства, то производители были бы принуждены или отнимать на свою защиту значительную часть своего времени и труда отъ производства, или нанимать на свою защиту вооруженныхъ людей; въ томъ и другомъ случаѣ трудъ охраненія прямо вознаграждался бы изъ продукта и нельзя было бы производить вещей, недающихъ средствъ платить за этотъ прибавочный трудъ. При нынѣшнемъ устройствѣ продуктъ платитъ свою долю на такое охраненіе и получаетъ его въ болѣе удовлетворительномъ качествѣ съ гораздо меньшими издержками“ (6). Изъ этого видно, что развитіе нравственного элемента въ трудѣ обусловливается личными выгодами производителей. Личный интересъ производителей требуетъ надлежащей

охраны ихъ дѣятельности дѣятельностью законодателя, судьи, полиціи и т. п. Только на низшихъ ступеняхъ общежитія обманъ въ торговлѣ можетъ быть до извѣстной степени выгоденъ; съ экономическимъ развитіемъ онъ становится убыточнымъ для торговца. Отъ торговца, обманывающаго своихъ покупателей, послѣдніе уходятъ къ другимъ торговцамъ и торговое дѣло его падаетъ. Обманъ для торговца могъ быть выгоденъ лишь въ то время, когда, при отсутствіи или слабомъ развитіи торговаго соперничества, покупатель не могъ выбирать предмета покупки между многими торговцами, когда положеніе торговца было монополизировано, сравнительно съ положеніемъ покупателя. Въ настоящее время во всѣхъ большихъ городахъ, гдѣ развито торговое соперничество, интересъ каждаго лица, занимающагося торговлей, заключается въ возможно лучшемъ изученіи потребностей покупателей и въ возможно полномъ ихъ удовлетвореніи. Этимъ обуславливаются размѣры получаемой имъ выгоды. Точно также лишь на низшихъ ступеняхъ развитія, при грубомъ состояніи общества, можно было не замѣчать убыточности житія чужимъ трудомъ, дароваго пользованія человѣческими силами, то есть рабства и крѣпостнаго права, подобно тому, какъ только въ это время не замѣчается убыточность такъ называемаго хищническаго пользованія силами земли, приводящаго къ ея истощенію. Съ размноженіемъ населенія и съ его уметственнымъ развитіемъ люди начинаютъ замѣчать, что свободный трудъ несравненно производительнѣе и, слѣдовательно, выгоднѣе труда несвободнаго. Несвободный человѣкъ не имѣетъ личной выгоды быть прилежнымъ; не имѣетъ никакихъ мотивовъ обнаруживать свои трудовыя способности; обнаруженіе ихъ можетъ быть даже вредно, такъ какъ замѣтивъ эти способности, владѣлецъ можетъ усилить свои требованія. Съ другой стороны, необходимость строгаго надзора за несвободнымъ трудомъ еще болѣе усиливаетъ его убыточность. Свободные работники выгоднѣе, поэтому, и для общества и для каждаго отдѣльнаго человѣка. На тѣхъ же основаніяхъ и трудъ справедливо оплачиваемый выгоднѣе труда, оплачиваемаго несправедливо. Производительность зависить отъ охоты къ труду, а охота къ труду обуславливается преимущественно тѣмъ,

въ каковой мѣрѣ трудящійся пользуется самъ произведеніями своей дѣятельности (?).

(¹) Основ. пол. экономіи, т. 1. стр. 53. (²) Е. де Роберт и. Политико-экономическіе этюды, стр. 99. (³) Э. Вреденъ Строй эконом. предпріятій, стр. 17, 34. (⁴) Основ. пол. экон. стр. 191. (⁵) Ibid. стр. 194. (⁶) Осн. пол. экономіи 1. 49. (⁷) W. Roscher. Die Grundlagen der Nationalökonomie, § 39.

III. К а п и т а л ь.

§ 1. Третій факторъ производства, являющійся какъ бы посредникомъ между человѣкомъ и силами природы, называется капиталомъ.

Съ частно-хозяйственной точки зрѣнія капиталомъ можетъ быть названо всякое вообще имущество, которое какимъ бы то ни было образомъ приноситъ доходъ. Политическая экономія занимающаяся изученіемъ общественной стороны въ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію потребностей, не можетъ ограничиться этимъ частно-хозяйственнымъ понятіемъ.

Понятіе это не можетъ быть примѣнимо къ тому коллективному человѣку, который называется обществомъ. Такъ для частнаго кредитора долговая росписка есть капиталъ, она свидѣтельствуетъ о томъ, что кредиторъ далъ взаймы опредѣленную сумму, которую онъ имѣетъ получить по истеченіи извѣстнаго срока и которая приноситъ ему доходъ, обыкновенно называемый процентами. Но съ общественной точки зрѣнія такая долговая росписка ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа капиталомъ. Если бы признать вполне вѣрнымъ частно-хозяйственное понятіе о капиталѣ, то въ такомъ случаѣ, когда кредиторъ ссужаетъ опредѣленную сумму другому лицу, было бы два капитала: въ а) долговая росписка, находящаяся въ рукахъ кредитора и предоставляющая ему право на полученіе въ извѣстное время ссуженнаго имущества и процентовъ, во б) самое это ссуженное имущество, находящееся въ рукахъ должника. Съ

общественной точки зрѣнія здѣсь вовсе нѣтъ двухъ капиталовъ, но только одинъ — ссуженное имущество.

Но и это ссуженное имущество не всегда можетъ быть названо капиталомъ съ общественной точки зрѣнія. Положимъ, кредиторъ даетъ займы опредѣленное имущество, получая отъ должника долговую росписку, причемъ возвратъ занятаго обезпечивается поземельною собственностью должника. Последній занятую сумму можетъ употребить производительнымъ или непродизводительнымъ образомъ. Онъ можетъ употребить ее или на улучшенія въ своей поземельной собственности, или расточить на приѣмы гостей, на балы и т. п. Въ первомъ случаѣ занятое имущество затрачивается производительнымъ образомъ; въ теченіи опредѣленнаго времени издержки, затраченныя на поземельныя улучшенія, возвращаются съ прибылью. Должникъ въ этомъ случаѣ имѣетъ возможность возвратитъ занятое имъ имущество при посредствѣ этого же занятаго имущества, получая, сверхъ того, опредѣленную прибыль. Здѣсь это имущество воспроизводится въ продолженіи извѣстнаго времени, что и даетъ возможность возвратитъ долгъ при посредствѣ самаго же долга. Во второмъ случаѣ должникъ теряетъ имущество непродизводительно; занятая имъ сумма пропадаетъ, все равно, что бросается въ воду. Должникъ возвращаетъ свой долгъ не посредствомъ самаго же занятаго имущества, но изъ другихъ источниковъ. Потребленное имущество въ этомъ случаѣ не воспроизводится. Съ общественной точки зрѣнія последнее имущество не можетъ быть названо капиталомъ. Это имущество для общества не существуетъ, хотя кредиторъ такимъ употребленіемъ его собственности ея не лишается. Не кредиторъ, но общество теряетъ то имущество, которое употребляется непродизводительно, которое послѣ потребленія не воспроизводится. Изъ этого же видно, что съ общественной точки зрѣнія капиталомъ можетъ быть названо лишь то имущество, которое употребляется производительно, которое воспроизводится послѣ того, какъ было потреблено. Такъ, въ приведенныхъ случаяхъ займа капиталомъ называется то занятое имущество, которое употреблено на поземельныя улучшенія и въ теченіи опредѣленнаго времени воспроиз-

изводится. Я затрачиваю свое имущество на содержаніе рабочихъ, строящихъ мнѣ домъ; мое имущество употребляется рабочими, уничтожается ими, но въ результатѣ потребленія и видимаго уничтоженія оно не только воспроизводится, но получается, сверхъ того, прибыль. Затраченное такимъ образомъ имущество можетъ быть названо капиталомъ съ общественной точки зрѣнія (1).

Воспользуемся для болѣе точнаго уясненія научнаго понятія о капиталѣ нѣкоторыми примѣрами, приведенными Миллемъ въ его основаніяхъ политической экономіи (2).

Извѣстное частное лицо отдаетъ свои деньги государству и получаетъ долговую расписку или обязательство, по которому государствомъ уплачивается опредѣленный ежегодный доходъ. Безъ всякаго сомнѣнія, для частнаго лица такое обязательство — капиталъ, хотя оно не можетъ быть названо капиталомъ для общества. Но можно ли назвать самое ссуженное имущество капиталомъ? Если оно употребляется на постройку желѣзной дороги, то это — производительное потребленіе; занятая сумма воспроизводится съ прибылью, что даетъ возможность возратить занятое при посредствѣ самаго же занятаго имущества. Употребленное такимъ производительнымъ образомъ имущество является капиталомъ. Оно перестаетъ быть капиталомъ лишь тогда, когда потребляется непроизводительно, когда оно не воспроизводится, и когда, поэтому, долгъ долженъ быть возвращенъ при помощи другихъ источниковъ доходовъ.

Можно ли считать капиталомъ ту плату, которая идетъ землевладѣльцу въ видѣ вознагражденія за пользованіе принадлежащей ему землей и которая обыкновенно называется рентой? Милль не считаетъ этой платы капиталомъ. „Рента, платимая за землю, а не за улучшенія, произведенныя въ ней трудомъ, говоритъ онъ, есть расходъ непроизводительный. Она въ такомъ случаѣ просто цѣна, платимая за пользованіе силами природы, обращенными въ частную собственность. Инструменты — вещи, произведенныя трудомъ, но земля существуетъ сама собою. Плата за землю не принадлежитъ къ издержкамъ производства; необходимость платить за нее заставляетъ имѣть такое количество капи-

таловъ, которое больше размѣра, требуемаго естественною необходимостью или достаточнаго при иной системѣ поземельнаго владѣнія. Этотъ излишекъ капитала, хотя и назначенъ своими владѣльцами на производство, употребляется въ сущности непродуцительнымъ образомъ и ежегодно воспроизводится не изъ собственныхъ продуктовъ.“ Ученіе Милля можно болѣе наглядно уяснить слѣдующимъ образомъ. Положимъ, арендаторъ земли имѣеть капитала 1,000 рублей; размѣры ренты—300 рублей, уплачиваемые въ началѣ года. Арендаторъ, уплатившій 300 рублей ренты, имѣеть капитала только 700 рублей, который онъ и затрачиваетъ на производство. Такимъ образомъ эти 300 рублей не входятъ въ составъ издержекъ производства. Необходимость платить ренту заставляеть имѣть большее количество капиталовъ, чѣмъ нужно было бы безъ платежа ренты; безъ послѣдняго условія въ приведенномъ случаѣ было бы достаточно имѣть только 700 рублей для полученія того же количества продуктовъ, для полученія котораго, при существованіи ренты, необходимо имѣть 1,000 рублей. Вотъ почему Милль и не считаетъ имущества, входящаго въ составъ ренты, капиталомъ. Съ этимъ воззрѣніемъ мы не можемъ согласиться. Нельзя утверждать, что плата за землю не входитъ въ составъ издержекъ производства. Плата за землю есть плата за пользованіе производительными силами природы, заключенными въ землѣ и состоящими въ частной собственности, безъ существованія которой разумное производство не мыслимо; 300 рублей ренты, о которой мы говорили, существуютъ во все время производства въ ихъ эквивалентѣ—производительныхъ силахъ земли. Плата эта ежегодно воспроизводится не изъ 700 рублей, то есть не изъ оставшейся части имущества арендатора, но изъ производительныхъ силъ земли; она является вполне производительною затратою и затраченная такимъ образомъ сумма должна считаться капиталомъ.

Можно ли считать капиталомъ то имущество, которое входитъ въ составъ налога на матеріаль? „Предположимъ, говорить Милль, что налагается пошлина на производство въ одномъ изъ его первыхъ періодовъ, на примѣръ, облагается пошлиной матеріаль. Фабрикантъ долженъ пла-

тить пошлину до начала производства, и потому долженъ имѣть большую массу средствъ, чѣмъ сколько нужно было бы имѣть безъ этой пошлины. Такимъ образомъ этотъ способъ взиманія налоговъ подвергаетъ излишнему ограниченію промышленность страны: часть имущества, назначеннаго своими владѣльцами на производство, отвлекается отъ этой цѣли и находится въ постоянномъ положеніи уплаты впередъ.“ Никто не сомнѣвается, что то имущество, которое входитъ въ составъ налога на матеріалъ, необходимый для производства, представляетъ собою вычетъ изъ капитала фабриканта; если бы налога такого не было, то фабрикантъ могъ бы приобретать большее количество матеріала для своего производства. Нѣтъ сомнѣнія никакого, что налогъ на доходъ, получаемый въ результатъ производства, выгоднѣе для общества, чѣмъ налогъ на матеріалъ производства. Но все это еще не даетъ права отрицать капиталистическій характеръ у имущества, входящаго въ составъ пошлины на матеріалъ. Когда пошлина эта истрачивается непродизводительно, когда она такимъ образомъ пропадаетъ для общества, только тогда мы не можемъ считать ее капиталомъ. Когда же она производительно употребляется, тогда ущербъ, произведенный уменьшеніемъ капитала фабриканта, восполняется; то, что было бы безъ существованія пошлины произведено фабрикантомъ, производится быть можетъ въ иномъ видѣ лицами, употребляющими имущество, входящее въ составъ пошлины.

И такъ, отличительная черта капитала — воспроизводство; что не воспроизводится въ результатъ употребленія, то не можетъ считаться въ реестрѣ народныхъ капиталовъ.

В. Ро шеръ называетъ капиталомъ всякое произведеніе, которое предназначено къ полученію новыхъ произведеній. Согласно съ этимъ опредѣленіемъ онъ насчитываетъ слѣдующіе роды имущества, изъ которыхъ слагается народный капиталъ. 1) Земельныя улучшенія, каковы на прим. осушительныя или оросительныя сооруженія, ограды и т. п. 2) построенія, предназначенныя къ производству, храненію произведеній и улучшенію естественныхъ путей сообщеній; 3) инструменты, машины и утварь (Geräthe), необходимая для пользованія производителей;

4) полезныя животныя, разводимыя человѣкомъ; 5) произведенія какъ матеріаль добыванія новыхъ произведеній, на прим. сѣмена; 6) произведенія, необходимыя для производства, но не входящія въ новые продукты какъ ихъ составныя части, на прим. порохъ для охоты; 7) средства содержанія лицъ, занимающихся производствомъ; 8) торговые запасы; 9) деньги и 10) нематеріальныя имущества, (*unkörperliche kapitalien, Quasikapitalien* по Ш м и т г е н н е р у) (*).

Попытка Рошера, какъ и вообще всякая попытка опредѣлить точнымъ образомъ, какія вещи входятъ въ составъ капитала и какія не входятъ, не можетъ быть признана удовлетворительною. Дѣло въ томъ, что различіе между капиталомъ и некапиталомъ, какъ освоенительно замѣтилъ Милль, заключается не въ характерѣ имущества, а въ намѣреніи капиталиста, въ его рѣшеніи употребить имущество на ту или другую цѣль. Одно и тоже имущество можетъ быть капиталомъ и не быть имъ, смотря по тому, къ какому употребленію назначаетъ его владѣлецъ. Если это имущество употребляется производительно, оно капиталъ; въ противномъ случаѣ, оно перестаетъ быть капиталомъ. Самъ же Милль впадаетъ въ заблужденіе, сдѣлавъ попытку опредѣленія того, какое именно имущество, входящее въ составъ заработной платы, должно считаться капиталомъ. Онъ говоритъ, что значительная часть этого имущества не можетъ считаться капиталомъ. „Тотъ излишекъ заработной платы, который превышаетъ дѣйствительную необходимость для жизни, составляетъ не содержаніе труда, но его вознагражденіе. Этотъ излишекъ равняется всей суммѣ, которая превышаетъ то, что расчетливый рабовладѣлецъ дастъ на содержаніе своему рабу.“ Излишекъ этотъ, по мнѣнію Милля, не составляетъ капитала. Если рабовладѣлецъ дастъ своему рабу въ теченіи года имущества на 50 р. и этой суммы достаточно для поддержанія жизни раба; если, далѣе, свободный работникъ получаетъ въ годъ 100 рублей, то излишекъ отъ платы, получаемой рабомъ, составляетъ уже не то, что необходимо для содержанія, но вознагражденіе за трудъ. Излишекъ этотъ не необходимъ для содержанія, слѣдовательно безъ него возможно было бы обойтись въ производствѣ, почему онъ и не

составляетъ капитала въ строгомъ смыслѣ этого слова. Утверждая это, Милль не обратилъ вниманія на то, что увеличеніе заработной платы усиливаетъ энергію труда и увеличиваетъ производство. Та часть заработной платы, которая превышаетъ уровень необходимыхъ средствъ для содержанія рабочаго, можетъ быть названа капиталомъ, такъ какъ она увеличиваетъ производительность труда и такимъ образомъ не исчезаетъ безслѣдно, но воспроизводится и почти всегда воспроизводится съ излишкомъ.

Считая воспроизводство отличительною чертою капитала, мы должны сдѣлать слѣдующую оговорку. Имущество иногда можетъ не находить для себя въ продолженіи извѣстнаго времени производительнаго употребленія. Такъ имущество, годное для содержанія производительныхъ рабочихъ, иногда можетъ оставаться безъ производительнаго употребленія по недостатку рабочихъ. Капиталь фабриканта, состоящій въ промышленныхъ постройкахъ, машинахъ и орудіяхъ производства, можетъ нѣкоторое время оставаться безъ употребленія вслѣдствіе недостачи матеріала, обрабатываемаго на фабрикѣ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ имущество остается капиталомъ, но капиталомъ мертвымъ, какъ выражается Милль, или покоющимся, какъ выражается Рощеръ.

Изъ понятія о воспроизводствѣ, какъ отличительною чертѣ капитала, слѣдуетъ, что всякое имущество, представляющее собою капиталъ, должно быть признано активнымъ факторомъ производства. Имущество перестаетъ быть капиталомъ, когда въ результатѣ употребленія возстановленіе его производится на счетъ другихъ источниковъ. Въ научномъ понятіи о капиталѣ, такимъ образомъ, содержится понятіе о его производительности, о его возстановимости не изъ постороннихъ источниковъ, но изъ собственныхъ силъ, участвующихъ въ производствѣ наравнѣ съ трудомъ человѣка и силами природы. Въ этомъ отношеніи научное понятіе о капиталѣ существенно отличается отъ частно-хозяйственнаго, по которому является капиталомъ все, что только даетъ какимъ бы то ни было образомъ доходъ. Если считать капиталомъ всякое имущество, которое частному лицу приноситъ доходъ не изъ собственныхъ силъ, то производительность уже не

можетъ считаться принадлежностью капиталовъ; ея нѣтъ тамъ, гдѣ не существуетъ воспроизводимости. Это различіе между частно-хозяйственнымъ, и обще-хозяйственнымъ единственно научнымъ, опредѣленіемъ капитала игнорируется нѣкоторыми писателями. Между тѣмъ, благодаря смѣшенію ихъ, до настоящаго времени существуетъ экономическая школа, отвергающая производительное значеніе капиталовъ. Послѣдователи этой школы считаютъ, что капиталъ не можетъ быть названъ самостоятельнымъ факторомъ производства, что онъ представляетъ собою только условіе для обнаруженія производительныхъ силъ человѣка и природы. Домъ, говорятъ намъ, не строятъ новыхъ домовъ, но онъ необходимъ для плотника, строящаго дома. Капиталъ, необходимая принадлежность производительныхъ силъ, но самъ ничего не производитъ, подобно тому, какъ старый домъ, не строятъ новыхъ домовъ.

Намъ кажется странною мысль доказывать производительность капитала; его производительность, очевидная истина для всякаго, кто не смѣшиваетъ обыденныхъ опредѣленій съ научными и кто не закрываетъ глазъ предъ дѣйствительностью, указывающею на капиталъ, какъ на ту великую силу, благодаря которой человѣческой міръ получилъ возможность такого развитія, какого мы не видимъ въ другихъ сферахъ жизни. Капиталъ служить съ одной стороны къ поддержанію и усиленію производительности труда, а съ другой къ поддержанію и усиленію производительной дѣятельности природы. Примѣромъ перваго могутъ служить орудія, какъ механизмы, приводимые въ движеніе человѣкомъ и часто замѣняющіе его члены. Животное роетъ землю непосредственно своими членами; человѣкъ передалъ эту дѣятельность заступу такимъ образомъ увеличилъ силу поги своей. Животное ловитъ добычу непосредственно своими членами; человѣкъ изобрѣлъ для этого лукъ, ружье и другія орудія, безконечно увеличивающія его силу сравнительно съ силами животныхъ. Всѣ подобнаго рода капиталы служатъ къ увеличенію и поддержанію силъ трудового организма. Наоборотъ машины, какъ механизмы, въ которыхъ главная дѣйствующая сила не человѣкъ, но силы природы, на прим. вода, вѣтеръ, паръ, служатъ однимъ изъ могуществен-

вѣнѣйшихъ средствъ увеличенія служебности человѣку силъ природы. Безъ дѣятельности капитала человѣкъ былъ бы рабомъ природы, каковымъ мы и находимъ его на низшихъ ступеняхъ развитія. Какъ увидимъ ниже, капиталъ въ сущности своей представляетъ собою знаніе человѣка, принявшее вещественную форму, которая, разрушаясь, воспроизводится и увеличивается, передается отъ одного поколѣнія другому, представляя собою постоянно увеличивающійся фондъ общественнаго благосостоянія. Нужно крайнее пристрастіе къ предвзятымъ теоріямъ, чтобы отрицать производительное значеніе такой важной во всѣхъ отношеніяхъ силы. Конечно, домъ самъ по себѣ ничего не производитъ, но самъ по себѣ ничего не производитъ и трудъ. Дѣло въ томъ, что для экономическаго произведенія необходимы три фактора: природа, трудъ и капиталъ. Только взятые вмѣстѣ эти факторы обнаруживаютъ свою производительность. Домъ, какъ капиталъ, является производительнымъ факторомъ, подобно другимъ факторамъ производства. Онъ, на прим. поддерживаетъ животную теплоту и предохраняетъ организмъ отъ вредныхъ вліяній. Въ первомъ случаѣ онъ представляетъ собою положительную производищую силу, во второмъ берегаетъ растрату труда. Самъ по себѣ онъ ничего не производитъ, но также и заступъ ничего не производитъ самъ по себѣ, хотя въ соединеніи съ трудомъ онъ значительно увеличиваетъ результаты производства. Сами по себѣ ни лукъ, ни ружье ничего не производятъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что они не оказываютъ никакого вліянія на результаты охоты, что весь результатъ послѣдней достигается только руками человѣка.

(1) Воспроизводимость, какъ существенная черта капитала, придаетъ послѣднему характеръ внутренняго постоянства, не смотря на вѣшнюю его измѣняемость, вслѣдствіе чего капиталъ представляетъ собою какъ бы родъ метепсихозы. „Если земледѣлецъ на прим., мѣняетъ мѣру хлѣба на барана или на какое-нибудь полевое орудіе, то богатства, находившіяся въ его распоряженіи, измѣняютъ свой видъ; они состоятъ уже изъ другихъ предметовъ, но чрезъ это полезность

и цѣнность ихъ, можетъ быть, не увеличились и не уменьшились. Это отвлеченіе нѣкоторой суммы полезностей или цѣнностей, существованіе которой всегда связано съ существованіемъ матеріальнаго богатства, но которая, однакожь, имѣетъ законы продолжительности, увеличенія и уменьшенія, совершенно независимые отъ законовъ, коимъ подчинены тѣ или другіе матеріальные предметы, получило особое названіе: его называютъ капиталомъ.“ К. Сенѣль. Банки, ихъ устройство, операци и управленіе стр. 14. (2) Осн. пол. экон. т. 1 кн. 1. гл. IV. (3) Die Grundl. der Nationalökon. § 42.

§ 2. Капиталы раздѣляются на двѣ категоріи, на *постоянные* или *основные* и *оборотные* или *движимые*.

А. С м и тъ къ категоріи постоянныхъ относилъ такіе капиталы, которые приносятъ доходъ, не перемѣняя своего владѣльца, не уходя изъ рукъ въ другія руки; наоборотъ къ категоріи оборотныхъ, по его мнѣнію, относятся капиталы, приносящіе доходъ посредствомъ обмѣна. Машины могутъ приносить доходъ безъ перемѣны ихъ владѣльца, прямымъ употребленіемъ ихъ въ дѣло; въ этомъ случаѣ онѣ считаются постояннымъ капиталомъ. Но машина можетъ принести доходъ и инымъ образомъ; владѣлецъ можетъ продать ее и такимъ образомъ получить прибыль, здѣсь машина приноситъ доходъ тѣмъ, что переходитъ изъ однихъ рукъ въ другія, перемѣняетъ своего владѣльца и поэтому является оборотнымъ капиталомъ (1).

Въ своемъ послѣдовательномъ развитіи экономическая наука пришла къ отрицанію этого ученія. Весьма легко замѣтить, что по воззрѣнію А. С м и т а, источникомъ дохода, приносимаго оборотнымъ капиталомъ, не можетъ считаться производство, но обмѣнъ. Между тѣмъ посредствомъ обмѣна доходы только распределяются, а не производятся. Если въ результатъ производства не созданъ доходъ, то онъ не можетъ быть приобретень посредствомъ обмѣна по той простой причинѣ, что контрагенты обмѣна не имѣютъ его. Не обмѣнъ, но лишь производство можетъ быть источникомъ доходовъ или прибылей какъ на постоянный, такъ и на оборотный капиталы.

По учению Д. Рикардо (²), оборотнымъ капиталомъ называется такой, который быстро разрушается и требуетъ безпрерывнаго возобновленія; постояннымъ же такой, который медленно разрушается. Пивоваръ, машины и строенія котораго долговѣчны, обладаетъ постояннымъ капиталомъ; напротивъ того, сапожникъ, капиталъ котораго состоитъ въ пицѣ, выдаваемой рабочимъ, владѣетъ оборотнымъ капиталомъ. Точнѣе формулируя это воззрѣніе Рикардо, въ настоящее время экономисты къ категоріи оборотныхъ капиталовъ относятъ такіе, которые, служа производству, исполняютъ свое назначеніе въ одинъ разъ въ противоположность постояннымъ, могущимъ служить производству много разъ, не измѣняя своей формы. „Сапо и поташъ, изъ которыхъ дѣлается мыло, говоритъ Милль, разъ пошедши въ дѣло перестаютъ быть поташемъ и саломъ, и въ другой разъ уже не годятся на выдѣлку мыла, хотя въ новой своей формѣ мыла могутъ служить матеріаломъ или орудіемъ для другихъ отраслей фабрикаціи. Капиталь, исполняющій такимъ способомъ въ одинъ только разъ все свое дѣло въ производствѣ, на которое обращенъ, называется оборотнымъ капиталомъ. Другіе капиталы имѣютъ болѣе прочный характеръ, ихъ дѣятельность не истощается однимъ разомъ употребленія ихъ въ дѣло. Сюда принадлежатъ зданія, машины и все или почти все вещи, называемыя инструментами, сюда принадлежатъ прочныя улучшенія земли. Капиталь, существующій въ одной изъ этихъ прочныхъ формъ и возвращаемый продуктами въ теченіи продолжительнаго времени, называется постояннымъ или основнымъ капиталомъ.“

Указанное различіе между оборотными и постоянными капиталами имѣетъ важное практическое значеніе. Оборотный капиталъ воспроизводится сполна въ результатѣ одной операціи, возстановляется каждый разъ по окончаніи производства, принося прибыль; постоянный же, не разрушаясь одной операціей, возстановляется или воспроизводится по частямъ: если машина служить сто лѣтъ для производства, то ежегодно возстановляется только $\frac{1}{100}$ часть ея стоимости. Изъ этого слѣдуетъ, что превращеніе оборотнаго капитала въ постоянный можетъ быть вредно для людей, живущихъ заработною платою. Частные случаи такого вреда были возведены нѣкоторыми экономистами въ законъ.

Такъ, по ученію Рикардо, превращеніе оборотнаго капитала въ постоянный ведетъ къ уменьшенію валоваго продукта страны и такимъ образомъ наноситъ вредъ рабочему классу, такъ какъ нѣкоторые изъ его членовъ остаются безъ заработковъ и часть населенія становится излишнею въ сравненіи съ фондами на употребленіе его въ дѣло. " Положимъ, землевладѣлецъ употребляетъ капиталъ въ размѣрѣ 200 рублей на содержаніе рабочихъ, какой капиталъ даетъ прибыли 10%. Въ результатѣ производства нашъ землевладѣлецъ имѣетъ общаго или валоваго дохода 220 рублей; для простоты вывода мы не беремъ въ разсчетъ другихъ издержекъ, на прим. издержекъ въ видѣ сѣмянъ. На слѣдующій годъ этотъ землевладѣлецъ изъ своего капитала половину употребляетъ на прочныя земледѣльческія улучшенія; въ это время онъ имѣетъ уже только 100 рублей на содержаніе рабочихъ. Половина прежняго количества рабочихъ въ этомъ случаѣ остается безъ заработка. Но измѣнилось ли положеніе самаго землевладѣльца? Нисколько, его чистый доходъ, которымъ лишь онъ и заинтересованъ, остается прежній, хотя измѣняется валовой. Считаая прибыли 10%, онъ получитъ 20 р. чистаго дохода на весь свой капиталъ; сверхъ того, его оборотный капиталъ, затраченный на содержаніе рабочихъ, въ результатѣ производства весь возстановляется; наконецъ, если новый его постоянный капиталъ служить производству 50 лѣтъ, то ежегодно возстановляется только $\frac{1}{50}$ часть его или 20 рубля. Такимъ образомъ этотъ землевладѣлецъ имѣетъ валоваго дохода только 122 р., вмѣсто прежнихъ 220 рублей. Очевидно всякому, что отъ этого измѣненія нисколько не ухудшилось положеніе землевладѣльца, онъ получаетъ свой прежній чистый доходъ, которымъ живетъ, измѣненіе состоитъ лишь въ томъ, что одна часть 200 рублей, прежде цѣлкомъ расходовавшихся на содержаніе рабочихъ, теперь заключена въ землю, но приносятъ прежній доходъ. Землевладѣльцу нѣтъ дѣла до того, потребляется ли его капиталъ рабочимъ, или заключается въ землю: въ томъ и другомъ случаѣ онъ одинаково не пользуется самимъ капиталомъ, а только прибылью. Положеніе нашего землевладѣльца не измѣнилось, хотя ухудшилось положеніе рабочихъ. Въ дѣйствительности положеніе этого землевладѣльца можетъ даже улуч-

шиться.оборотный капиталъ, превращенный въ постоянный въ видѣ поземельныхъ улучшеній, увеличиваетъ плодородіе земли, вслѣдствіе чего землевладѣлецъ можетъ получить большій чистый доходъ. Капиталъ, затраченный на поземельныя улучшенія, дастъ, положимъ, 15% прибыли; въ такомъ случаѣ валоваго дохода будетъ 127 рублей, а чистаго 25 рублей. Валовой доходъ хотя и меньше сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда не были производимы улучшенія въ землѣ, но чистый доходъ, какъ видимъ, можетъ увеличиться. Улучшеніе, произведенное превращеніемъ оборотнаго капитала въ постоянный, можетъ быть выгодно для капиталиста, будучи въ то же время вредно для рабочихъ.

Развивая свою мысль о вредныхъ послѣдствіяхъ превращенія оборотнаго капитала въ постоянный, Р и к а р д о представляетъ слѣдующій примѣръ. Положимъ, говоритъ онъ, примѣняется машина въ суконной промышленности; по введеніи машиннаго производства было бы произведено менѣе сукна, ибо предприниматель не сталъ бы нуждаться болѣе въ той части этого количества, которая предназначалась на уплату большому числу рабочихъ. Могутъ возразить, что спросъ на сукно будетъ прежній, но кто заявилъ бы этотъ спросъ? Фермеры и другіе производители необходимыхъ предметовъ, которые употребляли свои капиталы на производство этихъ товаровъ съ цѣлю пріобрѣсти за нихъ сукно; они отдавали хлѣбъ и другіе предметы необходимости суконному фабриканту за сукно, а послѣдній доставлялъ ихъ своимъ рабочимъ за сукно, которое производили они для него. По введеніи машинъ, фабрикантъ не нуждается болѣе въ прежнемъ количествѣ пищи для содержанія рабочихъ, потому что этихъ рабочихъ меньше, такъ какъ часть труда рабочихъ замѣнена трудомъ машинъ; ему нѣтъ болѣе мотивовъ производить прежнее количество сукна для полученія пищи. Производители пищи, производившіе ее для обмѣна на сукно, теперь не могутъ получать послѣднее посредствомъ прежняго способа употребленія своихъ капиталовъ. Въ данномъ случаѣ „спросъ на трудъ уменьшилсябы и товары, необходимые для поддержанія труда, производилисьбы въ меньшемъ количествѣ“ (3).

Не отрицая частныхъ случаевъ вреднаго дѣйствія превращеній оборотныхъ капиталовъ въ постоянные, современная экономическая наука не возводитъ такихъ случаевъ въ непреложный законъ. Превращенія эти обыкновенно производятся въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ существуетъ обиліе капиталовъ и трудъ дорогъ; слѣдовательно, они происходятъ не въ бѣдныхъ, но богатыхъ странахъ. Въ такихъ странахъ превращеніе оборотнаго капитала въ постоянный производится или на счетъ мертвыхъ капиталовъ, или на счетъ доходовъ. Мы не говоримъ, что едвали можно найти хотя одинъ примѣръ значительнаго увеличенія постояннаго капитала въ такой странѣ и въ такое время, когда не возрастаетъ быстро оборотный капиталъ; что усовершенствованія очень рѣдко или даже никогда не дѣлаются на капиталъ, извлекаемый изъ существующаго производства, а совершаются обращеніемъ на нихъ возрастанія капитала. Если же такъ, то, по общему правилу, превращеніе оборотныхъ капиталовъ въ постоянные не сопровождается печальными послѣдствіями. Печальныя послѣдствія такого превращенія появляются только тогда, когда оно производится на счетъ уже занятаго оборотнаго капитала. Вотъ почему въ странахъ недостаточно развитыхъ въ экономическомъ отношеніи и, поэтому, небогатыхъ капиталами, машины вызываютъ вполнѣ основательныя жалобы со стороны рабочихъ. Но и здѣсь введеніе машиннаго производства, какъ и всякое превращеніе оборотнаго капитала въ постоянный, сокращающее трудъ, будучи въ первое время вредно для рабочихъ, впослѣдствіи становится выгоднымъ для всѣхъ. Когда вводятся усовершенствованныя способы производства, тогда обыкновенно понижаются цѣны продуктовъ, производимыхъ этими усовершенствованными способами; у потребителей вслѣдствіе этого происходятъ сбереженія и является возможность постепеннаго накопленія капиталовъ. Пусть въ бумажномъ производствѣ чрезъ приложеніе машинъ фабриканты пришли въ состояніе выдѣлывать свой товаръ съ употребленіемъ только $\frac{1}{10}$ части прежнихъ расходовъ. Тогда бумажный товаръ будетъ продаваться за $\frac{1}{10}$ часть прежней цѣны, вмѣстѣ съ чѣмъ у потребителей останется $\frac{9}{10}$ отъ денегъ, которыя прежде тратились на этотъ пред-

метъ, а у производителей $\frac{9}{10}$ свободного капитала. Въ такомъ положеніи вещей потребители увеличиваютъ свой спросъ или на бумажныя вещи, если не были достаточно ими снабжены, или же на другіе предметы. Для удовлетворенія этого новаго спроса производство вещей соотвѣтственно возрастаетъ, для чего употребляется упомянутый капиталъ, сдѣлавшійся свободнымъ. Съ увеличеніемъ производства увеличивается и спросъ на рабочихъ, вслѣдствіе чего тѣ рабочіе, которые были лишены заработка, снова находятъ примѣненіе своей рабочей силы и заработокъ (*). Въ однихъ случаяхъ такое увеличеніе спроса на трудъ наступаетъ медленно, въ другихъ же оно является очень быстро. Въ послѣднемъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе грандіозный фактъ превращенія оборотнаго капитала въ постоянный, совершившагося съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія. До этого изобрѣтенія множество лицъ занималось перепиской книгъ, какъ ремесломъ, доставлявшимъ средства къ существованію. Съ появленіемъ книгопечатанія это ремесло переписчиковъ само собою уничтожилось, но отъ этого не могли пострадать представители самаго ремесла. Благодаря книгопечатанію, книги сдѣлались продуктомъ дешевымъ, вслѣдствіе чего увеличился спросъ на нихъ и ихъ производство; увеличеніе производства создало значительный спросъ на трудъ людей, занимающихся приготовленіемъ орудій и машинъ, употребляемыхъ для печатанія, а также непосредственно занимающихся этимъ дѣломъ печатанія книгъ. Этотъ видъ превращенія оборотнаго капитала въ постоянный служитъ прекрасной иллюстраціей того, въ какой степени можетъ увеличиваться спросъ на трудъ по прошествіи нѣкотораго времени, необходимаго для увеличенія спроса на товары и увеличенія производства ихъ. Въ настоящее время количество лицъ, непосредственно занимающихся печатаніемъ книгъ, въ громадныхъ размѣрахъ превосходитъ число прежнихъ переписчиковъ.

Наконецъ, необходимо не забывать, что превращеніе оборотнаго капитала въ постоянный во многихъ случаяхъ сопровождается еще болѣе значительнымъ освобожденіемъ части оборотныхъ капиталовъ страны. Это въ особенности необходимо сказать относительно постройки желѣзныхъ дорогъ; здѣсь за-

траты оборотнаго капитала одновременно сопровождается громадным освобожденіемъ тѣхъ долей оборотныхъ капиталовъ, которыя затрачивались на проѣздъ и перевозку по простымъ дорогамъ. Сопоставляя тарифы желѣзныхъ дорогъ съ платою за гужевую перевозку, находимъ, что во Франціи перевозка по желѣзнымъ дорогамъ въ 4 раза дешевле, въ Англіи — въ 7 разъ; перевозка по каналамъ въ среднемъ выводѣ стоитъ вдвое дороже желѣзно-дорожной. Но еще большее сбереженіе замѣчаемъ относительно времени. Высшій предѣлъ быстроты проѣзда лошадьми—12 верстъ въ часъ; таково движеніе лучшихъ дилижансовъ Англіи и Франціи. Между тѣмъ высшій предѣлъ переѣзда по желѣзнымъ дорогамъ около 84 верстъ въ часъ; въ Англіи, въ которой существуетъ самое быстрое желѣзнодорожное движеніе, экспрессы или курьерскіе поѣзда проходятъ отъ 74 до 84 верстъ въ часъ (5). Изъ этого видно, какое громадное сбереженіе оборотнаго капитала, необходимаго для сношеній по простымъ дорогамъ, происходитъ одновременно съ постройкой желѣзныхъ дорогъ, то есть съ превращеніемъ части оборотнаго капитала страны въ постоянный.

(1) Richesse des Nations, m. 2., стр. 5. (2) Начала политической экономіи и налоги. гл. 1. отд. 4. (3) *ibid.* гл. XXXI; (4) Горловъ, нач. пол. экон. т. 1., стр. 219, (5) А. Чупровъ. Желѣзнодорожное хозяйство, кн. 1., гл. 1.

§ 3. Уясняя значеніе и свойства капитала, Милль констатируетъ слѣдующіи теоремы: а) размѣръ народной промышленности ограничивается размѣромъ существующаго капитала; б) капиталъ есть результатъ сбереженія; в) хотя капиталъ есть результатъ сбереженія, тѣмъ не менѣе онъ употребляется, и г) спросъ на товары не есть спросъ на трудъ.

а) Размѣръ промышленности, говоритъ онъ, не можетъ быть больше того, на сколько она снабжена необходимыми матеріалами и пищею для прокормленія. Эта истина такъ очевидна, что многими принимается за бесспорную въ разговорной

рѣчи. Но многіе думаютъ, что можно создать промышленность, не создавая капитала. Думаютъ, на примѣръ, что когда правительство запрещаетъ ввозъ какого нибудь иностраннаго товара и этотъ товаръ начинаетъ производиться въ странѣ, то этимъ страна обогащается, такъ какъ создается, сверхъ существующихъ уже, новая отрасль промышленности. „Если бы законодатели понимали, что размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала, они понимали бы, что когда масса капитала страны не увеличилась, то часть капитала, обращенная ихъ законами на новопріобрѣтенную отрасль промышленности, отнята у какой нибудь другой отрасли, въ которой она давала занятіе, вѣроятно, почти такому же количеству труда, какому дастъ занятіе въ новомъ дѣлѣ.“

Можно считать безусловной истиной, что размѣръ народной промышленности ограничивается размѣромъ существующаго капитала, что промышленность не можетъ быть болѣе капитала; рабочихъ не можетъ быть больше того, сколько возможно ихъ содержать запасами приготовленной пищи; утилизированіе силъ природы не можетъ быть больше того, которое допускается существующими орудіями и количествомъ рабочихъ, обусловливающимся размѣромъ существующаго капитала. Тѣмъ не менѣе нельзя согласиться съ положеніемъ Милля, что правительство своими запретительными законами не можетъ увеличивать размѣровъ народной промышленности. Оно не можетъ ихъ увеличивать только въ томъ случаѣ, когда уже весь существующій капиталъ занятъ, когда такимъ образомъ нѣтъ капитала для новой отрасли промышленности. Въ подобныхъ случаяхъ дѣйствительно новая отрасль промышленности можетъ образоваться не иначе, какъ отнятіемъ части или даже всего капитала у другой отрасли существующаго производства, которая вслѣдствіе этого или уменьшается или вовсе уничтожается. Созданная при подобныхъ условіяхъ новая отрасль промышленности не увеличиваетъ народнаго богатства; размѣръ народной промышленности остается прежній. Но врядъ ли существуетъ гдѣ либо такая страна, въ которой бы весь капиталъ былъ приложенъ къ производству, въ которой бы не было покоящихся или ищущихъ занятій капита-

ловъ. Самъ же Милль говоритъ: „Если размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала, то изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, чтобы онъ всегда достигалъ этого предѣла.“ Можетъ случиться, что нельзя найти рабочихъ, которыхъ могъ бы содержать существующій капиталъ; часто капиталъ не употребляется въ дѣло лишь потому, что владѣльцы его не могутъ конкурировать съ иностранными производителями. Вообще много данныхъ указываютъ на то, что въ каждой странѣ находятся незанятые капиталы. Когда правительство запрещаетъ ввозъ иностраннаго товара, оно предоставляетъ возможность незанятымъ капиталамъ обратиться къ производству. Появившаяся при такихъ условіяхъ новая отрасль промышленности увеличиваетъ уровень народнаго богатства и уровень народной промышленности.

Такъ какъ размѣръ промышленности ограниченъ размѣрами капитала, то всякое увеличеніе капитала можетъ увеличивать промышленность. Изъ этой очевидной истины Милль дѣлаетъ въ высшей степени важный въ политической экономіи выводъ. Каждое увеличеніе капитала, говоритъ онъ, даетъ труду или увеличеніе занятія, или увеличеніе вознагражденія, обогащаетъ или страну, или рабочій классъ. Если новый капиталъ находитъ новыя руки для занятія дѣломъ, онъ увеличиваетъ общую массу продуктовъ; если онъ не находитъ новыхъ рукъ, то даетъ прежнимъ рукамъ большую пропорцію продуктовъ и даже въ этомъ случаѣ можетъ увеличить общую массу продуктовъ, возбуждая работниковъ къ болѣе усердному труду. Границею богатства, поэтому, не можетъ служить недостатокъ потребителей, а служить ею недостаточное количество производителей и производительныхъ силъ.

б) Если бы каждый человекъ расходовалъ все имъ производимое, то не было бы накопленія капиталовъ. Всякій капиталъ есть результатъ сбереженія, онъ не существовалъ бы въ томъ состояніи, при которомъ все производимое потреблялось бы цѣликомъ. Такое сбереженіе не означаетъ непременно уменьшенія въ размѣрѣ потребленія; оно состоитъ въ томъ, что производится больше, чѣмъ потребляется.

в) Хотя сбереженіе необходимо для возникновенія и накопленія капиталовъ, тѣмъ не менѣе все, что производится, потребляется. „Капиталь поддерживается отъ поколѣнія въ поколѣніе не тѣмъ, что сохраняется, а тѣмъ что постоянно воспроизводится: всѣ составныя части его разрушаются употребленіемъ и вообще разрушаются вскорѣ послѣ того, какъ произведены; но люди, потребляющіе ихъ, занимаются между тѣмъ производствомъ другаго капитала, имѣющаго большій размѣръ. Возрастаніе капитала подобно возрастанію населенія. Каждый, кто рожденъ, умираетъ; но каждый годъ число рождающихся больше числа умирающихъ; потому населеніе постоянно возрастаетъ, хотя ни одного изъ лицъ, составляющихъ его, не существовало во все на свѣтѣ до времени не далекой старины.“ Слово „сбереженіе“ не говоритъ о томъ, что продуктъ спрятанъ, что онъ не потребляется, „оно говоритъ только то, что если сберегаемое немедленно потребляется, то потребляется не лицомъ сберегающимъ, а другимъ лицомъ. Если продуктъ отложенъ до будущаго употребленія, то нужно сказать просто, что онъ спрятанъ.“

Легко замѣтить, что въ изложенныхъ двухъ теоремахъ М и л л въпалъ въ противорѣчіе, желал отождествить сбереженіе съ потребленіемъ. Сбереженіе есть ничто иное, какъ сохраненіе продукта отъ потребленія, значитъ, оно не тождественно съ послѣднимъ. Нельзя также согласиться съ тѣмъ, что сбереженіе состоитъ въ потребленіи продукта не лицомъ сберегающимъ, а другимъ лицомъ. Если согласиться съ этимъ, то необходимо признать, что накопленіе капиталовъ невозможно въ тѣхъ сферахъ, гдѣ хозяинъ предпріятія и работникъ соединены въ одномъ лицѣ, каковы на прим. наши крестьяне собственники. Въ дѣйствительности капиталъ образуется и увеличивается какъ сбереженіемъ, такъ и производительнымъ потребленіемъ.

Сбереженіе, какъ экономическій дѣятель, есть результатъ предусмотрительности, существенно необходимой для возникновенія капитала. Человѣкъ замѣчаетъ, что въ одно время онъ можетъ работать и готовить продукты для своего прокормленія, между тѣмъ какъ въ другое время этому препятствуютъ внѣшнія условія дѣятельности. Для того, чтобы просуществовать въ хо-

лодное время года, онъ заготавливаетъ пищу лѣтомъ. Для того чтобы не нищенствовать въ старости, онъ заготавливаетъ средства къ существованію въ молодости. Безъ предусмотрительности такое предварительное заготовленіе не мыслимо. Есть страны въ высшей степени богатія производительностью, но въ то же время народъ въ такихъ странахъ весьма часто живетъ въ бѣдности. Извѣстно всѣмъ плодородіе земель Новой Испаніи и въ то же время крайне необезпеченное экономическое положеніе ея туземныхъ жителей. Въ Испанскихъ колоніяхъ часто повторяютъ что жители жаркой полосы до тѣхъ поръ не выйдутъ изъ состоянія апатіи, въ которую они погружены уже цѣлыя столѣтія, пока банановыя деревья не будутъ истреблены по распоряженію короля. Очевидно, что одной производительности еще мало для появленія капитала. Для капитализаціи имуществва необходима предусмотрительность, на низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія едва существующая. На этихъ ступеняхъ цивилизаціи, говоритъ американскій экономистъ Рэ, у человѣка недостаетъ привычки связывать въ умѣ будущее съ настоящимъ и представлять рядъ событій, которыми они соединяются. Отсутствие предусмотрительности представляетъ собою важнѣйшую причину бѣдности людей на этихъ ступеняхъ развитія. Подтверженіемъ этой мысли служить опытъ іезуитовъ цивилизовать парагвайскихъ индѣйцевъ. Іезуиты встрѣтили въ своей попыткѣ препятствіе не въ отсутствіи трудолюбія у туземцевъ; трудолюбіе они успѣли скоро вызвать. Самымъ главнымъ препятствіемъ было отсутствіе предусмотрительности. „Если миссіонеры оставляли на ихъ собственную заботу воловъ, которымъ они пахали, индѣйцы въ своей несообразительной беззаботности могли оставлять ихъ на ночь не выпраженными изъ плуга. Бывали примѣры и хуже того, индѣйцы рѣзали воловъ себѣ на ужинъ, и, слыша упрекъ за это, думали, что достаточно оправдываются, говоря: „намъ хотѣлось ѣсть.“ Дикарь живетъ только настоящимъ; онъ рубитъ дерево, желая достать плодовъ его, не замѣчая того, что въ будущемъ лишается возможности пользоваться плодами этого дерева. Онъ не можетъ трудиться для будущаго; горизонтъ его мышленія ограничивается настоящимъ, о будущемъ онъ не думаетъ. Ясно, что при такомъ

состояніи людей образованіе капиталовъ невозможно. Когда люди непредусмотрительны, сбереженія не существуетъ, не существуетъ и капитализація имущества.

Но считая сбереженіе необходимымъ для образованія капиталовъ, мы не должны преувеличивать его значенія, не должны распространять его вліянія на все виды капитала. Сбереженіе необходимо относительно распредѣленія работъ по временамъ года, относительно существованія въ различные возрасты человѣческой жизни, относительно разныхъ случайныхъ обстоятельствъ каково на прим. храненіе хлѣба въ общественныхъ магазинахъ на случай неурожая и т. п. обстоятельствъ. Но для массы другихъ общественныхъ явленій сбереженіе не только не имѣетъ благотворнаго экономическаго вліянія, но часто становится даже вреднымъ.

Одного сбереженія недостаточно для развитія капитализаціи имущества. Ирландскій работникъ въ значительной степени бережливъ, но въ тоже время не можетъ выбиться изъ бѣдности. Во все время отсутствія общественной безопасности люди берегали запасы, зарывали ихъ въ землю, но этимъ богатство ихъ мало увеличивалось. Капиталь можетъ увеличиваться не иначе, какъ при производительномъ потребленіи его составныхъ частей. Машины, орудія и тому подобныя виды капитала приносятъ доходъ не сбереженіемъ, но производительнымъ потребленіемъ; всякому очевидно, что сбереженіе ихъ отъ употребленія въ дѣло было бы причиною не увеличенія, но уменьшенія капитала. Наблюденіе надъ экономическими фактами современныхъ образованныхъ государствъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что большая часть существующихъ въ настоящее время капиталовъ обязана своимъ существованіемъ производительному потребленію. Въ этомъ отношеніи вполне вѣрно сдѣланное Миллемъ сравненіе роста капиталовъ съ ростомъ населенія. Населеніе постоянно растетъ, постоянно увеличивается, не смотря на то, что лица, входяція въ составъ его, вовсе не существовали въ весьма недалекомъ прошломъ, какъ и наоборотъ, въ данный моментъ не существуетъ многихъ, существовавшихъ въ этомъ недалекомъ прошломъ. Точно также растетъ и постепенно увеличивается капи-

талъ. Въ настоящее время почти не существуютъ тѣ капиталы, которыми пользовались люди назадъ тому нѣсколько десятковъ лѣтъ. Машина, бывшая вполне годною для производства въ прошломъ столѣтїи, вовсе не годится для этой цѣли въ наше время. Капиталы, которыми пользуются современные общества, будутъ не годиться для цѣлей производства будущимъ поколѣніемъ. Продукты, производимые однимъ поколѣніемъ потребляются этимъ же поколѣніемъ или ближайшими его преемниками. Одно и только одно передается отъ поколѣнія къ поколѣнію, постоянно накопляясь и увеличиваясь, это знаніе. „Каждое поколѣніе къ унаслѣдованнымъ отъ предковъ знаніямъ прибавляетъ новыя знанія, увеличивая такимъ образомъ свою власть надъ природой, экономизируя трудъ и въ результатѣ производя все больше и больше капитала, производя, но не накопляя, потому что капиталъ не пригоденъ къ накопленію, и слѣдующія поколѣнія будутъ нуждаться уже въ иныхъ орудіяхъ производства, въ иныхъ капиталахъ. Настоящій капиталъ общества, это знаніе его и власть надъ природой, и когда мы говоримъ о накопленномъ капиталѣ, мы собственно говоримъ о накопленномъ знаніи, о накопленномъ умѣнн сберегать трудъ“ (2).

г) Спросомъ на товары, говоритъ Милль, опредѣляется направленіе труда, а не самое количество его; послѣднее опредѣляется капиталомъ прямо обращеннымъ на вознагражденіе труда, то есть капиталомъ, представляющимъ собою спросъ на трудъ. Изъ этого видно, что спросъ на товары и спросъ на трудъ не одно и тоже; покупать продуктъ еще не значитъ давать занятіе труду. Положимъ, что потребитель прежде имѣлъ привычку покупать бархатъ, но потомъ онъ отказывается отъ этого расхода и начинаетъ употреблять прежнюю сумму на наемъ каменщиковъ. Если справедливо, что спросъ на товары есть въ тоже время спросъ на трудъ, то переменна въ характерѣ этого расхода не даетъ новаго занятія труду, а только переноситъ занятіе отъ ткачей бархата къ каменщикамъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности мы видимъ иное. Фабрикантъ бархата, послѣ того, какъ уменьшился спросъ на бархатъ, уменьшаетъ размѣры своего производства и освобождаетъ часть капитала, соответствующую раз-

мѣрамъ уменьшенія производства. Этотъ капиталъ не та сумма, которую покушникъ сталъ употреблять на продовольствованіе каменьщиковъ; это вторая такая же сумма. Такимъ образомъ мы видимъ теперь двѣ суммы обращенныя на вознагражденіе труда вмѣсто того, что прежде была только одна такая сумма. Тутъ не просто переносъ занятія отъ бархатныхъ ткачей къ каменьщикамъ; тутъ во первыхъ, создается новое занятіе для каменьщиковъ, а во вторыхъ переносится занятіе отъ ткачей бархата къ какимъ либо другимъ работникамъ, по всей вѣроятности къ тѣмъ, которые производятъ нищу и другіе предметы, потребляемые каменьщиками.

Положеніе, что спросъ на товары не тоже, что спросъ на трудъ, по мнѣнію М и Ля, равнозначительно выраженію, что человѣкъ приноситъ пользу другимъ не тѣмъ, что потребляетъ самъ, но только тѣмъ, чего не потребляетъ самъ. Если вмѣсто расхода въ 100 р. на вина, говоритъ онъ, я употребляю свои деньги на рабочую плату, то спросъ на товары въ обоихъ случаяхъ равенъ въ 1-мъ случаѣ на 100 р. требуется вина, а во 2-мъ на 100 р. требуется хлѣба и другихъ предметовъ, потребляемыхъ рабочими. Но въ первомъ случаѣ я самъ потребилъ имущества на 100 р., а во второмъ передалъ силу своего потребления рабочимъ. Сказать иначе значилобы сказать, что когда я потребилъ меньше прежняго, то не осталось больше прежняго на потребленіе другимъ, а это явное противорѣчіе. Въ этомъ второмъ случаѣ нельзя сказать, что человѣкъ вовсе лишается потребления, онъ отсрочиваетъ его и на время своей отсрочки передаетъ силу своего потребления другимъ. „Изъ всей той части продуктовъ страны, которая дѣйствительно и буквально потребляется веѣми другими ея жителями на ихъ личныя потребности, ровно ни одна доля ни малѣйшимъ образомъ не продовольствуетъ труда. Потребленіе не служитъ ни на чью пользу, кромѣ самаго человѣка, который потребляетъ.“ Иногда увеличеніе потребления извѣстнаго товара, то есть увеличеніе спроса на извѣстный товаръ, дѣйствительно имѣетъ слѣдствіемъ своимъ, что въ отдѣльной отрасли промышленности, прежній капиталъ даетъ больше занятія труду. Но при этомъ обыкновенно не замѣчаютъ другаго обстоятельства: эта

выгода приносится труду и капиталу въ одной отрасли промышленности только отнятіемъ такой же выгоды у другой отрасли.“

Научный анализъ отношеній между производствомъ и потребленіемъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что Милль правъ, но только односторонне. Онъ вполне правъ, говоря, что если спросъ на товаръ есть спросъ на трудъ, то въ приведенномъ выше случаѣ перемѣны въ характерѣ расходованія капиталовъ не можетъ быть увеличенія ни капитала, ни занятій, а только простое перенесеніе ихъ изъ одной отрасли промышленности въ другую. Въ дѣйствительности весьма часто происходитъ увеличеніе и занятій и капитала, слѣдовательно весьма часто бываетъ, что спросъ на продуктъ не одно и тоже, что спросъ на трудъ. Но такіе случаи представляютъ собою исключеніе изъ общаго правила, а не общее правило. Милль свою теорему основалъ именно на такихъ исключительныхъ случаяхъ. Это очевидно изъ слѣдующихъ его словъ: „спросъ, отложенный до окончанія дѣла, не дѣлающей никакой затраты на производство, а только уплачивающей затраты, сдѣланныя другими, ни мало не составляетъ спроса на трудъ.“ Это вполне вѣрно, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что по общему правилу спросъ на товары не даетъ занятія труду. Къ тѣмъ исключительнымъ случаямъ, когда человѣкъ можетъ покупать, ничего не производя, теорема Милля вполне приложима. Но не могутъ же всѣ члены общества жить такимъ образомъ. Для производительныхъ людей спросъ на товары есть и условіе и причина занятій труда. При настоящемъ состояніи производства взаимное потребленіе продуктовъ труда есть необходимое условіе для занятія труда. Коль скоро прекращается потребленіе, прекращается сбытъ, прекращается и производство. Взаимность потребленія продуктовъ разнообразныхъ занятій представляетъ собою ничто иное, какъ взаимность спроса на продукты, взаимность сбыта ихъ, безъ котораго невозможно производство. Человѣкъ приноситъ пользу другимъ своимъ собственнымъ потребленіемъ. Я произвожу пшеницу и желаю приобрести рожь; другой человѣкъ производитъ рожь и желаетъ приобрести пшеницу. Взаимная нуждаемость порождаетъ обмѣнъ взаимно спрашиваемыхъ продуктовъ, каждый изъ насъ потребляетъ часть про-

дуктовъ, производимыхъ другимъ. Это потребленіе продуктовъ другаго приноситъ пользу каждому же изъ насъ, представляя собою рынокъ для сбыта произведеній. Изъ этого видно, что спросъ на товары является спросомъ на нашъ трудъ. При мнѣномъ хозяйствѣ спросъ на трудъ овеществляется въ спросъ на продукты. Къ такимъ общественно-хозяйственнымъ фактамъ относится положеніе Кэри, что каждый актъ потребленія есть въ то же время актъ производства, что экономическая жизнь представляетъ собою безконечный кругъ, въ которомъ производство и потребленіе исчезаютъ другъ въ другѣ. Въ сферѣ этихъ общественно-хозяйственныхъ фактовъ спросъ на товары есть въ то же время спросъ на трудъ.

(1) Осн. полит. экон. т. 1. кн. 1. гл. V. (2) Е. де Роберти. Политико-экон. этюды, стр. 92—93.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Организація производства.

Изъ совмѣстной дѣятельности основныхъ элементовъ производства слагаются предпріятія, общественный организмъ которыхъ имѣеть свои естественные законы, исключаютъ всякій произволъ и искусственную организацію. Законами этими регулируются объемъ, форма и содержаніе всѣхъ предпріятій, направленныхъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей, другими словами всѣ стороны общественнаго организма предпріятій одинаково исключаютъ произволъ, одинаково устраняютъ утопическіе проекты искусственныхъ организацій, какъ основанныхъ на произволѣ и хаотическихъ воззрѣніяхъ разнообразныхъ прожекторовъ. Политическая экономія изучаетъ этого характера естественные законы объема, формы и содержанія предпріятій.

І. Объемъ предпріятій.

Одиночество и хозяйство, понятія взаимно противоположныя. Люди соединяютъ свои усилія для достиженія общихъ цѣлей тождественными средствами, организуютъ предпріятія по закону единенія сходныхъ интересовъ и достигаютъ промышленныхъ результатовъ, достиженіе которыхъ было бы не мыслимо при разединеніи усилій. Они соединяются вмѣстѣ для поднятія тяжести,

которая не могла бы быть поднята, если бы каждый работалъ въ одиночествѣ. Они соединяютъ свои усилія для уборки въ хорошую погоду хлѣба, который могъ бы пропасть въ полѣ безъ этого соединенія усилій. Существуетъ въ обществѣ масса капиталовъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности, по своей незначительности, не имѣетъ никакого хозяйственнаго значенія. Является предприниматель, который собираетъ все эти капиталы въ одно цѣлое и, сами по себѣ ничтожные, капиталы эти получаютъ важное значеніе въ народной экономіи. Во всеѣхъ подобныхъ случаяхъ соединеніе промышленныхъ факторовъ вызывается необходимостью организаціи предпріятій въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ, требуемыхъ самою сущностью предпріятія и недоступныхъ средствамъ одиночныхъ производителей. Съ другой стороны такое соединеніе промышленныхъ факторовъ вызывается также тѣмъ, что многія предпріятія, могущія существовать и при незначительныхъ капиталахъ, даютъ, при организаціи ихъ въ малыхъ размѣрахъ, незначительные результаты. Основной законъ, регулирующий стремленіе предпріятій къ расширенію объема, состоитъ въ томъ, что издержки занятія не возрастаютъ пропорціонально возрастанію размѣровъ его. Для уясненія этого закона возьмемъ въ примѣръ занятіе снабженія городскихъ жителей водою. Если въ городѣ 10 улицъ, то можетъ быть образовано столько же отдѣльныхъ компаній, изъ которыхъ каждая будетъ заниматься снабженіемъ водою жителей одной улицы. Очевидно, при этомъ каждая отдѣльная компанія должна будетъ имѣть отдѣльныя машины для поднятія воды, отдѣльныя зданія, отдѣльныя партіи рабочихъ, отдѣльныхъ надзирателей, распорядителей, кассировъ и т. д. Въ томъ же случаѣ, когда, вмѣсто 10 отдѣльныхъ компаній, устрояется одна, то, вмѣсто 10 отдѣльныхъ партій машинъ, 10 отдѣльныхъ зданій и т. д., достаточно все это имѣть въ двухъ и много въ трехъ экземплярахъ. Такимъ образомъ при увеличеніи размѣровъ предпріятія издержки производства не увеличиваются пропорціонально увеличенію этихъ размѣровъ. Въ почтовомъ дѣлѣ, если бы почта большого города не была централизована въ одномъ заведеніи, а раздѣлена между нѣсколькими соперничающими компаніями, каждая изъ этихъ

компаній была бы принуждена имѣть заведеніе столь же обширное, какъ то, которое одно можетъ быть достаточно для цѣлаго города при существованіи централизаціи. Каждая компанія, говоритъ М и л л ь, должна была бы устроить приѣмъ и раздачу писемъ во всѣхъ частяхъ города, посылать почталіоновъ въ каждую улицу, почти въ каждый домъ, по столько же разъ въ день, какъ посылаетъ почтамтъ при централизаціи, иначе дѣло велось бы хуже. Каждая компанія должна была бы въ каждомъ кварталѣ имѣть контору со всѣми вспомогагельными учрежденіями для сбора писемъ изъ разныхъ конторъ и распредѣленія ихъ по кварталамъ на раздачу. Я уже не говорю о томъ, что понадобилось бы гораздо большее число вышнихъ служащихъ для надзора за подчиненными, что потребовалось бы больше расходовъ на жалованье этимъ довѣреннымъ лицамъ, и по ихъ многочисленности вѣроятно даже пришлось бы часто быть менѣе разборчивымъ при назначеніи на это мѣста, брать на нихъ людей, неспособныхъ исполнять свои обязанности (1). Вотъ почему увеличеніе размѣровъ производства сопровождается удешевленіемъ продуктовъ и облегченіемъ потребленія.

По мнѣнію нѣкоторыхъ экономистовъ, вопросъ о производствѣ въ большихъ и малыхъ размѣрахъ долженъ рѣшаться по примѣненію къ земледѣлію по инымъ основаніямъ, чѣмъ въ примѣненіи къ другимъ отраслямъ промышленности. Таково на прим. мнѣніе М и л л ь, неотрицающаго, впрочемъ, нѣкоторыхъ выгодъ большихъ фермъ сравнительно съ малыми. Большой фермеръ, говоритъ онъ, имѣетъ нѣкоторую экономію въ издержкахъ по постройкахъ; помѣстить большое количество скота въ одной постройкѣ стоитъ дешевле, чѣмъ помѣщеніе его въ нѣсколькихъ постройкахъ. Существуютъ также преимущества и въ пользованіи орудіями производства; мелкому фермеру не такъ легко и удобно имѣть дорогія орудія, какъ большому. Точно также есть нѣкоторая выгода и относительно издержекъ перевоза, перевести на рынокъ небольшое количество продукта стоитъ почти такого же труда, какъ перевести гораздо большее количество. Перевозка на ферму малаго количества удобренія или предметовъ ежедневнаго потребленія стоитъ почти тоже, что перевозка гораздо

большаго количества; притомъ и покупать вещи большими количествами бываетъ дешевле, чѣмъ малыми. Но все эти выгоды не на столько велики, что бы было желательно уничтоженіе мелкихъ фермъ. Факты изъ обыденной жизни доказываютъ, что мелкія фермы могутъ давать гораздо большій валовой доходъ, чѣмъ большія. Главное преимущество первыхъ надъ послѣдними состоитъ въ томъ, что, какъ выражается Блекеръ, большой фермеръ говоритъ своимъ работникамъ: ступайте на работу, а если мелкій фермеръ нанимаетъ работниковъ, то говоритъ имъ: пойдите на работу. Разница эта имѣетъ важное значеніе и ее нельзя забывать при сравненіи значенія большихъ и малыхъ фермъ. Одно изъ главныхъ возраженій противъ мелкихъ фермъ состоитъ въ томъ, что онѣ не могутъ содержать достаточнаго количества скота, влѣдствіе чего у нихъ недостаетъ удобренія и земля, раздробленная на мелкіе участки, должна постепенно истощаться. Дѣйствительность не подтверждаетъ этого возрѣнія, а доказываетъ совершенно противное. Изобиліе скота и удобренія на мелкихъ фламандскихъ фермахъ составляетъ самую поразительную черту фламандскаго земледѣлія, которому дивятся все знатоки дѣла и въ Англій и на континентѣ. Наконецъ, для надлежащаго уясненія вопроса о значеніи обработки земли на небольшихъ участкахъ необходимо обращать вниманіе въ особенности на обработку ея мелкими поземельными собственниками. Ни одинъ наемникъ, какъ бы ни была высока его заработная плата, не въ состояніи воздѣлывать землю съ такимъ стараніемъ, съ такимъ уходомъ, какъ воздѣлываетъ ее собственникъ. Вотъ тѣ мотивы, на основаніи которыхъ Ми дль исключаетъ земледѣліе изъ подчиненія общему закону размѣровъ производства (²). Легко замѣтить, что эти мотивы не основательны.

Все сказаннаго преимущества малыхъ фермъ и мелкой поземельной собственности существуютъ и въ другихъ отрасляхъ предпріятій, хотя въ то же время не даютъ въ этихъ послѣднихъ отрасляхъ особенныхъ выгодъ предъ производствомъ въ большихъ размѣрахъ. Мелкій ремесленникъ, подобно мелкому фермеру, говоритъ своимъ рабочимъ: „пойдемте на работу,“ но при всемъ томъ онъ не можетъ производить такъ успѣшно, какъ производить

капиталистъ, говорящій своимъ рабочимъ: „ступайте на работу.“ Мелкій поземельный собственникъ усерднѣе работаетъ, чѣмъ наемщикъ; но, безъ всякаго сомнѣнія, и мелкій самостоятельный ремесленникъ усерднѣе работаетъ, чѣмъ наймитъ, между тѣмъ это не даетъ ему особаго преимущества надъ производствомъ въ большихъ размѣрахъ. Необходимо не забывать, что большія предприятия привлекаютъ къ себѣ образованныхъ распорядителей, а высокое специальное и общее образование вознаграждаетъ меньшую заинтересованность ихъ въ успѣхѣхъ предприятия. Большія сельскохозяйственныя предприятия имѣютъ возможность привлечь къ себѣ такихъ образованныхъ распорядителей; а изъ этого слѣдуетъ, что въ той степени, въ какой знаніе или вообще умственное развитіе въ экономическомъ отношеніи важнѣе одного усердія, въ такой же степени большія сельско-хозяйственныя предприятия выгоднѣе таковыхъ въ малыхъ размѣрахъ. Никто не можетъ упрекнуть нашихъ крестьянъ въ отсутствіи усердія къ труду, между тѣмъ производительность имъ принадлежащихъ земель слабѣе производительности земель помѣщичьихъ (*). Усердіе не можетъ превозмочь той экономіи въ издержкахъ производства, которая представляетъ собою неотъемлемое свойство земледѣлія въ большихъ размѣрахъ. Уже А. Юнгъ констатировалъ фактъ существованія этой экономіи; онъ считаетъ, что въ его время въ Англіи требовалось для фермы:

въ 30 акр. по 1 рабочему на 15	акр. и по 1 лошади на 10	акр.
„ 55	„ „ 18 ¹ / ₃	„ „ 11 „
„ 88	„ „ 22	„ „ 14 ² / ₃ „

Вотъ почему, говоря относительно, хозяйственный инвентарь въ большихъ имѣніяхъ стоитъ дешевле, чѣмъ въ малыхъ. Въ Саксоніи въ крестьянскихъ хозяйствахъ приходится на 100 акровъ 3¹/₂ лошадей, между тѣмъ какъ въ дворянскихъ 1¹/₂. Въ Бельгій, въ странѣ мелкопомѣтнаго владѣнія, приходится на 100 гектаровъ 10 лошадей, между тѣмъ какъ въ Англіи всего 6. Крупный земледѣлецъ можетъ производить разнообразныя комбинаціи относительно пользованія своимъ рабочимъ скотомъ, что

недоступно мелкимъ хозяевамъ; такъ на прим. на тяжелыхъ почвахъ онъ можетъ впрягать въ плугъ по 3 лошади и двумя такими плугами онъ обработаетъ вдвое болѣе пространство, чѣмъ мелкій хозяинъ также двумя плугами и 4 лошадьми. Торговлыя сношенія сельскаго хозяина, говоритъ Р о ш е р ь, не становятся затруднительнѣе въ такой же пропорціи, въ какой возрастаетъ количество производимыхъ имъ продуктовъ. Крупному землевладѣльцу легче производить займы, чѣмъ многимъ мелкимъ, хотя бы сумма землевладѣнія послѣднихъ равнялась одному крупному имѣнію; въ странахъ съ крупнымъ землевладѣніемъ поземельный кредитъ дешевѣе, чѣмъ въ странахъ съ мелкопомѣстнымъ хозяйствомъ. Нельзя также считать не имѣющею важнаго значенія ту экономію, которую имѣетъ крупный землевладѣлецъ въ издержкахъ по постройкамъ; устроить скотный дворъ на 100 коровъ далеко не значитъ издержать въ 20 разъ болѣе дерева, кирпичу и т. п., чѣмъ на такой дворъ для 5 коровъ; издержки по постройкамъ далеко не возрастаютъ пропорціонально увеличенію размѣровъ строеній. Наконецъ, относительно коммерческой прибыли самъ же М и л л ь говоритъ, что крупныя хозяйства прибыльнѣе малыхъ. Говоря, что валовой доходъ отъ малыхъ хозяйствъ выше такового въ большихъ хозяйствахъ, онъ утверждаетъ, что большой фермеръ находитъ излишнимъ платить за весь тотъ трудъ, которому съ радостью отдается поселянинъ или фабричный работникъ, имѣющій въ собственности небольшой участокъ земли. „При одинаковомъ некуствѣ и знаніи, большой фермеръ не получаетъ съ земли столько продукта, какъ мелкій собственникъ или мелкій фермеръ, если у мелкаго фермера есть достаточныя побужденія работать усердно. Но если большой фермеръ получаетъ меньшую пропорцію продукта, онъ расходуетъ еще меньшую пропорцію, а плати за весь трудъ, употребляемый имъ, онъ не находитъ нужнымъ употреблять большее количество его,“ то есть находитъ излишнимъ употреблять такое количество труда, какое употребляетъ собственникъ на своемъ небольшомъ участкѣ земли. Если же въ большихъ хозяйствахъ получается съ относительно меньшими затратами болѣе большой продуктъ, чѣмъ въ хозяйствахъ малыхъ, то изъ этого очевидно, что и сельское хозяйство подчинено

тому же общему экономическому закону, по которому издержки дѣла не возрастаютъ пропорціонально размѣрамъ его.

Можно ли на основаніи сказаннаго утверждать, что мелкія самостоятельныя хозяйства не должны существовать, что они должны уступить мѣсто большимъ хозяйствамъ? Многие даютъ утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. По видимому, и самая жизнь стремится къ тому, что бы замѣнить малыя хозяйства большими. Если послѣднія производить продукты съ меньшими издержками, то первыя не могутъ конкурировать съ ними и должны прекращать свое существованіе, уступить мѣсто большимъ предпріятіямъ. Но не всегда подобныя факты могутъ быть оправданы. При рѣшеніи поставленнаго нами вопроса необходимо постоянно помнить одну истину, въ которой никто никогда не сомнѣвался, которая каждому представляется общимъ мѣстомъ, но которая въ то же время постоянно забывается, когда рѣшается вопросъ о замѣнѣ производства въ малыхъ размѣрахъ производствомъ въ большихъ размѣрахъ. Истина эта: производство существуетъ для человѣка, а не человѣкъ для производства. Разширеніе размѣровъ производства желательно лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно не сопровождается униженіемъ личности человѣка. Крайнее разширеніе производства можетъ сопровождаться уничтоженіемъ самостоятельности рабочихъ массъ, выведеніемъ ихъ на степень простыхъ орудій производства; человѣкъ въ этомъ случаѣ становится орудіемъ промышленности, не цѣлю производства, но исключительно средствомъ его. Предприниматель легко склоненъ не признавать въ этомъ орудіи человѣческаго достоинства, обращается съ человѣкомъ какъ съ инструментомъ, необходимымъ для производства; пользуется имъ, пока онъ здоровъ и можетъ работать, стараясь выжать возможно больше работы за возможно меньше вознагражденіе, и удаляетъ отъ себя въ случаѣ потери здоровья, удаляетъ также легко, какъ выбрасываетъ тотъ винтъ въ машинѣ, который сдѣлался негоднымъ. Представимъ себѣ, что въ цѣляхъ извлеченія возможно большаго дохода отъ земли поземельная собственность была бы сосредоточена въ рукахъ небольшого количества землевладѣльцевъ, что мелкая поземельная собственность была бы уничтожена, крестьяне обезземелены.

При такомъ положеніи дѣль землевладѣлецъ имѣеть возможность нанимать рабочихъ дешево, издержки производства, въ числѣ другихъ причинъ и влѣдствіе дешевизны труда, были бы ничтожны; богатство нѣкоторыхъ было бы велико. Но всякому очевидно, что это богатство было бы основано на фундаментѣ несчастій рабочихъ массъ. Преслѣдовать одни цѣли производства и превращать массу людей, во имя увеличенія производства, въ простыя орудія—это значитъ забывать, что не человекъ существуетъ для производства, а производство имѣеть цѣлю удовлетвореніе потребностей людей. Доктрины, преслѣдующія такія цѣли, должны быть признаны безправственными. Таковы всѣ доктрины, носящія названіе коммунизма и соціализма, разчитанныя на то, что люди могутъ продать свою самостоятельность и свободу за богатство, подобно Исаву, продавшему свое право первородства за чечевичную похлѣбку. Такъ, по ученію Ф у р ь е, тѣ громадныя богатства, которыми будетъ владѣть человечество, когда осуществитъ измышленную имъ систему организаціи труда, главнымъ образомъ будутъ происходить изъ сбереженія расходовъ производства посредствомъ общественнаго хозяйства. Онъ доказываетъ, что „расходы на строительный матеріалъ для возведенія большаго хлѣбнаго амбара, назначеннаго для 300 семействъ, будутъ едва равняться десятой части расхода, употребляющагося на возведеніе 300 такихъ крестьянскихъ овиновъ, какіе имѣются теперь. Сверхъ того, 300 крестьянскихъ семействъ теряютъ въ настоящее время, ежегодно, на одномъ только провозѣ на рынокъ своихъ припасовъ приблизительно 6,000 рабочихъ дней, не вычитывая здѣсь ни расхода на самый провозъ, ни фрахта. Дрова, сожигаемыя теперь въ 100 домашнихъ хозяйствахъ и въ 100 различныхъ кухняхъ, печахъ и каминахъ, могутъ готовить пищу для 900 хозяйствъ, если будутъ употребляться въ трехъ нарочно для этой цѣли устроенныхъ кухняхъ; сверхъ того, тѣмъ же самымъ огнемъ можно будетъ еще топить зимою печи.“ Для всей этой экономіи въ расходахъ Ф у р ь е требуетъ лишь одного—полнаго отреченія отъ своей самобытности и свободы, жизни въ стойлахъ, называемыхъ фаланстерами и коммунами; во имя увеличенія произведеній, по его системѣ, человекъ долженъ быть рабомъ производства (*).

Крайнее увеличеніе размѣровъ производства, сопровождаеяся порабощеніемъ значительной части производителей, въ концѣ концовъ становится невыгоднымъ и въ чисто производительномъ значеніи. Когда работникъ теряетъ самостоятельность, тогда производительность его труда постепенно слабѣетъ и предприниматель начинаетъ больше терять на отсутствіи энергіи въ трудѣ, чѣмъ выигрываетъ на расширеніи размѣровъ своего производства. Подневольный трудъ всегда менѣе производителенъ, чѣмъ трудъ свободнаго человѣка. Ясно, что расширеніе размѣровъ производства въ своемъ естественномъ развитіи встрѣчаетъ естественный предѣлъ, состоящій въ томъ, что производство перестаетъ приносить выгоды, когда его централизація ведетъ къ потерѣ самостоятельности рабочихъ. Большія сельско-хозяйственныя предприятия могутъ приносить выгоды лишь до тѣхъ поръ, пока крайнее сосредоточеніе земель не приведетъ къ порабощенію населенія. Таково было положеніе на прим. земледѣльческой промышленности въ губерніяхъ Царства Польскаго до 19 февраля 1864 года. По конституціи, дарованной Наполеономъ I-мъ учрежденному имъ герцогству Варшавскому, крестьяне этихъ губерній получили личную свободу, но безъ надѣла землей. Весьма естественно, что это освобожденіе было только номинальнымъ; безземельный крестьянинъ находился въ полной зависимости отъ помѣщика, — безъ земли онъ не могъ существовать, а владѣть ею онъ могъ не иначе, какъ съ позволенія помѣщика. Сверхъ того, спустя пять мѣсяцевъ послѣ освобожденія крестьянъ, декретомъ герцога варшавскаго было постановлено, что бы крестьянинъ, переходя отъ одного землевладѣльца къ другому, оставлялъ въ пользу перваго свой домъ, скотъ, земледѣльческія орудія и хлѣбъ, необходимый для посѣва на той землѣ, которую онъ занималъ. Очевидно этотъ декретъ имѣлъ прямою цѣлю усилить фактическое закрѣпощеніе крестьянъ, а также доставить возможность произвести его въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ по какимъ либо обстоятельствамъ крестьянамъ удалось избѣжать его. „При такомъ законодательствѣ крестьянамъ оставалось выбирать одно изъ двухъ: или согласиться на всякія условія, какія бы ни были предложены помѣщикомъ, или же съ женою и дѣтьми покидать свое

прежнее жилище и идти по міру.“ Но это полное сосредоточеніе земли въ рукахъ особаго землевладѣльческаго сословія не было цѣлесообразнымъ и въ специально производительномъ значеніи; сельско-хозяйственная производительность того времени была гораздо ниже теперешней производительности. Изъ губерній ц. Польскаго между 1836—1847 г., при населеніи въ 4,800,000 душъ, было вывозимо ежегодно около 2,360,000 прусскихъ шеффедей хлѣба; количество это было достаточно для прокормленія 315,000 человекъ; другими словами, вся земледѣльческая производительность края могла давать содержаніе всего 5,115,000 душъ. Въ настоящее время эта производительность даетъ содержаніе почти 6,000,000 туземнаго населенія и, сверхъ того, вывозить около 200,000 четвертей, могущихъ покормить 800,000 душъ; то есть въ настоящее время, послѣ надѣленія крестьянъ землей, земледѣльческая производительность края даетъ прокормленіе почти 7,000,000 населенія. Фактъ этотъ неоспоримо доказываетъ, что обработка земли въ большихъ размѣрахъ можетъ считаться прибыльною лишь до тѣхъ поръ, пока она не приводитъ къ уничтоженію самостоятельности рабочихъ.

Для того, чтобы разширеніе размѣровъ производства могло приносить дѣйствительныя выгоды обществу, необходимо совмѣстное существованіе въ странѣ хозяйственныхъ предпріятій самыхъ разнообразныхъ размѣровъ. При такомъ экономическомъ строю страны, рабочій не можетъ быть поработенъ большимъ предпринимателемъ; находя для себя тяжелымъ служить у послѣдняго, онъ предпочтетъ самостоятельное небольшое хозяйство. Большія предпріятія не будутъ вести къ уничтоженію самостоятельности рабочихъ и, поэтому, не будутъ сопровождаться вредными послѣдствіями для общества. Съ другой стороны, существованіе большихъ предпріятій оказываетъ благотворное вліяніе на развитіе малыхъ, служа образцемъ улучшеній и мотивомъ къ ихъ принятію, такъ какъ безъ принятія ихъ не всегда возможно конкурировать съ большими предпріятіями. Изъ этого видно, что необходимо совмѣстное существованіе въ странѣ большой, средней и малой поземельной собственности. На общественной власти лежитъ трудная обязанность регулировать разнообразіе хозяй-

ственныхъ предпріятій въ цѣляхъ предупрежденія уничтоженія однихъ другими.

(1) Осн. пол. экономіи, т. 1, стр. 184. (2) Ibid. стр. 185—198. (3) Докладъ комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства 1, стр. 14. (4) National-oekonomie des Ackerbaues, В. 11. § 49. (5) В. Гильдебрандтъ. Истор. обзорѣніе пол. экон. системъ, стр. 93.

II. Формы предпріятій.

§ 1. Производство можетъ быть предпринимлемо или собственниками или временными владѣльцами тѣхъ или иныхъ факторовъ производства. Вопросъ объ относительномъ значеніи этихъ формъ предпріятій до настоящаго времени раздѣляетъ экономистовъ на два направленія; одни утверждаютъ, что производитель наиболѣе усерденъ лишь въ то время, когда онъ является собственникомъ предпріятія, что личная заинтересованность въ трудѣ должна быть признана всеобщимъ экономическимъ двигателемъ, а заинтересованность такая во всей полнотѣ своей проявляется только у собственника; другіе утверждаютъ, что и временные владѣльцы тѣхъ или иныхъ факторовъ производства могутъ вести предпріятія также успѣшно, какъ и собственники, что заинтересованность въ дѣлѣ собственника не можетъ быть признана единственнымъ и основнымъ экономическимъ двигателемъ. Первое воззрѣніе наиболѣе научно развито еще А. Смитомъ. По его мнѣнію, человекъ наибольшую пользу приноситъ обществу лишь тогда, когда, какъ производитель, онъ лично заинтересованъ въ исходѣ предпріятія, а наиболѣе онъ заинтересованъ тогда, когда состоитъ собственникомъ предпріятія. Исходя изъ этого понятія о значеніи собственности въ производствѣ, А. Смитъ пришелъ къ тому убѣжденію, что по принципу найма предпріятія могутъ дѣйствовать лишь въ ограниченной сферѣ такихъ операцій, выполненіе которыхъ можетъ быть строго регламентировано и въ которыхъ доступенъ всякому надзоръ за наем-

ними исполнителями дѣла. Къ такимъ операціямъ онъ относить: банковыя, страховыя, построеніе каналовъ и водопроводныхъ трубъ (1). Въ сельскомъ хозяйствѣ обработка земли собственниками лучше обработки ея арендаторами, которые уже потому одному не могутъ производить поземельныхъ улучшеній въ такихъ размѣрахъ, какъ собственникъ, что часть капитала ихъ уносится арендной платой (2). Артуръ Юнгъ называлъ собственность „магическою силою, обращающею песокъ въ золото.“ Дайте человѣку, говоритъ онъ, въ прочное владѣніе скалу, онъ обратитъ ее въ садъ; дайте ему по девятилѣтнему контракту садъ, онъ обратитъ его въ пустыню (3). По мнѣнію писателей втораго направленія, добросовѣстный и успѣшный трудъ получается не только тогда, когда производитель лично пользуется въ качествѣ собственника факторами производства. „Какъ незначительна, говоритъ Милль, часть совершаемаго въ Англіи труда, производимаго лицами, работающими въ свою собственную пользу, какъ мала эта часть во всѣхъ родахъ труда, отъ наименѣе вознаграждаемыхъ до наиболѣе вознаграждаемыхъ. Отъ ирландскаго жнеца или чернорабочаго до верховнаго судьи и государственнаго министра почти весь трудъ, совершаемый въ обществѣ, вознаграждается поденною платою, или опредѣленнымъ жалованьемъ (4). По мнѣнію гр. Гаспарена, въ сельскомъ хозяйствѣ „господство воздѣлыванія почвы самимъ собственникомъ обусловливается малымъ развитіемъ промышленности, даже вообще цивилизаціи и общественной свободы. Господство этого рода земледѣлыванія зависитъ отъ бѣдности земледѣльческаго класса, отъ котораго нельзя ждать никакихъ затратъ, иногда отъ его несвободнаго состоянія, потому что при крѣпостномъ состояніи народа помѣщикъ также крѣпокъ землѣ, какъ и крестьянинъ: крѣпостное состояніе принуждаетъ собственника самому заниматься своимъ владѣніемъ вслѣдствіе недостатка и въ людяхъ, на которыхъ можно положиться, и въ людяхъ, у которыхъ есть капиталъ (5). По ученію Рошера, арендная система въ общественномъ отношеніи также болѣе полезна, чѣмъ обработка земли самими собственниками. Разумно устроенная арендная система, говоритъ онъ, имѣетъ тенденцію привлекать къ земле-

дѣлю капитала, которые безъ нея не пошли бы къ сельскому хозяйству. Если капиталистъ арендуетъ участокъ земли и употребляетъ свой капиталъ на поземельныя улучшения, то общество болѣе выигрываетъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда бы этотъ капиталистъ употребилъ свой капиталъ на покупку имѣнія, уплаченной имъ суммы сельское хозяйство лишалось бы (6). По Л. де Лавеню, для производства одинаковыхъ поземельныхъ улучшеній землевладѣлецъ долженъ имѣть вдвое болѣе капиталъ, чѣмъ арендаторъ; послѣдній весь свой капиталъ, употребляетъ въ сельскохозяйственное дѣло, между тѣмъ какъ первый сверхъ того затрачиваетъ часть на покупку имѣнія (7). На основаніи прочныхъ гарантій, представляемыхъ современной арендой, говоритъ одинъ изъ нашихъ публицистовъ, она является образцовой формой хозяйства. Утверждать, будто поземельныя улучшения могутъ предприниматься лишь тогда, когда земледѣлецъ обезпеченъ въ томъ, что онъ, затрачивающій трудъ и капиталъ, воспользуется самъ и плодами этой затраты въ будущемъ, значитъ впадать въ большую ошибку и противорѣчить дѣйствительности. „Въ числѣ улучшеній земли есть такія, вліяніе которыхъ на почву очень продолжительно и даже, какъ полагаютъ, постоянно; иначе говоря, плоды такихъ улучшеній будутъ получаться въ теченіи продолжительнаго и даже неопредѣленнаго времени. А между тѣмъ и на такія улучшения временный владѣлецъ затрачиваетъ свой капиталъ также, какъ и на тѣ, вліяніе которыхъ на почву прекращается быстро. Рѣшается онъ на такія затраты всякій разъ, когда улучшение обѣщаетъ возратить израсходованное и дать обычный процентъ на капиталъ, не заботясь нисколько о томъ, что оно будетъ вліять на доходъ и послѣ оплаты затраченнаго капитала. Будетъ ли такъ называемое „постоянное улучшение“ произведено фермеромъ, или даже акціонерной компаніей, и тотъ и другая, какъ представители капитала, прилагаютъ его къ землѣ не въ видахъ вѣчнаго полученія дохода, а единственно потому, что это приложеніе въ теченіи извѣстнаго періода возвращаетъ капиталъ обратно и приноситъ такой процентъ, которымъ они вполне удовлетворяются (8).“

Это разногласіе въ возрѣвнiяхъ по вопросу о значеніи принциповъ собственности и временнаго владѣнія въ производство имѣеть реальное основаніе. Въ дѣйствительности и полная собственность и временное владѣніе не всегда имѣютъ одинаковое значеніе въ производствѣ. Поземельный собственникъ можетъ хищнически пользоваться своимъ имуществомъ, можетъ истощить производительныя силы земли нераціональнымъ пользованіемъ, уничтожить лѣсъ и т. п.; точно также можетъ поступать и временный владѣлецъ. Наоборотъ, при существованіи опредѣленныхъ условій временное владѣніе является „магической силой, превращающей песокъ въ золото,“ подобно магической силѣ, приписываемой собственности. Но никто не можетъ отрицать того, что, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, предприниматель собственникъ болѣе заинтересованъ въ благоразумномъ пользованіи факторами производства, чѣмъ временный владѣлецъ послѣднихъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что временный владѣлецъ, при существованіи достаточныхъ гарантій, производитъ капиталныя затраты, руководясь возможностью извлечь возможно большую прибыль и возвратитъ свой капиталъ; прекрасной иллюстраціи этого служитъ англійское земледѣліе, въ которомъ большая часть усовершенствованій произведена фермерами. Но если капиталныя затраты производитъ фермеръ, то еще болѣе имѣеть побужденій производить ихъ собственникъ, который не только получаетъ прибыль и возвращаетъ свой капиталъ, подобно фермеру, но и послѣ этого пользуется произведенными улучшениями. Если фермеръ прилагаетъ къ землѣ свой капиталъ не въ видахъ постояннаго полученія дохода, но „единственно потому, что это приложеніе въ теченіи извѣстнаго періода возвращаетъ капиталъ обратно и приноситъ достаточный процентъ,“ то поземельный собственникъ, сверхъ побужденій, присущихъ и фермеру, производя затраты, имѣеть въ виду „постоянное“ полученіе дохода. Очевидно, что такой собственникъ имѣеть болѣе мотивовъ и болѣе усердія къ хозяйственной дѣятельности, чѣмъ фермеръ. Съ другой стороны, при развитіи кредита этотъ собственникъ не можетъ нуждаться въ капиталѣ, слѣдовательно нельзя сказать, что для него затруднительнѣе производ-

ство капитальных улучшений, чѣмъ для временнаго владѣльца. Личный интересъ — это краеугольный камень производительной дѣятельности; предприниматель собственникъ и временный владѣлецъ факторовъ производства подчиняются этому основному экономическому двигателю; не имѣя личнаго интереса въ улучшенияхъ, ни собственникъ, ни временный владѣлецъ не предпринимали бы ихъ. Но этотъ личный интересъ полнѣе выражается въ собственности, чѣмъ во временномъ владѣніи. Въ этомъ отношеніи, со стороны усердія и побужденій къ улучшениямъ, предприятия, организованныя собственниками, имѣютъ преимущество предъ предприятиями, организованными временными владѣльцами факторовъ производства. Для надлежащей успѣшности послѣднихъ необходимо существованіе такихъ условій, которыя нейтрализовали бы недостатокъ усердія или вызывали бы побужденія къ затратамъ; только при существованіи такихъ условій предприятия эти могутъ имѣть благотворное вліяніе на производительность страны. Только при наличности такихъ условій принципъ временнаго владѣнія дѣйствительно можетъ быть подведенъ къ одному знаменателю съ принципомъ полной собственности.

Существеннѣйшее изъ этихъ условій состоитъ въ организаціи предприятий въ относительно большихъ размѣрахъ. „Усердіе приноситъ мало пользы, справедливо замѣчаетъ Милль, если принадлежать человѣку безъ хорошихъ умственныхъ способностей,—а это по необходимости должно быть такъ въ большей части предприятий, управляемыхъ лицами, наиболѣе заинтересованными въ нихъ. Когда предприятие обширно и можетъ давать вознагражденіе, достаточное для привлеченія къ нему кандидатовъ, возвышающихся надъ общимъ уровнемъ, то для общаго управленія и для всѣхъ второстепенныхъ обязанностей спеціальнаго рода можно бываетъ выбирать людей съ такими знаніями и умственнымъ развитіемъ, что эти преимущества съ излишкомъ будутъ вознаграждать меньшую степень ихъ заинтересованности въ результатѣ предприятия. Благодаря своей большой проникательности, они, посвящая дѣлу даже только часть своихъ мыслей, могутъ замѣчать выгоды, которыя не будутъ никакъ замѣчены людьми посредственныхъ способностей даже при полномъ напряженіи

вниманія; а превосходство знаній, обычная вѣрность взгляда и сужденія предохраняють ихъ отъ ошибокъ, боязнь которыхъ удержала бы рисковать своими интересами чрезъ отступленіе отъ обыкновенной рутинны (9). Въ большихъ предиріятіяхъ недостатокъ усердія руководителей и исполнителей вполнѣ вознаграждается превосходствомъ ихъ знаній и искусства. Къ этому же результату приводитъ и та экономія въ издержкахъ, которая составляетъ характеристическую черту производства въ большихъ размѣрахъ. Большія фермы привлекають къ себѣ людей опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, влѣдствіе чего относительный недостатокъ усердія нейтрализуется знаніемъ; съ другой стороны, большой фермеръ имѣетъ экономію въ издержкахъ производства, что въ свою очередь вознаграждаетъ за недостатокъ усердія. Говоря это, необходимо помнить, что размѣры землевладѣнія опредѣляются не механически, но экономически; то пространство земли, которое при одной системѣ сельскаго хозяйства считается мелкимъ владѣніемъ, при другой можетъ быть крупнымъ; вблизи Лондона фермерское хозяйство на 5 — 20 акрахъ имѣетъ такое же значеніе, какъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ ферма въ 150—200 акровъ (10).

Такъ какъ личный интересъ лежитъ въ основаніи производительной дѣятельности, то какъ собственность, такъ и временное владѣніе наибольшія выгоды приносятъ обществу тогда, когда экономическій строй требуетъ разумнаго пользованія факторами производства. Въ Англій каждый фермеръ, подчиняясь личному интересу, производитъ всевозможныя поземельныя улучшения, такъ какъ именно въ этомъ состоитъ его прямая выгода; онъ по необходимости въ опредѣленномъ направленіи производитъ капиталныя затраты, такъ какъ всякое иное пользованіе чужою поземельною собственностію было бы для него убыточно. Наоборотъ, при менѣе благопріятномъ экономическомъ строѣ, поземельный собственникъ можетъ истощать силы земли, также подчиняясь личному интересу. Въ этомъ отношеніи разница между принципами временнаго владѣнія и полною собственностію состоитъ лишь въ томъ, что при неблагопріятномъ экономическомъ строѣ временный владѣлецъ болѣе склоненъ къ хищ-

внчеству, чѣмъ собственникъ, имущество котораго можетъ быть разрушено продолжительнымъ нераціональнымъ пользованіемъ (11).

Такимъ же образомъ, при существованіи благоприятныхъ условій личный интересъ въ сферѣ наемнаго труда производитъ превращеніе „песка въ золото.“ Наемный рабочій, получающій хорошее вознагражденіе и дорожащій имъ, работаетъ также успѣшно, какъ и собственникъ. Въ этомъ отношеніи въ сферѣ найма дѣйствуетъ то общее правило, по которому рабочій тѣмъ усерднѣе трудится, чѣмъ болѣе въ его занятіе проникаетъ личный интересъ. Вотъ почему трудъ раба менѣе производителенъ, чѣмъ трудъ крѣпостнаго; трудъ крѣпостнаго менѣе производителенъ, чѣмъ трудъ свободнаго человѣка; на этомъ же основаніи существуетъ разница въ степени продуктивности и свободныхъ рабочихъ, смотря по различію въ получаемомъ ими вознагражденіи (12). Наконецъ, личный же интересъ на высшихъ ступеняхъ гражданственности въ сферѣ общественнаго труда является тою свѣтлою силою, благодаря которой частныя лица проникаются идеей общности, служатъ общественному дѣлу съ такимъ же рвеніемъ, какъ бы служили своему собственному.

(1) Rich. des Nations, т. III., стр. 103. (2) Ibid. т. 2. стр. 150. (3) Милль. Осн. пол. экономіи, т. 1. стр. 335. (4) Ibid. стр. 254—255. (5) Фермерство, стр. 5. (6) N.-economie des Ackerbaues В. II § 62. (7) Essai sur l'econ. rurale de l'Angleterre, de l'Écosse et de l'Irlande, стр. 121—124. (8) Посниковъ. Общинное землевладѣніе, т. 1., стр. 68. (9) Милль. Основанія, т. 1. стр. 181—182. (10) Roscher. N. oecon. des Ackerb. ib. § 48. (11) Подъ вліяніемъ условій сбыта продуктовъ въ Англіи посѣвы, истощающіе почву, занимаютъ незначительное пространство, между тѣмъ какъ во Франціи посѣвы эти имѣютъ преобладающее значеніе, такъ какъ вызываются особенностями сбыта см. L. de Lavergne. Essai sur l'econ. rurale de l'Angl. и пр. ch. IV. (12) W. Roscher. Die Grundlagen der Nationalökonomie. §§ 39, 40.

§ 2. Все производство, основаннаго какъ на принципѣ полной, такъ и на принципѣ неполной собственности, обыкновенно

предпринимаются или единоличными предпринимателями, или товариществами капиталистовъ, или товариществами послѣднихъ вмѣстѣ съ рабочими, или, наконецъ, товариществами самихъ рабочихъ.

Когда отдѣльный человѣкъ становится промышленнымъ предпринимателемъ, ведетъ дѣло на собственный рискъ и отвѣтственность, то все другіе люди, участвующіе въ такомъ предпріятіи, имѣютъ значеніе вполнѣ подчиненное; за свой трудъ они получаютъ опредѣленное жалованіе, не участвуя ни въ прибыляхъ, ни въ убыткахъ предпріятія. Это чуждая всеѣхъ осложненной форма производства, совершаемаго единоличными предпринимателями. При этой формѣ предприниматель пользуется наибольшею хозяйственной свободой; ему принадлежитъ инициатива дѣла, отъ него одного зависитъ то или иное направленіе предпріятія, его существованіе и прекращеніе. Вотъ почему съ точки зрѣнія хозяйственной свободы форма эта должна быть признана имѣющею особенно важное значеніе въ народной экономіи. Экономическій прогрессъ былъ бы не мыслимъ, если бы не было въ обществѣ людей передовыхъ, силой мысли своей освободившихся отъ обычной рутины въ производствѣ, изобрѣтающихъ способы улучшеній и осуществляющихъ ихъ на дѣлѣ; масса обыкновенныхъ людей, боящаяся нововведеній до той поры, пока не увидитъ ихъ выгоды, только благодаря таковой дѣятельности передовыхъ предпринимателей можетъ развиваться прогрессивно. Чужіе капиталы съ большимъ трудомъ получаютъ для нововведеній; представителямъ послѣднихъ почти всегда приходится единолично нести рискъ и отвѣтственность по осуществленію ихъ изобрѣтеній и открытій. Въ единоличныхъ предпріятіяхъ безусловно осуществляется идея личнаго интереса, такъ какъ единоличный предприниматель дѣйствуетъ вполнѣ свободно, преслѣдуя тѣ или иные промысловыя цѣли. И такъ какъ личный интересъ является основнымъ двигателемъ на пути хозяйственныхъ улучшеній, то единоличныя предпріятія, представляя собою полное выраженіе идеи личнаго интереса, представляютъ собою тѣ формы дѣятельности, благодаря которымъ индивидуумъ освобождается отъ стѣняющихъ условій труда и становится пионеромъ въ сферѣ производственныхъ усовершенствованій.

Но въ дѣйствительности существуетъ много предпріятій, выполнение которыхъ недоступно ередствамъ отдѣльнаго лица. Отсюда возникаетъ необходимость товариществъ между предпринимателями—капиталистами, между капиталистомъ или ихъ товариществомъ и рабочими, и между самими рабочими. Товарищество между капиталистами—предпринимателями раздѣляется на полныя товарищества и товарищества найщиковъ. Полное товарищество состоитъ въ томъ, что всѣ участники, складывающіе свои капиталы для осуществленія опредѣленнаго предпріятія, отвѣчаютъ предъ третьими лицами всѣмъ своимъ имуществомъ; отвѣтственность ихъ — неограниченная. Весьма естественно, что не много можетъ быть такихъ людей, которые на подобныхъ условіяхъ соглашались бы вступать въ товарищества; поэтому полныя товарищества не часто встрѣчаются. Большею частью встрѣчаются товарищества съ ограниченной отвѣтственностью участниковъ, или товарищества найщиковъ. Ограниченная отвѣтственность участниковъ предпріятія можетъ быть двухъ видовъ, она можетъ относиться или ко всѣмъ участникамъ предпріятія, или только къ нѣкоторымъ. Въ первомъ случаѣ товарищества называются акціонерными въ тѣсномъ смыслѣ слова; во второмъ—товариществами на вѣрѣ или коммандитными товариществами. Когда нѣсколько лицъ вступаютъ между собою въ союзъ для веденія какого либо дѣла и вносятъ опредѣленныя доли капитала, объявляя всѣмъ третьимъ лицамъ, съ которыми могутъ имѣть сношенія, что берутъ на себя отвѣтственность при могущихъ случиться потеряхъ только въ размѣрахъ складочнаго капитала, то такое товарищество называется акціонернымъ. Французское законодательство называетъ подобнаго рода товарищества также анонимными. Когда же промышленное товарищество образуется такимъ образомъ, что одни изъ участниковъ входятъ на правахъ полныхъ товарищей, то есть несутъ отвѣтственность всѣмъ своимъ имуществомъ, а другіе принимаютъ на себя отвѣтственность только имуществомъ складочнымъ, то эти товарищества носятъ названіе коммандитныхъ, или товариществъ на вѣрѣ.

Товарищества между предпринимателями и рабочими состоятъ изъ союзовъ, въ которыхъ вознагражденіе рабочихъ за ихъ

трудъ не ограничивается однимъ постояннымъ окладомъ въ видѣ или жалованья выдаваемого за извѣстное рабочее время, или такъ называемой поштучной платы, но при существованіи этой формы вознагражденія, или даже безъ нея, рабочіе имѣютъ участіе въ прибыляхъ отъ предпріятія. Существованіе этой формы предпріятій вызывается какъ необходимостью привлеченія рабочихъ къ опредѣленной отрасли производства, такъ и стремленіемъ заохотить ихъ къ труду, такъ какъ работникъ, интересы котораго солидарны съ интересами предпринимателя, работаетъ усерднѣе того, кто мало или вовсе незаинтересованъ въ успѣшности дѣла. Въ обрабатывающихъ отрасляхъ промышленности продуктивное значеніе этой солидарности интересовъ уже давно осознано и осуществленіе ея встрѣчается весьма часто. Въ сельскомъ хозяйствѣ такая форма предпріятій болѣе рѣдка, хотя именно въ этой отрасли промышленности она наиболѣе необходима (1). Въ земледѣліи наиболѣе употребительнымъ видомъ товарищества между землевладѣльцемъ и лицами, обрабатывающими землю, можетъ быть названа система половничества, являющаяся въ то же время весьма неудовлетворительной формой. Обрабатывающій землю на правахъ половника обыкновенно отдаетъ половину плодовъ собственнику земли, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доли послѣдняго бываетъ или больше, или меньше этой обычной нормы. По видимому, такое половничество вполне объединяетъ интереса земледѣльца съ землевладѣльцемъ; чѣмъ лучше будетъ обрабатывать землю первый, тѣмъ болѣе получитъ онъ доходъ и въ то же время тѣмъ болѣе доходъ отъ земли получитъ и землевладѣлецъ. Дѣйствительность не оправдываетъ этого предположенія. Въ то время, когда земледѣліе ведется экстенсивно, когда въ земли затрачивается мало капиталовъ, половничество не тормозитъ развитія сельскаго хозяйства; на высшихъ же ступеняхъ общественности оно является системой вредной въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. По мѣрѣ увеличенія поземельныхъ затратъ со стороны половника, обработка земли для послѣдняго становится все болѣе и болѣе убыточной, подъ влияніемъ закона непропорціональности между возрастаніемъ продукта и возрастаніемъ издержекъ. При издержкѣ половника въ 100 р. и при валовомъ доходѣ въ

500 рублей, половникъ получить 150 р., землевладѣлецъ 250; при издержкѣ половника въ 300 р. и при валовомъ доходѣ въ 800 руб., половникъ получить 100 руб., а землевладѣлецъ 400 рублей (2). Очевидно, что половнику невыгодно производить поземельныя улучшения, требующія капитальныхъ затратъ; его интересы въ этомъ отношеніи не солидарны съ интересами землевладѣльца. По мнѣнію А. Смита, половникъ не имѣетъ выгоды производить какія бы то ни было улучшения на собственный счетъ (3). Самая форма платежа за землю, состоящая почти всегда въ выдачѣ продуктовъ, не благоприятствуетъ развитію сельско-хозяйственнаго дѣла. По справедливому замѣчанію de Passy, половникъ, отдающій землевладѣльцу часть продуктовъ изъ всей массы его произведеній, не можетъ быть заинтересованъ въ производствѣ возможно бѣльшаго чистаго дохода съ опредѣленнаго пространства земли. Предположимъ, что въ данной мѣстности гектаръ, засѣянный рожью, приноситъ 125 франковъ, при издержкахъ въ 45 фр.; между тѣмъ какъ тотъ же гектаръ, засѣянный пшеницей, при издержкахъ въ 120 франковъ, приноситъ 250 фр. валоваго дохода. Арендаторъ, платящій денежную ренту, безъ всякаго сомнѣнія, предпочтетъ культуру пшеницы культурѣ ржи; культура, дающая ему 130 франковъ чистаго дохода, для него выгиднѣе культуры, дающей всего 80 фр. такого дохода. Совершенно иначе разсчитываетъ половникъ; гектаръ пшеницы, дающій 250 фр., при затратахъ въ 120 фр., даетъ ему валоваго дохода 125 фр., а по вычетѣ затратъ, приноситъ чистаго дохода всего 5 франковъ; — гектаръ ржи, при издержкахъ въ 45 фр. и валовомъ доходѣ въ 125 фр., даетъ ему валоваго дохода 62½ фр. а чистаго 17½ франковъ. Очевидно, что половникъ будетъ засѣвать на арендуемомъ имъ полѣ не пшеницу, но рожь; культура пшеницы для него убыточна сравнительно съ культурой ржи. На этомъ же основаніи, говорить de Passy, половникъ не будетъ заниматься культурой льна, пеньки и имъ подобныхъ продуктовъ, производство которыхъ поглощаетъ болѣе половины цѣнности получаемаго чистаго дохода. Половничество, такимъ образомъ, препятствуетъ введенію и развитію тѣхъ сельско-хозяйственныхъ культуръ, которыя, при значительныхъ затратахъ, ведутъ къ

увеличенію чистаго дохода съ опредѣленнаго участка земли. Эта система должна быть признана вредною для сельско-хозяйственнаго прогресса (1). Во многихъ мѣстахъ, въ которыхъ господствуетъ половничество, капиталы для поземельныхъ улучшеній даются землевладѣльцами. Но легко можетъ случиться, что полученный для такихъ цѣлей капиталъ будетъ употребленъ половникомъ въ посторонніе земледѣлію промыслы; съ другой стороны, снабженіе половниковъ капиталами выгодно для землевладѣльца лишь тогда, когда эти капиталы, затраченные въ землю, приносятъ по крайней мѣрѣ вдвое большій процентъ сравнительно съ обычнымъ въ данной мѣстности; если этого условія нѣтъ, то землевладѣльцу нѣтъ выгоды снабжать капиталомъ своего половника, такъ какъ ему придется получить при этомъ процентъ на половину меньшій противъ обычнаго. Вотъ почему половничество, по общему правилу, тормозитъ развитіе сельско-хозяйственнаго дѣла. Оно можетъ быть оправдываемо лишь въ видѣ такъ называемой псольной работы, когда нанимаемый работникъ получаетъ вознагражденіе въ натурѣ изъ части продуктовъ, въ производствѣ которыхъ онъ участвуетъ только своимъ трудомъ. Такъ при кошеніи сѣна такая форма участія рабочаго въ общемъ доходѣ отъ луговодства вполне рациональна; чѣмъ тщательнѣе съ опредѣленнаго участка онъ скосятъ сѣно, тѣмъ большая доля продукта ему достанется, а вмѣстѣ съ этимъ тѣмъ болѣе выиграетъ и луговладѣлецъ. Натуральное участіе въ прибыляхъ предпріятія во многихъ случаяхъ можетъ быть замѣнено денежнымъ, но до настоящаго времени сельско-хозяйственная практика представляетъ мало фактовъ такой организаціи сельско-хозяйственнаго труда, далеко отставшаго въ этомъ отношеніи отъ обрабатывающихъ отраслей промышленности.

Послѣднюю форму предпріятій составляютъ союзы рабочихъ, называемые у насъ артелями. Предпріятія въ этой формѣ уже давно обратили на себя вниманіе многихъ писателей, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ извратившихъ истинное значеніе артельнаго труда и превратившихъ его въ какое то страшное, угрожающее проглотить и уничтожить цивилизацію современныхъ народовъ.

Союзы рабочихъ, такъ несаженные разными прожектерами, организуются по закону простаго сотрудничества или единенія сходныхъ интересовъ. Сущность ихъ состоитъ въ томъ, что разные лица помогаютъ другъ другу въ выполненіи одной и той же работы. Значеніе такого совмѣстнаго труда впервые было уяснено въ экономической наукѣ Уэ к ф и л д о мъ въ примѣчаніяхъ къ его изданію изслѣдованія А. Смита о богатствѣ народовъ. „При многихъ случаяхъ простаго сотрудничества людей, говоритъ онъ, каждому очевидно, что двое людей, работая вмѣстѣ, сдѣлаютъ больше четырехъ людей, или четыржды четырехъ людей, работающихъ каждый особо отъ другихъ. Подниманіе большихъ тяжестей, подпиливаніе деревьевъ на корню, пилка лѣса, уборка большого количества сѣна или хлѣба въ короткое время хорошей погоды, осушеніе большого пространства земли въ недолгій періодъ, въ какой можно успѣшно вести это дѣло, передвижаніе оснастки на кораблѣ, движеніе большихъ лодокъ веслами, нѣкоторыя рудокопныя операціи, установка лѣсовъ для постройки зданій, битые камни для поправки шоссе въ такомъ количествѣ, что бы все шоссе постоянно было исправно—во веѣхъ этихъ и въ тысячахъ другихъ простыхъ операціяхъ рѣшительно необходимо работать многимъ людямъ въ одномъ мѣстѣ, въ одно время, однимъ и тѣмъ же способомъ. Дикари Новой Голландіи никогда не помогаютъ другъ другу, даже въ самыхъ простѣйшихъ операціяхъ, и ихъ положеніе едва-ли выше, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже ниже состояніе дикихъ животныхъ, которыхъ удается имъ ловить.“ Въ борьбѣ съ разнообразными препятствіями въ дѣлѣ производства и удовлетворенія потребностей, людямъ необходимо соединиться вмѣстѣ, иначе индивидуальныя усилія ихъ могутъ оказаться безполезными; имъ необходимо соединиться вмѣстѣ не только для борьбы съ могучими силами природы, но и для спасенія въ сферѣ той между-человѣческой борьбы, которая называется конкуренціей. Отдѣльный экономическій атомъ легко погибаетъ въ этой борьбѣ; другіе занимаютъ его мѣсто, радуясь паденію конкуррента, радуясь появленію вакантнаго мѣста. Спасеніе и помощь въ такіе черныя дни онъ можетъ найти только въ союзахъ, организованныхъ

ныхъ по закону единенія сходныхъ интересовъ. Принципъ общиннаго труда имѣеть такимъ образомъ высокое значеніе въ народной экономіи. Но не нужно преувеличивать этого значенія, какъ это дѣлають нѣкоторые, желающіе, чтобы артельная форма предпріятій поглотила все другія формы. У насъ, на прим., нѣкоторые писатели предлагаютъ проекты такихъ земледѣльческихъ артелей, при которыхъ отдѣльные крестьяне не имѣли бы самостоятельной поземельной собственности, сообща обрабатывали землю, принадлежащую общинѣ и, за тѣмъ, дѣлились бы продуктами. Эти проекты обезземеленія крестьянъ противны свободѣ чловѣка. Не имѣя отдѣльной собственности, къ которой можно было бы приложить свой трудъ и добыть себѣ средства существованія, отдѣльный работникъ будетъ въ полной зависимости отъ артели, его личная свобода будетъ только номинальною свободою. Все приговоры большинства артельщиковъ, которымъ онъ не сочувствуетъ, будутъ имѣть для него принудительное значеніе; онъ долженъ будетъ работать такъ и тогда, какъ того желаетъ большинство артельщиковъ, или лица, стоящія въ главѣ артели. Не повиноваться онъ не можетъ, такъ какъ неповиновеніе можетъ быть равносильно лишенію средствъ существованія. Въ поземельной артели неизбежно встрѣтятся съ тѣмъ общимъ явленіемъ, что одна личная свобода, несопровождаемая свободою экономической, равняется нулю. Конечно, можетъ быть установлено для всѣхъ артелей общее правило, по которому посредствомъ годичнаго взноса опредѣленной суммы артельщикъ можетъ освободить себя отъ работы въ натурѣ, не лишаясь правъ на доходы, какъ это было въ извѣстной ржвщевской артели (5); мы не отрицаемъ, что такое постановленіе можетъ принести извѣстную долю пользы, но далеко не всегда. Артельщикъ не всегда можетъ владѣть достаточными средствами для подобныхъ взносовъ; за тѣмъ, если возможность такихъ взносовъ будетъ облегчена, на прим. посредствомъ особаго кредита, то артель легко останется безъ членовъ работниковъ, которые предпочтутъ работу, соответствующую личному выбору, работѣ по наряду. Въ послѣднемъ случаѣ артель перестанетъ существовать, между тѣмъ какъ въ первомъ она будетъ особымъ видомъ закрѣпощенія, будетъ,

такъ сказать, взаимнымъ закрѣпощеніемъ, такъ какъ при отсутствіи экономической свободы не можетъ быть и рѣчи о существованіи личной свободы человѣка. На этомъ основаніи Милль осуществленіе артельного сельскаго хозяйства, организованнаго парагвайскими іезуитами, объясняетъ тѣмъ, что образованные люди привели подъ свое умственное владычество племя дикарей, подчинившихся ихъ безусловной власти. Это хозяйство, говоритъ онъ, „предполагаетъ полный деспотизмъ со стороны правителей—товарищей, и черта эта мало измѣнилась бы тѣмъ, если бы лица, которымъ ввѣряется власть, стали по временамъ смѣняться посредствомъ народныхъ выборовъ (6). Вотъ почему и въ западной Европѣ мы встрѣчаемъ факты артельного сельскаго хозяйства, но только въ тѣ вѣка, когда люди мало дорожили свободой, когда немногіе изъ образованныхъ людей понимали и чувствовали потребность индивидуальной свободы. Во Франціи въ средніе вѣка существовали крестьянскія общины — *communautes*, обрабатывавшія землю сообща и дѣлившія между собою продукты общиннаго труда. Общинники жили „*à communs pot, sel et dépense*“, „*a mixtion des biens*“, старались быть въ отношеніяхъ между собою „*uns et communs en biens meubles, héritages et conquêtes*“ (7). Нравственные и общественныя условія, способствовавшія развитію индивидуализма, свободы и уваженія къ личности ближнихъ, были причиною постепеннаго исчезновенія этихъ общинъ, въ большей части случаевъ неоставившихъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ, почему въ настоящее время слабые остатки ихъ рѣдко гдѣ встрѣчаются (8). Лишь тотъ, кто не желаетъ видѣть въ человѣкѣ индивидуума, а только экземпляръ породы въ особомъ стадѣ, можетъ не сомнѣваться въ разумности артельныхъ общинъ. Если бы такому человѣку предстояла дилемма: или поступить въ члены поземельной артели, или получить незначительный надѣлъ земли въ частное владѣніе, онъ, не задумываясь, предпочелъ бы послѣднее, предпочелъ бы свободу распоряженія своимъ рабочимъ временемъ, труду обязательному и подневольному въ сельской общинѣ. Но вопросъ иначе рѣшается разнаго рода социалистическими прожекторами, когда дѣло идетъ о другихъ и въ особенности о „мужикѣ.“ Для этихъ другихъ за-

конъ индивидуальнаго развитія и личной независимости не признается; даже совѣтъ не протестуетъ у этихъ писателей — преобразователей, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы подѣлить людей на особыя стойла, называемыя земледѣльческими артелями, коммунами и т. п. Подумаешь, что вопросъ идетъ лишь объ уничтоженіи пастбищъ и кормленіи скота въ стойлахъ.

Наши крестьяне несравненно разумнѣе относятся къ вопросу объ артельныхъ предпріятіяхъ. Они, на примѣръ, избѣгаютъ такихъ видовъ земледѣльческой артели, при которыхъ каждый отдѣльный членъ долженъ отказаться отъ своего поземельнаго надѣла, лишиться такимъ образомъ хозяйственной свободы, и при которыхъ участіе въ артели должно быть обязательно какъ для пастоящихъ, такъ и для нарождающихся поколѣній рабочихъ. Они понимаютъ, что именно такіе виды артели всего опаснѣе для свободной дѣятельности каждаго, дѣлая отдѣльнаго хозяина батракомъ общины. Поэтому общинный трудъ, направленный къ обработкѣ собственныхъ пахатныхъ участковъ, практикуется ими въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, когда самостоятельная обработка положительно не мыслима. При такъ называемомъ общинномъ землевладѣніи, пока общинниковъ мало, общинная земля раздѣляется на крупныя полосы; съ увеличеніемъ населенія возникаетъ необходимость суживать полосы. При этомъ, „когда дѣло доходитъ до того, что полосы становятся чрезвычайно узки, то хозяева, получающіе надѣлъ всего на одну душу, соединяются съ какимъ либо сосѣдомъ, получаютъ надѣлъ вмѣстѣ и обрабатываютъ его сообща (9). Такое соединеніе надѣловъ и труда нисколько не связываетъ отдѣльныхъ членовъ тѣми стѣсненіями, которыя неизбежны въ обширной поземельной артели. Два или три сосѣда, соединяющіе свои надѣлы для совмѣстной ихъ обработки, продолжаютъ состоять временными собственниками своей земли, ихъ частныя права не поглощаются правами артели на эту землю, вслѣдствіе чего каждый изъ нихъ сохраняетъ свою хозяйственную свободу и можетъ состоять въ артели до той поры, пока ему это выгодно. Если общность обработки начинаетъ стѣснять его, онъ можетъ соединить свой надѣлъ и трудъ съ другими, съ которыми вести общее дѣло ему ни-

сколько не противно. Между такою вполнѣ свободною формою артельного труда и постоянными земледѣльческими артелями, разрушающими хозяйственную свободу отдѣльных членовъ, нѣтъ ничего общаго.

Можно признать отличительнымъ характеромъ всѣхъ практикуемыхъ нашимъ крестьянствомъ артелей — временное ихъ назначеніе. Это служитъ положительнымъ доказательствомъ отъ обращенія крестьянъ отъ тѣхъ видовъ артельныхъ предпріятій, посредствомъ которыхъ уничтожается независимость отдѣльных членовъ. Краткосрочность артельного труда служитъ гарантіею независимости отъ артельныхъ руководителей, которые свое непродолжительное старшинство надъ товарищами считаютъ высокою честью, стараются исполнять честно и свои обязанности. Самое же существенное въ этихъ, хотя и кратковременныхъ, но ежеминутно въ крестьянской средѣ учреждаемыхъ артеляхъ состоитъ въ возможности выхода изъ опредѣленной артели, коль скоро порядки ея или произволъ руководителей оказываются для того или иного члена обременительными. Возможность выхода, обезпечиваетъ взаимное уваженіе правъ каждаго, служитъ гарантіею противъ притѣсненій меньшинства большинствомъ членовъ, чего нѣтъ и не можетъ быть въ постоянной артели, въ особенности же въ постоянной земледѣльческой артели, въ которой поземельные участники лишаются своихъ поземельныхъ надѣловъ, отдають ихъ въ артельную массу, прикрѣпляясь вмѣстѣ съ ними въ артели. Последователи послѣдняго вида артелей игнорируютъ тотъ знаменательный фактъ, что въ средѣ нашего крестьянства, такъ склоннаго къ артельному труду, нигдѣ не существуетъ постоянныхъ земледѣльческихъ артелей. Крестьяне весьма часто артельно обрабатываютъ арендуемыя ими земли, но не соединяють въ большихъ размѣрахъ въ одну артельную массу собственныхъ надѣловъ. Имѣя свою собственную землю, крестьяне артельно обрабатываютъ арендуемый ими участокъ, если не сознавая, то чувствуя, что такая артель не можетъ принести каждому изъ нихъ особенныхъ стѣсненій, такъ какъ выходъ изъ нея вполнѣ возможенъ, чего не было бы въ томъ случаѣ, если бы они отказались отъ своей земли, какъ находящейся въ ихъ част-

ной собственности и превратили бы эту землю въ артельную. Даже и къ своимъ собственнымъ землямъ и притомъ въ большихъ размѣрахъ они примѣняютъ артельный трудъ, но только въ такихъ его формахъ, при которыхъ каждый отдѣльный хозяинъ не лишается надѣла, не теряетъ хозяйственной самостоятельности. Такъ, въ степной полосѣ между Ураломъ и Волгою крестьяне соединяютъ своихъ лошадей и воловъ для обработки земли тяжелымъ плугомъ, такъ какъ живой инвентарь каждаго отдѣльнаго хозяина весьма часто недостаточенъ для такой обработки. Таковы же артели крестьянъ, имѣющія цѣлю приобрѣтеніе разнаго рода дорогихъ орудій, необходимыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, но приобрѣтеніе которыхъ для каждаго отдѣльнаго хозяина на собственные средства затруднительно или вовсе невозможно. Всѣ подобнаго рода артельныя предпріятія, поднимая производительное значеніе личности, не отнимаютъ хозяйственной самостоятельности и свободы (10).

(1) Это происходитъ изъ необходимости свободнаго распоряженія трудомъ рабочихъ, что невозможно при отсутствіи солидарности ихъ интересовъ съ интересами землевладѣльца. Нѣкоторые требуютъ даже уничтоженія или ограниченія свободы сельскихъ рабочихъ, исходя изъ необходимости въ сельскомъ хозяйствѣ полной свободы распоряженія трудомъ. Польскій экономистъ Н. Миттельштедтъ говоритъ по этому поводу: „Освобожденный работникъ зачастую говоритъ: „сего, дня дождь, я останусь дома.“ Если бы генералу поручили команду надъ войскомъ, которое будетъ драться только тогда когда захочетъ, и откажется идти въ походъ въ дождливую погоду, что онъ бѣдняга сдѣлаетъ? А въ хозяйствѣ хуже чѣмъ на войнѣ; потерянная недѣля ничѣмъ не вознаградится, даже если бы въ слѣдующую недѣлю располагали двойными рабочими силами; время ушло, солнце грѣетъ слабѣе и результатъ долженъ выйти плохой, тогда какъ на войнѣ можно вознаграждать потерянное и въ концѣ концовъ все таки остаться побѣдителемъ“. Нов. экон. начала, стр. 100. (2) Н. Вунге. Полицейское право, выпускъ 3, стр. 228. (3) Richesse des Nations т. II, стр. 145. (4) Dict. de l'écon. pol. сл. agriculture. (5) Фундлей. Стат. описаніе Киевск. губ. т. II, стр. 292—298. (6) Ос-

нов. пол. экон. т. 1. стр. 264. (7) Eugène Bonnemere. Hist. de l'association agricole, стр. 22. (8) L. Reubaud. Études sur les réformateurs modernes, т. II, стр. 177. (9) Древняя и новая Россія, 1876. № 10, ст. г. Потанина: Никольскій уѣздъ и его жители, стр. 150. (10) А. Антоновичъ. Общинный трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ, см. Жур. Мин. Госуд. Имуществъ. 1878. Июнь.

III. Предпріятія съ точки зрѣнія содержанія ихъ.

§ 1. (1) Способности людей разнообразны и не равны подобно тому, какъ разнообразны и не равны ихъ духовныя и матеріальныя потребности. Также разнообразны и силы природы. Нѣтъ въ мірѣ такой страны, которая вмѣщала бы въ себѣ все необходимыя условія производства. Однѣ страны и даже однѣ мѣстности одной и той же страны изобилуютъ извѣстными условіями производства, между тѣмъ какъ въ другихъ эти условія отсутствуютъ. Наконецъ, то же необходимо сказать и относительно капитала; силы его разнообразны въ разныхъ странахъ и въ разныхъ частяхъ одной и той же страны. Это разнообразіе потребностей человѣка и производительныхъ силъ представляетъ собою основную причину разнообразія производительной дѣятельности по содержанію ея. Люди группируютъ свои занятія по извѣстнымъ условіямъ производства; однѣ группы занимаются одними промыслами, другія — другими; каждая изъ нихъ старается заниматься именно тѣмъ, къ производству чего находитъ наиболѣе годныхъ условій. Такъ возникло раздѣленіе занятій или промысловъ. Производительная дѣятельность человѣка въ этомъ отношеніи можетъ быть раздѣлена на слѣдующіе отдѣлы: а) отдѣлъ добывающей промышленности, состоящей въ добываніи продуктовъ, произведенныхъ главнымъ образомъ силами природы; сюда относятся на прим. охота, рыболовство, такъ называемые горные промыслы; б) сельское хозяйство, имѣющее своей задачей производство сырыхъ продуктовъ и первоначальную переработку ихъ; в) отдѣлъ обрабатывающей промышленности, состоящей въ дальнѣйшей обработкѣ продуктовъ, какъ

создаваемыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ и получаемыхъ въ добывающихъ отрасляхъ промышленности; г) отдѣлъ торговой промышленности, имѣющей своимъ предметомъ посредничество между производителями и потребителями; д) отдѣлъ перевозочной промышленности, имѣющей своей задачей перемѣщеніе лицъ и вещей изъ однихъ мѣстъ въ другія и е) отдѣлъ такъ называемыхъ свободныхъ профессій (*professions libérales*), куда относится трудъ ученыхъ, художниковъ, артистовъ и т. п. Эти общіе отдѣлы, на которые дѣлится народный трудъ, какъ видимъ, въ свою очередь раздѣляются на отдѣльные виды, изъ коихъ каждый становится предметомъ занятій особыхъ группъ людей. Благодаря этому раздѣленію, въ настоящее время самая простая вещь, употребляемая каждымъ изъ насъ, прежде чѣмъ достигнетъ своего назначенія должна проходить массу самыхъ разнообразныхъ производствъ. Для той одежды, которую носить простой поденщикъ, необходимо, чтобы одни производители занимались разведеніемъ овецъ, другіе мытьемъ шерсти, третьи пряденьемъ, четвертые тканьемъ, нѣкоторые крапешіемъ сукна, шитьемъ его и т. д. На приготовленіе этой же одежды идетъ часть труда фабриканта, занимающагося приготовленіемъ машинъ для пряжи, для шитья и т. п., идетъ часть труда земледѣльца, инженера, фабриканта красокъ. Каждый изъ нихъ работаетъ, даже не зная о существованіи другаго, но въ результатѣ ихъ совокупной дѣятельности является одежда поденщика. И эта одежда только потому такъ дешева и общедоступна, что представляетъ собою результатъ такого обширнаго раздѣленія занятій.

Вслѣдствіе раздѣленія занятій каждый человѣкъ имѣетъ возможность посвятить себя тому, къ производству чего онъ наиболѣе способенъ и что онъ можетъ производить наиболѣе успѣшно. Одинъ человѣкъ посвящаетъ себя производству продукта А, другой — продукта В; каждый изъ нихъ, занявшись спеціально однимъ производствомъ, приобретаетъ ловкость, благодаря которой производство идетъ съ успѣхомъ. Положимъ, каждый изъ нихъ производитъ продуктъ своей спеціальности въ два дня, но продуктъ, составляющій спеціальность другаго, можетъ

произвестъ не иначе, какъ въ пять дней. Предположимъ, далѣе, что между этими производителями устанавливается обмѣнъ, такъ какъ каждый изъ нихъ нуждается въ продуктѣ другаго. Такимъ образомъ каждый изъ нихъ получаетъ желаемый продуктъ двумя днями труда; между тѣмъ какъ въ томъ случаѣ, если бы самъ производилъ, то употребилъ бы для этого пять дней. Каждый, слѣдовательно, выигрываетъ по три дня, а оба вмѣстѣ сберегаютъ шесть дней. Эти шесть дней безвозвратно пропали бы, если бы эти производители не специализировали своихъ занятій и не обмѣнивались между собою продуктами. Если мы обратимъ вниманіе на то, что общество состоитъ не изъ двухъ производителей, но изъ милліоновъ, то поймемъ, какая громадная масса сберегается труда, благодаря раздѣленію занятій. Съ другой стороны раздѣленіе занятій представляетъ собою условіе, благодаря которому спеціальныя качества различныхъ факторовъ производства относительно потребленія какъ бы сглаживаются. Одна мѣстность наиболѣе способна къ производству одного продукта, другая — къ производству другаго. Если бы каждая изъ этихъ мѣстностей вела изолированное хозяйство, то влѣдствіе этого, каждая изъ нихъ была бы монополизирована относительно другой, не могла бы пользоваться спеціальными особенностями другой. Даже болѣе; каждая изъ нихъ не пользовалась бы во всей полнотѣ своими спеціальными особенностями. Если бы населеніе каждой изъ этихъ мѣстностей производило для себя все, что необходимо для удовлетворенія потребностей, то оно принуждено было бы производить и то, что въ данной мѣстности плохо производится. Такимъ образомъ была бы двоякая потеря: а) населеніе не вполне утилизировало бы спеціальныя особенности своей мѣстности и б) имѣло бы въ плохомъ качествѣ и меньшемъ количествѣ то, что всего успѣшнѣе производится въ другой мѣстности. Для избѣжанія этихъ потерь населеніе каждой мѣстности спеціально посвящаетъ себя тому производству, которое ведется всего успѣшнѣе въ его мѣстности; за тѣмъ устанавливается обмѣнъ продуктовъ, влѣдствіе чего каждая сторона имѣетъ возможность пользоваться особенностями другой. Такимъ образомъ раздѣленіе занятій приводитъ къ общности въ дѣлѣ пользованія спеціальны-

ми особенностями факторовъ производства; относительно потребленія оно какъ бы уничтожаетъ естественныя монополіи различныхъ мѣстностей, труда и капитала.

Въ своемъ постепенномъ развитіи раздѣленіе занятій переходитъ въ раздѣленіе между людьми промышленныхъ операцій въ каждой отдѣльной вѣтви промышленности. Для уясненія сущности этого подраздѣленія приводимъ нѣкоторые образцы его.

Процессъ выдѣлки булавки, говоритъ А. С м и т ъ, раздѣляется на 18 отдѣльныхъ операцій, изъ которыхъ каждая можетъ быть предметомъ занятій особаго работника; одинъ рабочій тянетъ проволоку, другой прямитъ ее, третій рѣжетъ, четвертый заостряетъ отрѣзки и т. д. А. С м и т ъ выдѣль небольшую фабрику, на которой работало всего 10 человекъ, такъ что нѣкоторымъ изъ этихъ рабочихъ приходилось дѣлать не одну, а нѣсколько разныхъ операцій. Не смотря на то, что рабочіе эти были бѣдны и употребляли плохіе инструменты, тѣмъ не менѣе они производили въ день около 12 фунтовъ булавокъ. Въ фунтѣ считается около 4,000 булавокъ среднихъ размѣровъ; слѣдовательно, 10 рабочихъ производили въ день около 48,000 булавокъ, или каждый въ отдѣльности — 4,800 булавокъ. Если бы они работали отдѣльно, то есть если бы каждый изъ нихъ производилъ всѣ операціи выдѣлки булавокъ, то не сдѣлалъ бы ихъ и 20 въ теченіи дня.

Ж. Б. Сэ представляетъ примѣръ фабрикаціи игральныхъ картъ. Каждая карта, то есть небольшой кусокъ картона, величиною въ ладонь, прежде превращенія въ игральную карту, проходитъ не менѣе 70 отдѣльныхъ операцій. Сэ выдѣль карточную фабрику, на которой работало всего 30 человекъ. Эти люди дѣлали въ день 15,500 картъ, то есть каждый изъ нихъ производилъ болѣе 500 картъ. Если бы они работали врозь и каждый производилъ всѣ части фабрикаціи картъ, то каждый изъ нихъ едва ли бы успѣлъ сдѣлать въ день двѣ карты, а всѣ вмѣстѣ, вмѣсто 15,500 картъ, сдѣлали бы только 60 картъ въ день.

По замѣчанію Ч. Беббеджа, производство часоваго механизма раздѣляется на 102 отдѣльныя операціи, требую-

щія спеціального изученія; ученикъ, поступающій къ хозяину для изученія часоваго мастерства, изучаетъ только $\frac{1}{102}$ часть его и, по истеченіи срока обученія, безъ новаго обученія не способенъ ни къ какой другой операціи того же искусства. Только тотъ работникъ, который занимается сборомъ въ одно цѣлое всѣхъ отдѣльныхъ частей часоваго механизма, можетъ работать въ другихъ отдѣленіяхъ, сверхъ своего; но этотъ рабочій и не включается въ число 102 лицъ, между которыми распредѣляются отдѣльныя операціи производства часоваго механизма.

Въ числѣ причинъ успѣшности производства при раздѣленіи операцій промысла между отдѣльными рабочими имѣютъ силу и общія причины успѣшности производства при раздѣленіи занятій или промысловъ, но существуютъ также и такія, которыя имѣютъ особенное значеніе именно при этомъ подраздѣленіи раздѣленныхъ занятій на отдѣльныя операціи, называемомъ нѣкоторыми экономистами „раздѣленіемъ труда.“

А. Смитъ приводитъ три причины особой успѣшности раздѣленнаго труда.

1) Раздѣленіе труда ведетъ къ увеличенію ловкости работника. Тотъ кузнецъ, который искусно владѣетъ молотомъ, но не приобрѣлъ навыка въ выдѣлкѣ гвоздей, не можетъ сдѣлать болѣе двухъ или трехъ сотенъ гвоздей въ день; между тѣмъ какъ мальчикъ, исключительно занимающійся выдѣлкой гвоздей, можетъ производить ихъ болѣе двухъ тысячъ. Эта причина, констатированная А. Смитомъ, дѣйствительно имѣетъ весьма важное значеніе; благодаря раздѣленію труда ловкость работника увеличивается и подъ влияніемъ навыка и подъ влияніемъ упрощенія производимыхъ операцій. То, что сначала дѣлается медленно, по замѣчанію Милля, впоследствии дѣлается быстро; то, что сначала дѣлается аккуратно только при медленности, потомъ дѣлается также аккуратно съ быстротою. Чѣмъ проще части, на которыя раздѣляется трудъ, тѣмъ скорѣе приобретаетъ ловкость. И это относится не только къ операціямъ физическаго труда, но также и къ умственному труду.

2) При раздѣленіи труда происходитъ сбереженіе времени, которое обыкновенно теряется при переходахъ отъ одного дѣла

къ другому, На этомъ основаніи, говоритъ К. С м и т ъ, сельскій рабочій, принужденный часто мѣнять работы, непродуцательно теряетъ много времени, пріобрѣтаетъ привычку къ праздности и становится неспособнымъ къ энергическому труду. Воззрѣніе А. С м и т а раздѣляется также Беббеджемъ. По его мнѣнію, когда человѣкъ занятъ однимъ дѣломъ, то не можетъ съ успѣшностью сразу заняться другимъ. Различныя операціи производятся разными мускулами; мускулы работавшіе пріобрѣтаютъ гибкость къ работѣ, между тѣмъ какъ бездѣйствовавшіе пріобрѣтаютъ неподвижность, вельдствие чего при перемѣнѣ работы сначала обыкновенно дѣло идетъ вяло и медленно. Сверхъ того, при многихъ производствахъ орудія требуютъ особаго приспособленія, для чего также можетъ бесполезно тратиться много времени.

М и л л ъ не раздѣляетъ этого воззрѣнія. Онъ говоритъ что А. С м и т ъ придаетъ слишкомъ большое значеніе потерѣ времени отъ перехода отъ одного дѣла къ другому. Самая перемѣна работы можетъ служить вмѣсто отдыха; надъ разными работами работаютъ разныя мускулы и умственные способности, изъ которыхъ однѣ отдыхаютъ и освѣжаются, пока другіе работаютъ. Физическій трудъ самъ по себѣ служитъ отдыхомъ для умственного, и наоборотъ. Разнообразіе въ работѣ производитъ освѣжающее дѣйствіе на человѣка, слѣдовательно и въ экономическомъ отношеніи полезно.

Но самъ М и л л ъ вполне справедливо утверждаетъ, что его соображеніе имѣетъ не одинаковую важность для разныхъ характеровъ. Такъ на прим. женщины живѣе мужчинъ, вельдствие чего предпочитаютъ разнообразіе въ трудѣ. Но есть многіе и между женщинами и между мужчинами, предпочитающіе усидчиво работать надъ какимъ либо однимъ дѣломъ. Очевидно, къ такимъ людямъ воззрѣніе А. С м и т а вполне примѣнимо. Необходимо, чтобы при раздѣленіи труда каждый могъ заниматься именно такъ, какъ онъ находитъ для себя наилучше заниматься. И однообразіе и разнообразіе въ трудѣ имѣютъ важное значеніе въ дѣлѣ производства, смотря по индивидуальнымъ особенностямъ трудящихся. Раздѣленіе труда, упрощая производствен-

ныя операціи, должно представлять полную возможность примѣненія къ производству трудовыхъ особенностей каждаго.

3) Когда человекъ сосредоточиваетъ вниманіе на одномъ предметѣ, то при этомъ онъ скорѣе можетъ изобрѣтать средства болѣе легкаго достиженія цѣли, чѣмъ при раздѣленіи его вниманія между многими и различными предметами. Вотъ почему говорятъ А. Смитъ, раздѣленіе труда должно быть признано важнѣйшею причиною техническихъ улучшеній, облегчающихъ производство. Это воззрѣніе примѣнимо и къ умственному труду; только сосредоточиваясь на небольшомъ кругѣ предметовъ, человекъ можетъ изслѣдовать все стороны изучаемыхъ явленій и принести дѣйствительную пользу умственному развитію.

4) Къ этимъ тремъ причинамъ особой успѣшности раздѣленнаго труда Ч. Беббеджъ присоединяетъ четвертую, состоящую въ классификаціи работниковъ по ихъ способностямъ. Трудъ распределяется наиболѣе производительнымъ образомъ чрезъ эту классификацію. Еслибы работникъ, который получаетъ два рубля, былъ принужденъ производить все операціи, на которыя можетъ быть раздѣленъ данный промыселъ, то онъ тратилъ бы мало производительно часть своего рабочаго времени, производя тѣ операціи, которыя могли бы выполняться болѣе простыми и менѣе способными рабочими, получающими меньшую заработную плату. Издержки производства при такихъ обстоятельствахъ были бы непомерно высоки. Такимъ образомъ классификація работниковъ по ихъ способностямъ при раздѣленіи труда приводитъ къ значительному сокращенію издержекъ въ многихъ производствахъ.

5) Наконецъ, по замѣчанію J. Rae, благодаря раздѣленію труда, извлекается наибольшая полезность отъ употребленія въ дѣло инструментовъ и машинъ. При отсутствіи раздѣленія занятій, во всехъ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣло употребляются разные инструменты и машины, часть ихъ не была бы постоянно занята, лежала бы праздно. Когда производитель употребляетъ въ дѣло одинъ инструментъ, употребляемый для одной операціи, все остальные инструменты, употребляемые при другихъ операціяхъ, лежали бы праздно. Благодаря раздѣленію труда,

является возможность постоянного ихъ употребленія различными рабочими, занятыми различными производственными операціями. Когда же машины и инструменты постоянно заняты, то получается отъ каждой изъ нихъ большій доходъ и можно каждую изъ нихъ лучше содержать, что въ свою очередь увеличиваетъ производительность.

Степень, до которой можетъ быть доведено раздѣленіе труда, обусловливается размѣрами сбыта продуктовъ и характеромъ производства.

Десять рабочихъ, раздѣлившихъ между собою операціи выдѣлки булавокъ, могутъ приготовить въ день 48,000 булавокъ. Очевидно, для того, чтобы раздѣленіе труда могло быть доведено до этого предѣла, необходимо, чтобы существовала возможность сбывать именно это количество булавокъ. Если спросъ на этотъ продуктъ не такъ великъ, если покупателями требуется ежедневно всего 24,000 булавокъ, то трудъ рабочихъ не можетъ быть раздѣленъ на 10 операцій, такъ какъ въ этомъ случаѣ они производили бы часть булавокъ, не находящихъ сбыта. Вотъ почему во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда спросъ на продукты ограниченъ, раздѣленіе труда незначительно. Въ небольшихъ городахъ и деревняхъ торговецъ занимается продажей самыхъ разнообразныхъ продуктовъ, между тѣмъ какъ въ большихъ городахъ торговля специализируется, торговецъ исключительно занимается на прим. продажей чая, масла или какого нибудь другаго одного предмета. Многие продукты не выдерживаютъ далекой доставки, или, если и выдерживаютъ, то не иначе, какъ при значительныхъ издержкахъ провоза. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ спросъ на продукты ограничивается небольшимъ райономъ, слѣдовательно въ производствѣ подобныхъ продуктовъ раздѣленіе труда по необходимости незначительно. Изъ этого видно, что раздѣленіе труда и, слѣдовательно, усиленіе его продуктивности можетъ быть достигаемо не иначе, какъ при расширеніи рынка для сбыта продуктовъ. Въ этомъ отношеніи особенно важное значеніе имѣютъ улучшенія въ путяхъ сообщеній, отъ которыхъ главнымъ образомъ зависитъ возможность сбыта продуктовъ.

Съ другой стороны, какъ мы сказали, степень раздѣленія труда обусловливается характеромъ производства. Оно вообще менѣе возможно въ тѣхъ отрасляхъ, въ которыхъ главнымъ дѣятелемъ являются силы природы; въ земледѣліи оно менѣе возможно, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности. Въ сельскомъ хозяйствѣ различныя работы въ большинствѣ случаевъ совершаются не одновременно, но въ различное время года. Сельскій хозяинъ долженъ быть то пахаремъ, то сѣятелемъ, то жнецемъ и т. п. Эти работы совершаются въ разное время, поэтому должны быть выполняемы однимъ и тѣмъ же человѣкомъ. Невозможность широкаго примѣненія раздѣленія труда въ сельскомъ хозяйствѣ представляетъ собою одну изъ причинъ того, почему производительная сила труда въ этомъ хозяйствѣ не сдѣлала такихъ успѣховъ, какъ въ другихъ отрасляхъ промышленности.

Крайнее развитіе раздѣленія занятій и труда имѣетъ и свои темныя стороны. Оно можетъ быть причиною зависимости работника отъ капиталиста, когда приводитъ къ тому, что обученіе рабочаго ограничивается какимъ либо однимъ незначительнымъ предметомъ производства, или частью его, на прим. $\frac{1}{102}$ частью часоваго механизма. Такой рабочій находится въ полномъ подчиненіи у хозяина, такъ какъ ему трудно найти занятіе въ другомъ мѣстѣ, гдѣ требуются иныя свѣдѣнія и гдѣ ему приходится конкурировать съ мастерами своего дѣла. Сопровождаясь такою односторонностью въ развитіи человѣка, раздѣленіе труда приводитъ за тѣмъ къ тому, что, по выраженію Рощера, въ людяхъ общество начинаетъ болѣе терять, чѣмъ пріобрѣтаетъ въ вещественныхъ цѣнностяхъ. Каково можетъ быть умственное развитіе того человѣка, который въ продолженіи всей своей жизни больше ничѣмъ не занимался, какъ только выдѣлываньемъ $\frac{1}{102}$ части часоваго механизма? Видѣть выгоды въ усиленіи производства при такомъ крайнемъ раздѣленіи труда, значить подчинять человѣка производству, значить утверждать, что не продукты создаются для человѣка, но человѣкъ созданъ для производства продуктовъ. Разумное развитіе раздѣленія труда не должно приводить къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ. Объ-

зательное образованіе является однимъ изъ лучшихъ средствъ къ такому направленію раздѣленія труда.

Въ умственномъ мірѣ раздѣленіе занятій и труда можетъ сопровождаться не менѣе печальными послѣдствіями. Въ настоящее время науки раздѣлились на дробныя части, изъ коихъ каждая составляетъ спеціальность особыхъ лицъ. Между различными узкими спеціальностями нѣтъ ничего общаго; ученые разныхъ видовъ умственного труда перестаютъ понимать другъ друга. Средствомъ противъ такихъ печальныхъ результатовъ должно быть всестороннее общее образованіе, по которому каждый могъ бы быть подготовленъ къ потребленію разнообразныхъ продуктовъ раздѣленнаго умственного труда.

(1) A. Smith. Richesse des Nations, т. 1. гл. 1—111.

М и л л ь, Осн. пол. экон. т. 1, кн. 1, гл. VIII.

§ 2. (1) Съ возникновеніемъ и развитіемъ раздѣленія занятій, когда общество состоитъ изъ множества группъ, трудящихся въ разнообразныхъ отрасляхъ промысловъ, весьма естественно возникаетъ вопросъ объ относительномъ значеніи этихъ послѣднихъ. Вопросъ этотъ долгое время былъ спорнымъ въ экономической литературѣ и имѣетъ свою исторію, свидѣтельствующую о печальныхъ послѣдствіяхъ заблужденій, нѣкогда считавшихся аксіомами.

Послѣдователи системы, носящей названіе меркантилизма, считали производительными только тѣ занятія, которыя умножаютъ въ странѣ количество благородныхъ металловъ. По ихъ ученію, мануфактурная или обрабатывающая промышленность производительнѣе земледѣльческой; мануфактурные продукты обладаютъ высокою цѣнностью сравнительно съ ихъ объемомъ, между тѣмъ какъ продукты земледѣлія имѣютъ сравнительно съ ихъ объемомъ незначительную цѣнность; поэтому первые доставляютъ большую возможность привлекать въ страну золото и серебро. На томъ же основаніи производство предметовъ роскоши и вообще

утонченныхъ продуктовъ считалось наиболѣе производительнымъ занятіемъ. Внѣшняя торговля, по ученію меркантилистовъ, представляетъ собою ничто иное, какъ борьбу изъ-за денегъ между торгующими странами. Когда одна страна за свои товары получаетъ деньги отъ другой, то первая, по ихъ мнѣнію, увеличиваетъ свое богатство, между тѣмъ какъ вторая лишается части его. Отсюда выводили заключеніе, что страна посредствомъ торговли можетъ увеличить свое богатство не иначе, какъ въ ущербъ другой; увеличеніе благосостоянія одной страны разсматривалось какъ причина уменьшенія благосостоянія другой. На этомъ основаніи старались поощрять вывозную торговлю и всеми возможными мѣрами стѣсняли ввозную, за исключеніемъ ввоза орудій производства и сырыхъ продуктовъ, которые имѣли быть вывезены обратно въ обработанномъ видѣ. Разработку рудниковъ меркантилисты считали занятіемъ производительнымъ даже въ томъ случаѣ, когда издержки производства вовсе не окупались, такъ какъ и въ этомъ случаѣ количество обращающейся въ странѣ монеты не уменьшалось, но увеличивалось.

Основное заблужденіе меркантилистовъ состояло въ томъ, что они отождествляли деньги съ богатствомъ. По выраженію А. Смита, считать деньги богатствомъ, это тоже самое, что считать дорогу, по которой всего удобнѣе доѣхать до нашего дома, за этотъ самый домъ. Деньги представляютъ собою только орудіе для обращенія богатствъ, а не самыя богатства. Если такъ, то очевидно, что все ученіе меркантилистовъ о производительномъ значеніи различныхъ занятій является страннымъ заблужденіемъ. Меркантильная доктрина, по замѣчанію Милля, кажется намъ похожою на нескладныя фантазіи дѣтства, мгновенно разрушаемыя однимъ словомъ взрослого человѣка. „Но пусть никто не говоритъ, что избѣжалъ бы этого заблужденія, если бы жилъ во времена его господства.“ Въ дѣйствительности это заблужденіе, основанное на такомъ недѣльномъ понятіи о сущности богатства, господствовало въ умахъ лучшихъ мыслителей и современныхъ ему законодателей. Подъ влияніемъ этого заблужденія фабричныя законы многихъ странъ были законами Дракона, писанными кровью человѣческою. Въ Англіи, на прим., существовала стро-

гая система постановлений, имѣвшихъ цѣлю стѣснить вывозъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, служащихъ матеріаломъ для фабрикъ; наоборотъ, ввозъ такихъ продуктовъ поощрялся всевозможными мѣрами. При Карлѣ II вывозъ шерсти былъ объявленъ государственною измѣною; виновный подвергался конфискаціи всего имущества и смертной казни. Постановление это было нѣсколько смягчено при Вильгельмѣ III. Въмѣсто смертной казни и конфискаціи всего имущества, опредѣленъ былъ штрафъ въ 3 шилл. съ каждаго фунта шерсти и конфискація груза; сверхъ того, преступникъ такой терялъ право требовать съ кого бы то ни было свой долгъ. Кто не могъ уплатить положеннаго штрафа въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ, тотъ наказывался ссылкой на 7 лѣтъ; если онъ убѣгалъ изъ ссылки, то подвергался смертной казни. Былъ также запрещенъ вывозъ овецъ. Въ 8-й годъ царствованія Елисаветы былъ изданъ законъ, по которому уличенный въ этомъ преступленіи наказывался конфискаціей всего имущества, заключеніемъ въ тюрьму на одинъ годъ, и, по окончаніи срока заключенія, у него отсѣкали лѣвую руку. При повтореніи преступленія, виновный подвергался смертной казни. Считая мануфактурную промышленность наиболѣе производительною меркантилисты порабощали мануфактурамъ всѣхъ производителей сырыхъ продуктовъ, имъ были подчиняемы интересы потребителей, имъ были подчиняемы всѣ люди не только живые, но и мертвые. Въ Англіи въ 1678 г. было издано постановленіе, по которому мертвые могли быть погребаемы не иначе, какъ въ шерстяной одеждѣ.

Ученіе меркантилистовъ было подвергнуто критикѣ экономической школой, извѣстной въ настоящее время подъ именемъ физиократіи. По ученію физиократовъ, народное богатство можетъ быть увеличиваемо только однимъ путемъ, а именно—усовершенствованіемъ земледѣлія. Одно лишь земледѣліе не только возвращаетъ затраты, употребленныя на производство, но также даетъ чистый доходъ. Сельскій хозяинъ, положивъ въ землю одно зерно, возвращаетъ его въ видѣ пяти и болѣе зеренъ; благодаря участію силъ природы въ сельскомъ хозяйствѣ, получается новое имущество, которое не существовало прежде. Всѣ дру-

гія отрасли промышленности только воспроизводятъ сдѣланныя затраты; сколькимъ бы операціямъ не подвергался фунтъ шерсти въ обрабатывающихъ отрасляхъ народной промышленности, онъ остается не болѣе, какъ тѣмъ же фунтомъ шерсти; промышленныя операціи не могутъ придать къ нему ни малѣйшаго атома, не создадутъ новаго имуществва, этого *produit net*, составляющаго отличительную черту сельскаго хозяйства. Всѣ не земледѣльческія отрасли промышленности безплодны; отъ нихъ нечего ожидать увеличенія народнаго богатства. Фабричныя произведенія имѣютъ большую цѣнность, чѣмъ сырые матеріалы, обрабатываемые на фабрикахъ, но это нисколько не противорѣчитъ признанію всѣхъ фабрикъ безплодными. Новая цѣнность, представляющая собою разницу между цѣною сыраго матеріала и цѣною его въ обработанномъ видѣ, есть простой результатъ того, что при обдѣлкѣ сырыхъ матеріаловъ потребляются земледѣльческіе же продукты, размѣромъ потребления которыхъ и опредѣляется размѣръ новой цѣнности. Мануфактурная промышленность только измѣняетъ форму вещества, но не создаетъ ничего новаго, поэтому не имѣетъ производительнаго значенія; точно также бесплодна и торговля, не создающая продуктовъ, но только перемѣщающая ихъ. Возвысивъ такимъ образомъ значеніе сельскаго хозяйства, фізіократы должны были признать, что подати могутъ быть налагаемы только на землевладѣльцевъ. Подати взимаются не съ капитала, а съ чистаго дохода, но такъ какъ, по ихъ ученію, только одно земледѣліе даетъ чистый доходъ, то одни лишь землевладѣльцы и должны уплачивать подати. Всѣ другія отрасли промышленности, какъ не дающія чистаго дохода, какъ бесплодныя въ экономическомъ отношеніи, должны быть свободны отъ всякихъ общественныхъ и государственныхъ повинностей.

Это ученіе фізіократовъ было встрѣчено массою образованныхъ современниковъ съ полнымъ сочувствіемъ, многими съ энтузіазмомъ. Ф. Кенэ (*Quesnay*), основатель фізіократіи, написалъ таблицу, въ которой посредствомъ числовыхъ формулъ изобразилъ сущность своего ученія. Таблица эта, говоритъ А. Бланки, разъяснялась и развивалась приверженцами съ такою

же увѣренностью, съ какою объясняются въ школахъ геометрическія теоремы; ее твердили наизусть, какъ катехизисъ, изъ котораго каждый классъ гражданъ узнавалъ свои обязанности въ общественной іерархіи. Дюпонъ де Немуръ говорилъ о ней: „это чудная формула, благодаря которой мы имѣемъ возможность съ поразительною быстротою и точностью производить всѣ операціи относительно происхожденія и распредѣленія богатствъ. По мнѣнію маркиза де - Мирабо, съ самаго начала существованія міра сдѣлано было три величайшихъ открытія: письма, монеты и экономической таблицы Ф. Кенэ.

Въ настоящее время это ученіе не имѣетъ никакого научнаго значенія. Теорія фізіократовъ основана на ложномъ понятіи о томъ, что такое производство. Производство состоитъ не въ созданіи матеріи, но въ созданіи годности; въ результатъ производства получается новая годность, новая полезность, но не нова матерія. Ни одна отрасль промышленности не производитъ новаго вещества, этого *produit net* фізіократовъ, не производитъ его и земледѣліе, которое, подобно другимъ отраслямъ промышленности, лишь придаетъ существующей матеріи новую годность. Процессомъ производства человекъ придаетъ веществу ту форму, при которой оно становится наиболѣе годнымъ къ удовлетворенію потребностей. Въ этомъ отношеніи всѣ отрасли промышленности имѣютъ одинаковое значеніе; ни одна изъ нихъ не создаетъ новаго вещества, ни одна изъ нихъ не можетъ быть названа безплодною, такъ какъ каждая имѣетъ своимъ предметомъ созданіе новой годности для удовлетворенія нашихъ потребностей.

А. Смитъ считалъ производительными только тѣ занятія, которыя овеществляются въ продуктахъ, могущихъ быть предметомъ обмѣна. Такъ называемый невещественный трудъ и вообще всѣ личныя услуги онъ считалъ не имѣющими производительнаго значенія для общества. Люди, работающіе въ такихъ занятіяхъ, не создаютъ ничего такого, что имѣло бы вещественную форму и мѣноспособность. Работа такихъ людей, подобно рѣчамъ оратора или аккордамъ музыканта, исчезаетъ въ ту же минуту, когда она окончена; результатъ годоваго труда не вы-

ражается ни въ какихъ вещественныхъ цѣнностяхъ. Но и между вещественными занятіями, по мнѣнію А. Смита, существуетъ разница ихъ значенія. Въ одномъ только земледѣліи, говоритъ онъ, не только воспроизводятся едѣлаемые затраты, но также получается излишекъ, называемый рентой; такого излишка нѣтъ въ другихъ отрасляхъ промышленности. Утверждая это, согласно съ воззрѣніями фізіократовъ, А. Смитъ тѣмъ не менѣе отвергаетъ взглядъ послѣднихъ на неземледѣльческія отрасли труда, какъ на безплодныя занятія. Сами фізіократы признаютъ, говоритъ онъ, что классъ людей, состоящій изъ торговцевъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ, ежегодно возстановляетъ цѣнность своего потребленія. Если же такъ, то мы не имѣемъ никакихъ основаній считать этотъ классъ безплоднымъ въ народной экономіи. „Не считаемъ же мы безплоднымъ тотъ бракъ, который даетъ, на смѣну отца и матери, сына и дочь, хотя такіе браки не увеличиваютъ населенія, но только поддерживаютъ его на уровнѣ прежней численности.“

Въ новѣйшее время ученіе А. Смита было поддержано Миллемъ (*). Всякій трудъ, говоритъ Милль, долженъ считаться непроизводительнымъ, если онъ оканчивается непосредственнымъ наслажденіемъ его результатами, не увеличивая запаса постоянныхъ средствъ этого наслажденія. Другими словами, всякій трудъ не увеличивающій матеріальныхъ продуктовъ страны, долженъ быть признанъ не имѣющимъ производительнаго значенія. Увеличеніе числа лицъ, занимающихся невещественнымъ трудомъ, ведетъ къ уменьшенію въ странѣ числа лицъ, занимающихся другими отраслями производства, на прим. земледѣліемъ; но увеличеніе числа людей, занимающихся вещественнымъ производствомъ, въ то же время даетъ возможность существованію большому количеству людей въ другихъ занятіяхъ. „Трудъ на спасеніе жизни другу непроизводителенъ, если этотъ другъ непроизводительный работникъ и не производитъ болѣе того, что потребляетъ. Для религіознаго человѣка спасеніе души представляется далеко важнѣйшею службою, чѣмъ спасеніе жизни; но этотъ человѣкъ не назоветъ миссіонера или духовное лицо производительными работниками, если они не будутъ, подобно

миссіонерамъ южныхъ морей, вмѣстѣ съ религіозными доктринами распространять плоды цивилизаціи. Напротивъ очевидно, что чѣмъ большее число миссіонеровъ или духовныхъ лицъ существуетъ въ націи, тѣмъ меньшее число обращено на другіе предметы; тогда какъ чѣмъ большее число занимается земледѣліемъ и мануфактурами, тѣмъ большее число остается для другихъ цѣлей. Въ первомъ случаѣ оно уменьшаетъ *ceteris paribus* свой запасъ матеріальныхъ произведеній, въ послѣднемъ случаѣ оно увеличиваетъ его.“

Доктрина непронизводительности невещественныхъ занятій весьма рано вызвала реакцію. Одни изъ противниковъ ея подводили невещественный трудъ къ одному знаменателю съ вещественнымъ и на этомъ основаніи утверждали его производительное значеніе. Такъ Ж. Б. Сэ смотрѣлъ на духовныя способности человѣка какъ на особаго рода капиталъ, приносящій проценты, подобно всѣмъ капиталамъ вообще.

Другіе противники, наоборотъ, такъ сказать, одухотворяли вещественную дѣятельность. Такъ чешскій писатель Ригеръ говоритъ, что производство состоитъ въ созданіи полезностей, но полезность никогда не можетъ быть вещественною. Та форма, которую ремесленникъ или художникъ сообщаетъ своему веществу сама по себѣ на столько же можетъ считаться веществомъ, какъ и уроки, которые учитель даетъ своему ученику. Оба производятъ полезность, но съ тою разницею, что у перваго полезность воплощена въ веществѣ, тогда какъ у другаго перешла въ духъ. Отсюда видно, что все различіе заключается въ томъ, что въ одномъ случаѣ перерабатывается вещь, а въ другомъ духъ. Работа, какъ вещественная, такъ и духовная, производитъ полезность, которая остается и накапливается или въ видѣ вещей или въ видѣ полезныхъ дѣйствій на человѣка. Часъ ученія, который учитель посвящаетъ своему ученику, пройдетъ, какъ и та работа, которую выполняетъ горшечникъ для производства своей посуды. Но образованіе, которое такимъ образомъ получилъ ученикъ, остается въ немъ также прочно, какъ и та форма, которую придаетъ своей посудѣ горшечникъ.

Уже самый фактъ существованія теорій съ одной стороны овеществляющихъ духовную дѣятельность и съ другой одухотворяющихъ физическія занятія ясно указываетъ намъ на существованіе тѣсной связи между вещественными и невещественными занятіями, которая приводитъ къ прямому отрицанію доктрины непроизводительности послѣднихъ. Благодаря существованію тѣсной связи между этими занятіями, послѣдователи ученія о непроизводительности духовнаго труда впали въ непримиримыя противорѣчія. По ихъ ученію, говоритъ Ф. Листъ, воспитаніе свиней представляетъ собою производительное занятіе, между тѣмъ какъ воспитаніе человѣка—непроизводительный трудъ („also wer Schweine züchtet, ist productiv, und wer den Menschen erzieht, ist unproductiv?!“). Точно также, по ихъ ученію, считается производительнымъ трудъ человѣка, дѣлающаго скрипку, но непроизводителенъ трудъ скрипача, хотя трудъ перваго имѣетъ своимъ назначеніемъ служить послѣднему. Не производителенъ трудъ врача, между тѣмъ какъ, по этому ученію, считается производительнымъ трудъ аптекаря, изготовляющаго лекарство по рецепту перваго... Вотъ къ какимъ абсурдамъ приводитъ ученіе, отрицающее производительное значеніе невещественныхъ занятій.

Все занятія, направленные къ удовлетворенію потребностей человѣка, должны быть признаны имѣющими производительное значеніе. Но при этомъ каждое занятіе можетъ быть убыточнымъ для общества, когда оно развивается въ ущербъ другимъ занятіямъ, когда оно развивается на счетъ этихъ послѣднихъ. Общество можетъ испытывать страданія отъ ненормальнаго развитія однихъ занятій и слабосилія другихъ.

(1) A. Smith. Rich. des Nat. к. IV, гл. VIII и IX; Милль. Основанія, кн. 1 гл. III; В. Ригеръ. О капиталѣ и трудѣ невещественномъ ихъ значенія и положенія въ полит. экономіи; W. R o s c h e r. Die Grundl. der Nationalökonomie, кн. 1, гл. III. (2) Къ воззрѣнію этому склоняется также D u h r i n g, замѣчающій, что, не принявъ доктрины А. Смита, мы тѣмъ самымъ разширили бы ненормально предѣлы пол. экономіи; см. Kritische Grundl. der Nationaloekonomie und des Sozialismus. Berlin. 1871. стр. 161.

§ 3. Различныя по своему содержанию отрасли народнаго труда находятся между собою въ органической связи, по которой развитіе каждой изъ нихъ обусловливается развитіемъ остальныхъ. Каждая самостоятельная отрасль промышленности представляетъ собою рынокъ для сбыта продуктовъ другихъ отраслей; упадокъ какой либо изъ нихъ равносильнъ ограниченію сбыта продуктовъ остальныхъ отраслей, слѣдовательно равносильнъ ограниченію размѣровъ производства послѣднихъ.

Это положеніе было уяснено еще А. Смитомъ въ его прекрасномъ анализѣ отношеній между городомъ и деревней. Торговля сношенія между городомъ и деревней, говоритъ онъ, состоятъ въ обмѣнѣ сырыхъ произведеній на произведенія обработанныя. Деревня доставляетъ городу средства къ существованію его жителей и матеріалы для фабрикъ; городъ даетъ жителямъ деревни продукты своихъ фабрикъ. Интересы жителей города и жителей деревни находятся между собою въ неразрывной зависимости; интересъ деревни заключается въ возможно полномъ удовлетвореніи требованій города, какъ и наоборотъ. Раздѣленіе занятій доставляетъ общую пользу всеѣмъ людямъ, специализировавшимъ свой трудъ. Деревня получаетъ изъ города обработанныя произведенія съ гораздо меньшими издержками, чѣмъ тѣ, которыя потребовались бы при самостоятельномъ производствѣ городскихъ продуктовъ. Съ другой стороны, городъ представляетъ собою рынокъ для сбыта продуктовъ, производимыхъ въ деревнѣ. Чѣмъ богаче городъ, чѣмъ состоятельнѣе и многочисленнѣе его жители, тѣмъ обширнѣе такой рынокъ, тѣмъ больше сбытъ продуктовъ деревни и, слѣдовательно, тѣмъ больше выгода послѣдней. „Сравните земли, лежащія вблизи городовъ, съ землями отдаленными отъ послѣднихъ, и вамъ легко будетъ убѣдиться въ пользѣ, приносимой городомъ сельскому хозяйству.“ И такъ, городъ не живетъ на счетъ деревни, деревня не живетъ на счетъ города, но благосостояніе и города и деревни взаимно обусловливается. Развитіе мануфактурной промышленности требуетъ развитія сельско-хозяйственной, какъ и наоборотъ — развитіе сельскохозяйственной промышленности обусловливается развитіемъ мануфактурной. Размѣры приложенія труда къ произ-

водству зависятъ отъ размѣровъ рынка. Мѣры, направленныя къ развитію мануфактуръ на счетъ сельскаго хозяйства, ведутъ къ упадку послѣдняго, къ ограниченію рынка для сбыта мануфактурныхъ продуктовъ и въ окончательномъ результатѣ сопровождаются не возвышеніемъ, но уменьшеніемъ мануфактурнаго производства (1).

Наиболѣе рельефной иллюстраціей строгой зависимости развитія каждой отдѣльной отрасли промышленности отъ развитія остальныхъ можетъ служить естественное развитіе земледѣлія, ростъ котораго есть въ то же время ростъ народной цивилизаціи.

Слѣдую Р о ш е р у, можно разнообразныя системы земледѣлія подвести къ слѣдующимъ пяти категоріямъ ихъ: 1) *полукочевое* хозяйство, состоящее въ воздѣлываніи земли въ теченіи опредѣленнаго времени, послѣ чего эта земля бросается подъ залежь (*Dreisch*), а земледѣлецъ обращается къ воздѣлыванію новыхъ земель. Сюда относится на прим. наше подефичное хозяйство, при которомъ для обращенія земли въ положеніе годное для земледѣлія прибѣгаютъ къ выжиганію лѣса, кустарника или дерна; выжженные участки воздѣлываются въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ чего бросаются, а землевладѣлецъ переходитъ къ новымъ участкамъ. 2) *Трехпольное* хозяйство, которое Р о ш е р ь называетъ системой вѣчнаго пастбища; при этомъ хозяйствѣ каждое поле одинъ годъ засѣвается озимымъ хлѣбомъ, другой годъ яровымъ, а на третій остается подъ паромъ, то есть не засѣвается съ самой весны, а только обрабатывается и уваживается, и за тѣмъ только поступаетъ подъ посѣвъ озимаго хлѣба, который снимается уже въ слѣдующій годъ. 3) *Выгонное* хозяйство, при которомъ происходитъ, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, постоянная смѣна между посѣвами хлѣба и разведеніемъ кормовыхъ травъ. Въ этомъ хозяйствѣ силы земля возстановляются не залежью, какъ при полукочевомъ, и не исключительно паромъ, какъ при трехпольномъ хозяйствѣхъ, но посредствомъ травосѣянія, дающаго возможность содержанія значительнаго количества скота, какъ машины для удобренія. 4) *Плодосмѣнное* хозяйство, состоящее въ правильной смѣнѣ между хлѣбными, корнеплодными, травяными и другими культурными растеніями; здѣсь воз-

становленіе силъ земли достигается съ одной стороны сильнымъ удобреніемъ, на прим. гуано, молотою костью и съ другой смѣной насажденій, подготовляющей почву въ химическомъ и физическомъ отношеніяхъ къ развитію будущихъ растеній. 5) *Свободное хозяйство*, называемое *Роше ромъ* огородническимъ хозяйствомъ, идеаль котораго, говоря словами Либиха, состоитъ въ томъ, чтобы освободиться отъ плодосмѣнной системы при посредствѣ смѣны различныхъ видовъ удобренія. Принятіе каждой изъ этихъ системъ хозяйства зависитъ не отъ свободной воли сельскаго хозяина, но отъ всей совокупности экономическихъ условій, среди которыхъ ему приходится жить и дѣйствовать, — другими словами, отъ развитія всѣхъ остальныхъ отраслей народнаго труда. Представимъ себѣ, слѣдуя ф. Тюпену, совершенно изолированное государство, имѣющее кругообразную территорію, почву на всемъ пространствѣ одинаково плодородную, безъ судоходныхъ рѣкъ и желѣзныхъ дорогъ, но съ большимъ городомъ въ центрѣ круга, въ которомъ сосредоточены неземледѣльческія отрасли труда и который, поэтому, представляетъ собою единственный рынокъ для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ. Какъ будутъ распределены системы хозяйства въ этомъ государствѣ?

Вблизи города, при обиліи удобренія и высокихъ цѣнахъ продуктовъ, будетъ господствовать система вольнаго хозяйства; здѣсь будутъ производимы тѣ продукты, которые не выносятся далекой перевозки, которые скорѣе переносятся, чѣмъ перевозятся въ городъ; получая удобреніе изъ города, хозяева будутъ продавать сѣно и солому для городскихъ лошадей. Получая высокія цѣны за продукты и получая обильное удобреніе изъ города, сельскіе хозяева будутъ возстановлять силы земли смѣной различныхъ видовъ удобренія, не держась никакихъ опредѣленныхъ и постоянныхъ перемѣнъ въ посевахъ и насажденіяхъ. Очевидно, въ этой мѣстности будетъ господствовать наиболѣе интенсивное хозяйство, воздѣлываніе земли будетъ наиболѣе культурнымъ. По мѣрѣ отдаленія отъ города выгодныя условія хозяйства будутъ все болѣе и болѣе уменьшаться, вмѣстѣ съ чѣмъ должна уменьшаться и степень его интенсивности. Такъ какъ городъ въ на-

шемъ изолированномъ государствѣ представляетъ собою единственный рынокъ для сбыта продуктовъ, остающихся отъ потребления на мѣстѣ, то въ мѣстахъ производства цѣны понижаются по мѣрѣ отдаленія отъ города концентрическими кругами обратно пропорціонально увеличенію затратъ на провозъ. Также уменьшается возможность пользованія изъ города удобреніемъ, вслѣдствіе увеличенія затратъ перевозки его. Это и заставляеть сельскихъ хозяевъ, по мѣрѣ удаленія отъ города, все болѣе и болѣе уменьшать степень интенсивности хозяйства, то есть уменьшать поземельныя затраты. На этомъ основаніи за округомъ вольнаго хозяйства будетъ слѣдовать округъ хозяйства плодосѣйнаго, при которомъ, сверхъ сильнаго удобренія, силы земли возстановляются также естественнымъ путемъ чрезъ смѣну посѣвовъ. *За этимъ округомъ будетъ слѣдовать культура выгоннаго хозяйства;* находясь вдали отъ города, сельскій хозяинъ долженъ получать удобреніе на мѣстѣ производства, чего онъ достигаетъ разведеніемъ травъ. За округомъ выгоннаго хозяйства еще болѣе усиливается необходимость уменьшенія издержекъ производства для возможности доставки продуктовъ въ городъ; здѣсь сельскій хозяинъ обратитъ вниманіе на паръ, какъ на существенное средство возстановленія силъ земли и въ этой мѣстности будетъ господствовать трехпольное хозяйство. За этимъ округомъ будетъ слѣдовать полукочевое хозяйство, крайняя противоположность вольному хозяйству; при рѣдкости населенія и обиліи некультивированныхъ земель, здѣсь будетъ господствовать кочевое скотоводство, какъ продуктъ, который самъ себя доставляетъ къ мѣсту продажи. Наконецъ, за этимъ округомъ невозможно никакое земледѣліе, какъ промышленность; здѣсь будетъ господствовать лишь охота и рыболовство (2).

Изъ этой гипотезы, основанія которой предложены Тюне-номъ въ видѣ отвлеченія, способствующаго уясненію сложныхъ хозяйственныхъ фактовъ, вѣскому очевидно, что принятіе усовершенствованныхъ системъ земледѣлія зависить не отъ воли землевладѣльца, но обусловливается экономическимъ строемъ страны, развитіемъ путей сообщенія и сбыта, то есть развитіемъ неземледѣльческихъ отраслей народнаго труда. Вотъ почему

усовершенствованныя системы земледѣлія не могутъ быть примѣняемы въ сельскому хозяйству тѣхъ странъ, въ которыхъ экономическій бытъ вообще слабо развитъ. Наоборотъ, въ странахъ съ высшимъ хозяйственнымъ развитіемъ убыточныя экстенсивныя системы земледѣлія; сельскій хозяинъ въ этихъ странахъ, ведя хозяйство, свойственное низшимъ ступенямъ обществѣности, легко можетъ разорить свое состояніе, не выдержавъ конкуренціи съ рационально ведущими свое дѣло сельскими хозяевами. Размѣры приложенія труда къ производству всецѣло обусловливаются размѣрами сбыта. Не имѣя сбыта, сельскій хозяинъ занимается земледѣліемъ исключительно для своихъ домашнихъ потребностей; количество его произведеній не можетъ быть значительнымъ, качество не всегда можетъ быть удовлетворительнымъ, потому что такой хозяинъ не специализируетъ своего занятія; онъ долженъ заботиться также объ удовлетвореніи своимъ непосредственнымъ трудомъ другихъ своихъ потребностей. Когда появляется сбытъ, сельское хозяйство совершенно преобразуется; изъ домашнего занятія, какъ промысла, направленаго къ непосредственному удовлетворенію потребностей производителя, оно превращается въ самостоятельную промышленность, производящую для сбыта въ обмѣнъ на продукты другихъ отраслей труда. И чѣмъ лучше организовать сбытъ, тѣмъ рациональнѣе организуется сельскохозяйственное дѣло, тѣмъ выше степень интенсивности его. Земледѣліе становится промышленностью, говорить де Лявернь, коль скоро развивается въ странѣ торговое и мануфактурное населеніе и когда это населеніе или находится на однихъ мѣстахъ съ земледѣльческимъ, или связано съ послѣднимъ удобными и дешевыми путями сообщеній. Англія Беквелю обязана своимъ рациональнымъ скотоводствомъ; но если бы въ этой странѣ не было Аркрайта и Уатта, то и Беквелъ не имѣлъ бы успѣха. „Если вы желаете развитъ земледѣліе, то постарайтесь о развитіи обрабатывающей промышленности и торговли, умножающихъ количество потребителей сельскохозяйственныхъ продуктовъ, въ особ. иности же усовершенствуйте пути сообщеній, благодаря которымъ происходитъ сближеніе между производителями и потребителями; все осталь-

ное возникнет само собою. Торговая и обрабатывающая промышленность такое же оказывает влияние на земледелие вообще, как кормовые травы и скотоводство на хлебные посевы, с первого взгляда между этими отраслями занятий может показаться противоречие (opposition), но, вникнув глубже в предмет, мы замечаем между ними такую тесную связь, по которой солидность развития каждой из них обуславливается развитием остальных“ (3).

И такъ, единеніемъ или солидарностью между различными по содержанію занятіями обуславливается надлежащее развитіе каждаго изъ нихъ. Для осуществленія же въ возможной полнотѣ этого единенія, необходима близость ихъ между собою, необходимо совмѣстное ихъ существованіе въ странѣ. Эта истина прекрасно уяснена экономистомъ Кэри (4). Сельскій хозяинъ, говоритъ онъ, никогда не долженъ забывать того, что онъ есть простой заемщикъ у банка-земли. Въ этомъ банкѣ требуется такая же строгая аккуратность, какъ и въ лучшихъ банкахъ всѣхъ образованныхъ государствъ. Но осуществленіе этой аккуратности не возможно при отдаленности между сельскимъ производителемъ и городскимъ потребителемъ, при отсутствіи или слабомъ развитіи внутренней мануфактурной промышленности. Во всѣхъ случаяхъ такой отдаленности сельскій хозяинъ не имѣетъ возможности возстановлять производительныя силы земли. Трудность возвратитъ удобреніе, значительныя издержки, необходимыя для доставки продуктовъ на отдаленные рынки и т. п. обстоятельства производятъ то, что сельскій хозяинъ постоянно продаетъ частицы своей почвы, изъ которыхъ слагается его капиталъ. Безъ внутренней обрабатывающей промышленности страна, въ видѣ сырыхъ продуктовъ, отправляемыхъ на иностранныя рынки, вывозитъ лучшую часть своей почвы, производительность которой постепенно слабѣетъ и наконецъ приходитъ въ окончательный упадокъ. При отдаленности потребителя сельскій хозяинъ не можетъ производить многихъ продуктовъ, не выдерживающихъ издержекъ провоза, влѣдствіе чего разнообразіе въ сельскохозяйственномъ производствѣ для него не мыслимо. Производитель, находящійся въ сосѣдствѣ съ рынкомъ для сбыта продук-

товъ, производить разнообразныя произведенія, что даетъ ему возможность бороться съ разными случайностями, между тѣмъ какъ отдаленный земледѣлецъ весь во власти слѣпнаго случая. Онъ находится въ положеніи того человѣка, котораго имущество находится на одномъ кораблѣ; въ самомъ концѣ плаванія корабль можетъ разбиться и все имущество пропадаетъ.

(1) Richesse des Nations, кн. III. гл. I. (2) Тюненъ Изолированное государство, стр. 1 и слѣд. Roscher. N. oecon. des Ackerbaues, B. II. §§ 40—46. (3) Essai sur l'écon. rurale de l'Angleterre, de l'Écosse et de l'Irlande, стр. 170, 172 и 179. (4) Principes de la science sociale, гл. X.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>напечатано</i>		<i>слѣдуетъ читать</i>	
<i>стр.</i>	<i>строк.</i>		
20	<i>сверху</i> 10	такимъ-то	какимъ-то
21	<i>снизу</i> 10	преступлений	преступленіи
24	<i>сверху</i> 2	часто. Между	часто между
"	" 21	заключеній	заключеніи
28	<i>снизу</i> 11	одинаково	одинаковою
33	<i>сверху</i> 18	удовлетворительно при.	удовлетворительно дѣйствуетъ при...
40	<i>снизу</i> 7	невозможно	невозможны
50	" 1	часто	чисто
85	" 6	хозяйство,	хозяйство—
94	" 13	строю	строѣ
98	<i>сверху</i> 2	въ производство	въ произаодствѣ
104	<i>снизу</i> 14	интереса	интересы
107	" 12	состояніе	состоянія
121	" 19	проводить	приводить
128	" 17	ческій	чешскій.

K215881

1761

62

Цѣна 1 (одинъ) руб. сер.